

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО - АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Поздравления с юбилеем журнала 5

Внешние угрозы военной безопасности России 12

М.Гацко

Указав, что хотя в настоящее время непосредственная опасность глобальной войны отодвинута, Российская Федерация по-прежнему сталкивается с множеством негативных процессов, которые представляют собой внешние угрозы её военной безопасности, автор рассматривает их развитие по основным геостратегическим направлениям.

Центр и Северный Кавказ: проблемы интеграции и развитие 26

Д.Халидов

Опираясь на анализ ключевых социально-политических и этнополитических проблем региона, а также страны в целом в той мере как они детерминированы северокавказским фактором, автор обосновывает общие контуры подхода Федерального центра в региональной политике на Северном Кавказе и проекты по отдельным направлениям.

Проблемы урегулирования этнополитических конфликтов на Северном Кавказе 40

Ф.Рогаткина

Автор анализирует политику России на Северном Кавказе и делает вывод, что отсутствие четкой национальной политики привело к постепенной утрате контроля над регионом.

В статье определены аспекты национальной политики, требующие особого внимания (социально-экономическое развитие региона, национальная безопасность, формирование толерантно-

сти в общественном сознании средств и форм демократического решения задач в национальной сфере), что позволит власти своевременно реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию в регионе и влиять на урегулирование этнополитических разногласий в интересах государства.

Этническое возрождение и его влияние на социализацию личности

47

Л.Коновалова

Исследуя один из основополагающих вопросов современной философии и педагогической парадигмы – этническое возрождение, автор рассматривает его в специфическом поле современного процесса глобализации, ставя в основу статьи этнические вопросы как факторы социализации. Основным материалом исследования выступает российская образовательная среда.

НАТО и Россия в начале третьего тысячелетия

54

Н.Максимычев

Во второй части своей статьи автор, продолжая рассматривать взаимоотношения России и НАТО после 1991 г., указывает, что несмотря на далеко не лучшее поведение альянса по отношению к России в этот период НАТО все же в какой-то мере сохраняет роль стабилизатора обстановки в Европе и поэтому отвечает фундаментальной заинтересованности России в мире и предсказуемости на европейском континенте.

Морской Шпицберген

64

А.Вылегжанин, В.Зиланов

В статье рассматриваются притязания Норвегии на морские пространства вокруг Шпицбергена, их «соответствие» международному праву, а также позиция России по данному вопросу. Предлагаются меры по разрешению создавшейся ситуации в этом районе.

Международно-правовой статус ЭЭС СНГ

72

С.Новикова

В статье, посвященной правовому статусу региональной международной электроэнергетической организации государств-участников СНГ (ЭЭС СНГ), обосновывается международная правосубъектность данной организации на основе признаков, присущих субъектам международного публичного права.

Европейский путь Турции

79

А.Задохин

В статье рассматривается деятельность руководства Турецкой Республики по решению внутренних и внешних проблем, которые позволили в конечном итоге поставить перед Европой вопрос о признании европейской идентичности Турции и о принятии её в Европейский союз.

Проблема Кипра в турецко-российских отношениях

85

Гюль Уйсал

В статье рассматривается состояние турецко-российских отношений в свете продажи Россией зенитных установок С-300 грекам-киприотам и обострившегося в этой связи кризиса в отношениях между Турцией и Грецией.

Основные проблемы управления НКО

95

С.Панасенко

На основе исследования практической деятельности некоммерческих организаций автор приводит анализ внешних факторов, которые косвенным или прямым образом влияют на эффективность управления НКО.

Подготовка кадров иностранных спецслужб

100

Е.Серебряков, С.Королев

Анализируя систему профессиональной подготовки кадров иностранных спецслужб, в частности американских, авторы отмечают ее основные черты и характерные особенности, которые могли бы быть использованы при подготовке и переподготовке кадров российских спецслужб.

Традиции кремлевского посольского обычая XV–XVII веков в современной протокольной практике

111

И.Семенов

Исследуя традиции посольского обычая эпохи Московского государства, автор формулирует основные принципы современного протокола, применяемого практически всеми странами.

Рецензии

Глобализация с человеческим лицом

122

А.Хазанов, В.Ушаков, К.Марков

В рецензии на книгу известного американского журналиста Томаса Фридмана «Однообразие мира: краткая история двадцать первого века» («The World is Flat: a Brief History of the Twenty first Century») указывается, что в ней автор пишет не только о рецепте успеха, обеспечивающем «третьему миру» процветание, но и дает анализ самого феномена глобализации.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., МЧЕДЛОВ М.П., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежалея», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокompании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – вице-президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ЛАПТЕВ П.А. – Уполномоченный РФ при Европейском суде по правам человека
ЛЬВОВ Д.С. – заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, академик РАН
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПОПОВ В.И. – начальник Общевойсковой академии Вооруженных Сил РФ, генерал-полковник
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СЕМИГИН Г.Ю. – директор Института сравнительной политологии РАН, доктор политических наук
- СУХАРЕВ А.Я. – директор Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА
ЖУРНАЛА «ОБОЗРЕВАТЕЛЬ–OBSERVER»
ПРОДОЛЖАЮТ ПОСТУПАТЬ ПОЗДРАВЛЕНИЯ
ОТ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА, ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НАУЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ДЕЛОВЫХ КРУГОВ

МЫ СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИМ ВСЕХ НАШИХ
ДРУЗЕЙ И ЧИТАТЕЛЕЙ, В ЧАСТНОСТИ НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ:

Главному редактору
журнала «Обозреватель–Observer»
Штолю В.В.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Поздравляю редакционную коллегию и весь авторский коллектив журнала «Обозреватель–Observer» с выходом 200-го номера.

Хотел бы отметить, что журнал регулярно публикует статьи дипломатических сотрудников нашего Министерства по вопросам внешней политики государства и международным отношениям.

Желаю Вам плодотворного творческого пути и новых интересных публикаций, которые по достоинству оценят читатели как у нас в стране, так и за рубежом.

С уважением,

А.В.ЯКОВЕНКО,
Заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации

Главному редактору
журнала «Обозреватель–Observer»
Штолю В.В.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Сердечно поздравляю Вас и весь коллектив редакции с выходом юбилейного, 200-го номера!

Журнал «Обозреватель–Observer» снискал уважение среди читателей своей взвешенной позицией, объективностью и непредвзятостью. На страницах журнала опубликованы интересные статьи и исследования ведущих российских экспертов, ученых и практиков. Особо интересны публикации по европейской проблематике, в том числе и затрагивающие те или иные аспекты нашего сотрудничества с Советом Европы.

Надеюсь, что это направление в дальнейшей работе редакции будет не только сохранено, но и усилено.

Со своей стороны, готовлю для уважаемого журнала «Обозреватель–Observer» небольшую теоретическую статью по вопросам, вытекающим из нашего участия в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Желаю журналу «Обозреватель–Observer» долгих лет жизни и успеха у читателей.

С уважением,

П.А.ЛАПТЕВ,
Уполномоченный Российской Федерации
при Европейском Суде по правам человека

Главному редактору
журнала «Обозреватель–Observer»
Штолю В.В.

Дорогой Владимир Владимирович!

С радостным удивлением узнал, что замечательный журнал «Обозреватель–Observer» подошел к важному рубежу – выпуску 200 номера. За плечами – без малого 15 лет упорного труда, дискуссий, поисков, находок, утрат и обретений. За эти годы «Обозреватель–Observer» превратился в один из ведущих аналитических журналов страны, флагман отечественной журналистики. Помнится, газету «Правда» называли когда-то секундной стрелкой истории.

«Обозреватель–Observer» можно с полным основанием назвать ее минутной стрелкой, ибо журнал все эти годы живо, оперативно и с подобающей аналитическому журналу глубиной откликался на все крупные значимые события нашей быстро текущей истории. Я счастлив, что некоторые мои публикации увидели свет на страницах Вашего журнала. Поздравляю коллектив журнала с преодолением 200-го верстового столба и желаю столько же, столько же и еще столько же!

С уважением и признательностью,

В.Б.ИСАКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
вице-президент Торгово-промышленной палаты
Российской Федерации.

Главному редактору
журнала «Обозреватель–Observer»
Штолю В.В.

Сердечно поздравляю с рабочим юбилеем – выходом двухсотого номера «Обозревателя–Observer».

Желаю дальнейших творческих успехов, массу читателей, здоровья, радости и удовлетворения проделанной работой издателям.

С уважением,

Г.А.АРБАТОВ,
академик РАН, Почетный директор
Института Соединенных Штатов и Канады

В редакцию журнала
«Обозреватель–Observer»

Выход в свет юбилейного номера журнала «Обозреватель–Observer» – хороший повод поздравить коллектив его создателей с этим событием и выразить ему благодарность за важную просветительную деятельность.

Круг освещаемых журналом тем и вопросов достаточно широк и разнообразен. Но мне особенно близки проблемы российской науки и ее дальнейшей судьбы.

Будущее принадлежит обществу, овладевшему научными знаниями и последними достижениями техники. Поэтому важно настойчиво наращивать интеллектуальный потенциал нации, ее культуру.

Этому может помочь разумная политика государства.

Нужно повышать социальный статус и роль в обществе ученых, конструкторов, изобретателей, творческих личностей, нужна забота о выращивании и воспитании талантов.

Хорошо, что журнал видит это и не ограничивается обсуждением начавшегося перетряхивания сложившихся структур нашей науки.

О.Т. БОГОМОЛОВ,
академик РАН

Главному редактору
журнала «Обозреватель–Observer»
Штолю В.В.

Уважаемый Владимир Владимирович, боевые друзья!

С чувством глубочайшей благодарности ветерана-фронтовика присоединяюсь к многочисленным поздравлениям почитателей Вашего журнала в юбилейный выход двухсотого его номера.

Для меня, юриста, он был образцом профессионализма и реализма, умения высветить насущные проблемы государственно-правового строительства, утвержде-

ния истины и правды в информационном море беспринципного приспособленчества и конъюнктуры. Редкое издание может похвалиться прогнозной результативностью исследовательских публикаций. Журналу «Обозреватель–Observer» она оказалась по силам. Обаяние и в его российском патриотизме, правдивом отражении подвига нашего народа в борьбе с фашистским врагом.

Надеюсь, что «Обозреватель–Observer» достойно отметит исполняющееся в октябре сего года 60-летие Нюрнбергского процесса.

Примите мои добрые пожелания.

А.Я.СУХАРЕВ,

Директор НИИ проблем укрепления законности
и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ,
доктор юридических наук, профессор

Главному редактору
журнала «Обозреватель–Observer»,
доктору политических наук
В.В.Штолю

Уважаемый Владимир Владимирович!

Сердечно поздравляю Вас и коллектив журнала с юбилеем. Публикуемые в журнале материалы отличаются злободневностью, остротой и глубиной анализа и, что немаловажно, политической неангажированностью. В то же время «Обозреватель–Observer» – не сторонний наблюдатель, он имеет собственные суждения, помогает лучше осмыслить историю, настоящее и будущее нашей страны и российского общества и стоящих перед нами проблем и вызовов.

Желаю дальнейших успехов.

С уважением,

Ю.С. ДЕРЯБИН,
Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ,
Руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН

Главному редактору
журнала «Обозреватель–Observer»,
доктору политических наук
В.В.Штолю

Уважаемый Владимир Владимирович!

Ленин утверждал – и в этом можно с ним согласиться, – что лучший способ отметить юбилей – это сосредоточить внимание на нерешенных вопросах.

У вас отличная юридическая аура, и представляется, что Вы могли бы систематически освещать ход судебной реформы и в целом рассматривать проблемы ста-

новления гражданского общества и унификации правового поля на постсоветском пространстве. К Вашему журналу прислушиваются и такие выступления помогают ориентировать тех, от кого зависит принятие решений.

А.П.ГАЛАГАНОВ,
Президент АМПО,
Вице-президент Федеральной палаты адвокатов,
Президент Федерального союза адвокатов России

В редакцию журнала
«Обозреватель–Observer»

Дорогие коллеги!
От души поздравляю вас с юбилеем!

«Обозреватель–Observer», я бы сказал, издание в большой степени уникальное. Много ли известно примеров, когда в редколлегии и редсовете, а главное на страницах журнала, были бы представлены столь разноплановые и «разновзглядные» люди культуры и искусства, различных отраслей науки, медицины, крупные общественные деятели прошлого (посредством мемуаров) и ныне действующие политики и дипломаты России и зарубежья, цвет юриспруденции, элита военной мысли? Не правда ли, журнал в чем-то напоминает Ноев ковчег. С единственным заметным отличием: у штурвала не Ной, а Штоль.

С недавних пор он – доктор политических наук, и это отражает рост теоретического уровня «Обозревателя». Кто знаком с издательским делом, поразится, если узнает, что это солидное судно держится на штате сотрудников, каковых анекдотически мало. Поэтому плавучесть судна обеспечивает энтузиазм Главного и (как мне стало известно) таких асов как Ирина Еременко и Юрий Новиков.

Счастливого плавания вашему ковчегу и попутного ветра!

И чтобы под килем было всегда столько футов, сколько вам всем (а значит и нам) нужно!

С глубоким уважением

Генрих БОРОВИК

Журналу
«Обозреватель–Observer»

Дорогие коллеги!

Двухсотый номер журнала – это результат творческих усилий людей, составляющих цвет российской интеллигенции, плод огромной работы тех, кто выпускает журнал. Он отражает патриотические настроения представителей нашей элиты, противостоящей претендентам на политическое и интеллектуальное руководство современным миром.

Сердечно поздравляю авторов и редакторов. Так держать!

Валентин ЗОРИН,
политический обозреватель, профессор

Главному редактору
журнала «Обозреватель–Observer»,
В.В.Штолю

Сердечно поздравляю коллектив журнала «Обозреватель–Observer» в связи с выходом юбилейного двухсотого номера. За свою жизнь, значительная часть которой пришлось на бурные и трудные годы жизни нашей страны, он заслуженно завоевал репутацию серьезного и качественного издания, особенно ценимого интеллектуальным читателем. Он никогда не впадал в идеологическую истерику, не позволял себе ангажированности, не поддавался соблазну конформизма. Публикуемые в журнале материалы отличает объективность, глубина и разнообразие, представленность различных точек зрения.

Искренне желаю вам новых успехов на этом пути.

Карен БРУТЕНЦ

Редакции журнала
«Обозреватель–Observer»

Дорогие друзья!

Поздравляю Вас с выходом юбилейного номера. Желаю Вам всем, чтобы люди, читающие журнал «Обозреватель–Observer», с нетерпением ждали выхода каждого следующего номера. В наше время очень важно, что издание привлекает интерес аудитории своей интеллигентностью и тщательным подбором материалов, отвечающих запросам вдумчивого, склонного к глубокому анализу мировых событий читателя.

Вероника ДУДАРОВА,
Народная артистка СССР, дирижер

Редакции журнала
«Обозреватель–Observer»

Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляю Вас с крупным журнальным юбилеем.

Наше издательство (все-таки «Международные отношения»), может быть, как мало кто другой, способно оценить Ваш вклад в понимание этих самых отношений и, главное, как живет в них нашей стране. Наверное, это и есть настоящая патриотическая позиция.

В коротком поздравлении невозможно перечислить Ваши профессиональные достоинства – их много. Среди прочего – вы не боитесь ни горячих, ни острых вопросов и умеете говорить о них и правдиво, и интеллигентно.

Успехов Вам!

Борис ЛИХАЧЕВ,
Генеральный директор
издательства «Международные отношения»

Редакции журнала
«Обозреватель–Observer»,

Главному редактору
Владимиру Штолю

Уважаемые коллеги,
уважаемый Владимир Владимирович!

Как автор давних времен и почитатель Вашего издания от души поздравляю с достижением весьма знаменательного рубежа – выпуска 200-го номера журнала «Обозреватель–Observer». Трудно представить непосвященному, как много умственной энергии, душевного волнения, да и физических сил потребовало создание такого собрания сочинений. Вместе с тем понятно, какой праздник бывает на сердце каждого из работников редакции, когда выходит в свет новая книжечка многотомной библиотеки журнала.

Когда-нибудь по содержанию его публикаций будут судить люди о движении общественной мысли, о радостях и проблемах того многострадального поколения, которому довелось жить в эпоху перемен.

Понятно, какие трудности приходилось и приходится преодолевать редакции и особенно ее руководству, чтобы обеспечить возможности выхода независимого издания и общения через него с читателями, стремящимися найти ответы на мучительные вопросы: кто мы и куда мы идем?

Наверняка редакционный коллектив и сам ищет ответы на эти и другие вопросы взбаламученного времени.

С пожеланиями и впредь успешно повышать наши знания о самих себе, продолжать формировать “бронзы многопудье” фундаментального издания для российских и зарубежных читателей, наращивать весомость позиции журнала «Обозреватель–Observer» в информационном пространстве интеллектуальной жизни России.

Валентин АЛЕКСАНДРОВ,
Главный редактор журнала “VIP-Premier”

Внешние угрозы военной безопасности России

Михаил Гацко,

кандидат философских наук,
заместитель начальника
4-го ЦНИИ Минобороны России

Несмотря на определенные позитивные изменения, такие как окончание “холодной войны”, улучшение отношений между Россией и США, достигнутые подвижки в процессе разоружения, мир не стал более стабильным и безопасным.

На смену прежнему идеологическому противоборству пришло геополитическое соперничество новых “центров” силы, противостояние этносов, религий и цивилизаций. Усиливается тенденция разрешения противоречий с применением военной силы, что приводит к дестабилизации обстановки в мире.

В последние годы возобладала тенденция расширения конфликтного пространства и его распространения на зону жизненно важных национальных интересов России, в том числе и в военной сфере.

Несмотря на то, что в настоящее время непосредственная опасность глобальной войны отодвинута, Российская Федерация по-прежнему сталкивается с множеством негативных процессов, которые представляют собой внешние угрозы её военной безопасности.

Рассмотрим их развитие по основным геостратегическим направлениям.

На Западе (Европа и США) основная потенциальная военная угроза для России продолжает исходить от блока НАТО. Она определяется направленностью военно-политического курса блока и наличием у его государств мощного военного и экономического потенциала.

Современная военно-политическая обстановка на Западе характеризуется усилением претензий США на роль мирового лидера, а также тенденций политической, экономической и военной интеграции западноевропейских стран, конечная цель которой – прове-

дение единой внешней политики, включая сферы безопасности и обороны, которая по ряду направлений не совпадает с интересами военной безопасности России.

Несмотря на улучшение отношений между США и Россией, американское военно-политическое руководство по-прежнему рассматривает Россию в качестве основного потенциального противника.

США как ведущая страна НАТО основные усилия направляет на то, чтобы не допустить восстановления Россией статуса сильной державы и фор-

мирования под её руководством новой коалиции государств. Приоритетным во внешней политике США сохраняется силовой подход к решению всего комплекса международных проблем. Для этого открыто используется потенциал самой мощной в мире военной структуры – вооружённых сил США.

По оценке независимого американского журналиста Марка Штейнберга, сегодня вооружённые силы США насчитывают около 1 млн. 400 тыс. профессиональных военнослужащих (контрактников).

Кроме того, в военную организацию США входит организованный резерв, состоящий из Национальной гвардии и резерва 1-й очереди – всего 1 млн. 230 тыс. чел.

Американские вооружённые силы оснащены самой современной техникой, их личный состав имеет высокую профессиональную подготовку и значительный опыт участия в боевых действиях¹.

Военный бюджет США в 2006 г. достиг почти 0,5 трлн. долл., что почти в 25 раз превышает расходы на национальную оборону РФ и практически составляет такую же сумму, которую тратят все остальные страны мира, вместе взятые, на содержание своих армий. Тем не менее США намерены и в дальнейшем увеличивать свои военные расходы.

Так, в 2007 финансовом году военное ведомство США получит 506,3 млрд. долл., включая расходы на ведение боевых действий в Ираке и Афганистане².

Особую опасность для России представляет расширение НАТО за счет включения в нее государств Восточной Европы и Балтийских стран, а также планы по вовлечению в ее состав Украины и Грузии.

В настоящее время в состав НАТО входит уже 26 государств. В перспективе руководство НАТО планирует включение в блок 46 европейских государств (без России).

С присоединением в 1999 г. к НАТО Польши, Венгрии и Чехии военная группировка альянса получила возможность продвинуться на Восток на 650–750 км и на 500 км на Юг. Характерно, что за рекрутированием в альянс Чехии, Польши и Венгрии, почти сразу же последовала военная операция НАТО против Югославии. Вместо мира и спокойствия новые члены НАТО, в первую очередь – венгры, получили войну у своих границ.

26 марта 2003 г. в Брюсселе был подписан протокол о вступлении в Североатлантический альянс “семерки”: Эстонии, Латвии, Литвы, Болгарии, Румынии, Словакии и Словении, которые уже в 2004 г. стали полноправными членами блока.

За счёт присоединения к альянсу Эстонии, Литвы и Латвии военная группировка НАТО продвинулась на Восток ещё на 300–500 км.

Теперь рубежи соприкосновения Вооружённых Сил РФ с вероятным противником на Западе проходят уже по границе Ленинградской и Псковской областей, а расположенная в Калининградской области российская 11-я Гвардейская армия оказалась полностью блокированной. Вступление указанной “семерки” прибавило НАТО почти 200 тыс. военнослужащих.

В результате объединённые вооружённые силы государств НАТО насчитывают в Европе 25 армейских корпусов, 105 отдельных бригад, 43 дивизии, 17 тыс. танков, 6300 боевых самолётов, 700 боевых кораблей.

Сегодня численность воинских формирований только европейских государств-членов НАТО без учёта американских военнослужащих составляет 1,4 млн. военнослужащих и 1 млн. резервистов.

Фактически в настоящее время российский военный потенциал в Европе уступает НАТО по количеству наземных вооружений в 4 раза и в 2 раза по авиации.

С принятием стран Балтии в состав НАТО указанный блок получил в своё распоряжение около 290 аэродромов, на ко-

торых можно сосредоточить до 3500 боевых самолётов. Подлетное время военных самолетов с аэродромов Прибалтики (Шауляй, Рига, Таллин и др.) до государственной границы России составляет практически несколько минут.

Использование этих аэродромов позволит всей тактической авиации НАТО нанести ракетно-бомбовые удары вплоть до Волги. Оставшаяся от Советской Армии прибалтийская военная инфраструктура (аэродромы, порты, склады, казармы и т.д.) позволяет НАТО при необходимости в недельный срок развернуть на прибалтийском плацдарме 280-тысячную мобильную военную группировку. При этом зона возможностей авиационных ударов ВВС альянса расширится до Урала.

В настоящее время в Латвии, Литве и Эстонии действуют достаточно мощные радиолокационные станции, позволяющие "просматривать" территорию России на глубину до 600 км.

Всё это объективно представляет опасность для интересов Российской Федерации.

В последние годы руководство НАТО активно прорабатывает вопрос о включении в состав альянса Украины.

Отношения НАТО с Украиной начали развиваться ещё в 1991 г., когда она обрела суверенитет и стала членом Совета североатлантического сотрудничества.

В 1994 г. Украина присоединилась к программе "Партнёрство ради мира", а в 1997 г. была подписана "Хартия об особом партнёрстве между НАТО и Украиной".

Украина все активнее готовится к переходу на стандарты НАТО во многих сферах военного строительства и обеспечения, занимается переподготовкой своих военнослужащих.

На Украине действует совместная рабочая группа НАТО – Украина по военной реформе, украинские военнослужащие принимают участие в учениях, проводимых НАТО.

17 марта 2004 г. Верховная Рада (парламент) Украины приняла решение о возможности предоставления войскам НАТО

права быстрого доступа на территорию страны и транзита, если это необходимо для реализации общей политики альянса.

В марте 2006 г. президент Украины В.Ющенко подписал указ "О создании межведомственной комиссии по подготовке к вступлению страны в НАТО". Официально заявлено, что Украина намерена вступить в НАТО в 2008 г.

Несмотря на то, что на территории страны-члена НАТО не должно находиться вооружённых сил государств, не входящих в этот альянс, нынешнее руководство блока не смущает наличие в Севастополе российской военно-морской базы.

Как заявил представитель генсека НАТО Дж.Аппатурай, "все 26 стран-членов НАТО поддерживают евроатлантическую интеграцию Украины ... и вопрос базы в Севастополе не остановит этот процесс".

Для Российской Федерации вступление Украины в блок НАТО было бы сильнейшим ударом. Ведь Украина входила в состав России с XVII в., русские и малороссы совместно обеспечивали военную безопасность державы. На Украине проживают миллионы русских, а также тех, кто считает русский язык родным (почти половина украинцы). Современное российское общественное мнение не может представить Украину членом блока НАТО, репутация которого для большинства россиян носит негативный характер.

В сложившихся условиях наша страна должна использовать все имеющиеся возможности, чтобы Украина не попала в русло явно антироссийской политики блока.

После окончания войны с Ираком Соединённые Штаты намерены переместить часть своих соединений из района Персидского залива на территорию восточноевропейских государств. Негласно этот процесс уже идёт. Польские полигоны уже используются для учебных тренировок армии

США, на территории Венгрии также развёрнута тренировочная военная база США, а Болгария предложила в распоряжение США 5 баз, одну из которых уже используют американские ВВС.

В результате расширения НАТО, совокупный военный потенциал альянса по обычным, в том числе тяжёлым, вооружениям значительно вырос. Увеличение произошло не столько за счёт вооружений вступивших в альянс прибалтийских государств, сколько за счёт того, что на территории государств Балтии для НАТО появилась возможность развёртывать дополнительные вооружения, развивать инфраструктуру обычных вооружений. Следовательно, расширение НАТО явно нарушает баланс, который сложился в ходе и во время действия Договора об обычных вооружённых силах в Европе.

Наиболее сложной международно-правовой проблемой, обострившейся из-за вступления в НАТО прибалтийских государств, сегодня является проблема ограничения обычных вооружённых сил в Европе и связанный с этим вопрос ратификации Договора об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ).

ДОВСЕ был подписан 19 ноября 1990 г. главами европейских государств, а также США и Канады.

Указанный Договор был призван сделать практически невозможным проведение широкомасштабных наступательных операций в зоне действия договора, то есть в европейском регионе от Атлантики до Урала.

Также ДОВСЕ предусматривал жёсткие ограничения на тяжёлые вооружения по следующим пяти категориям:

- боевые танки,
- бронемашины,
- артиллерийские системы калибром свыше 100 мм,
- боевые самолёты,
- ударные вертолёты.

Однако ликвидация Организации Варшавского договора (ОВД) и прекращение существования Советского Союза привели к тому, что вопрос ограничения потенциалов двух группировок перестал действовать. В этой связи 30 главами государств и правительства НАТО и Российской Федерации 19 ноября 1999 г. в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации ДОВСЕ к современным условиям.

Суть адаптации договора состоит в том, что меняется сам принцип ограничения вооружения. Вместо зональных нарезок для обычных вооружений предполагается введение сетки национально-территориальных уровней для вооружений.

Предусмотренная адаптированным Договором жесткая система национально-территориальных ограничений устанавливает потолок для размещения наземных вооружений и техники, чёткие временные и количественные рамки возможных изменений этого потолка без подрыва общей и региональной стабильности. Примечательно, что в результате реализации адаптированного Договора будет существенно уменьшен потенциал обычных вооружённых сил крупных в военном отношении европейских стран, США и Канады и снижены их наступательные возможности.

Суммарное сокращение уровней вооружений 19 стран НАТО по сравнению с действующими составит: по танкам – около 4800, по БМ – 4000, по артиллерии – более 4000, что соответствует вооружению примерно 10 отоброшенных дивизий натовского стандарта.

Однако до настоящего времени адаптированный Договор так и не вступил в силу, поскольку государства-члены НАТО искусственно затягивают его ратификацию под предло-

гом невыполнения Российской Федерацией своих обязательств, которые касаются сроков и условий пребывания её военных баз на территории Грузии, а также вывода российских войск с территории Республики Молдова.

По авторитетному мнению вице-президента Академии геополитических проблем, генерал-полковника Л.Ивашова, сегодня настоячивые требования к России уйти из Закавказья, Приднестровья и вообще с пространства СНГ уже переходят в фазу прямой концентрированной угрозы.

Так, официальный представитель руководителя американского государственного департамента А.Эрели и министр обороны США Д.Рамсфелд пригрозили, что адаптированный Договор об обычных вооружённых силах в Европе не может быть ратифицирован до тех пор, пока Россией не будут выполнены стамбульские договоренности 1999 г. в части вывода российских войск из Грузии и Молдавии.

На сегодняшний день Соглашение об адаптации ратифицировано всего тремя государствами – Украиной, Белоруссией и Казахстаном. Президент России в 2002 г. также внёс текст соглашения в Государственную Думу РФ для его ратификации, которая затягивается, поскольку четыре вновь принятые в НАТО государства (Литва, Латвия, Эстония, Словения) не стремятся присоединяться к международно-правовым обязательствам по этому договору.

Руководство НАТО заявляет, что вновь принятые члены альянса будут придерживаться всех ограничений, которых придерживаются государства НАТО, включая и ограничения на обычные вооружения. Однако указанные заявления носят лишь политический характер и не закреплены юридически. Таким образом, в настоящее время территория трёх прибалтийских государств образует регион, граничащий непосредственно с Российской

Федерацией, на территорию которого не распространяются международно-правовые ограничения по размещению обычных вооружений, прежде всего ДОВСЕ.

По адаптированному ДОВСЕ Эстония, Латвия и Литва могут получить квоты по 500–600 танков, 800 бронетранспортеров и по 100–200 самолетов. Учитывая их собственные возможности, трудно предположить, что государства Балтии используют эти квоты. Однако они вполне легально могут передать их другим странам НАТО, скажем, США. Так же, как передали сейчас свое воздушное пространство для патрулирования боевым самолетам ВВС Бельгии, Дании и Великобритании.

После террористических атак 11 сентября 2001 г. США вышли из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договора по ПРО) от 1972 г. запрещавшем системы оружия, способные уничтожать стратегические ракеты с ядерными боеголовками.

Теперь США приступили к выполнению Программы национальной противоракетной обороны (НПРО), которая предусматривает разработку и производство систем и вооружений, позволяющих гарантированно уничтожать межконтинентальные баллистические ракеты и боеголовки противника на любом участке траектории их полёта. Тем самым США намерены прикрыть свою территорию от возможного ракетного удара.

При этом военные объекты НПРО Пентагон планирует разместить в Европе.

На территории Великобритании уже имеется радиолокационная станция раннего предупреждения, входящая в систему НПРО США. На её модернизацию Пентагон выделил 450 млн. фунтов стерлингов.

Кроме того, по сообщению британской газеты "Индепендент" от 17 октября 2004 г., британский премьер-министр дал согласие

президенту США на размещение американских ракет-перехватчиков ПРО в Северном Йоркшире.

В связи с этим российский МИД сделал официальное заявление: "Американская сторона заверяет нас в том, что создаваемая ПРО США вместе с её зарубежными базами не направлена против России. Однако мы до сих пор не получили ответ на наш вопрос, каким образом будет обеспечена и гарантирована такая "ненаправленность". Пока такого ответа нет, российская сторона не может не принимать во внимание возможную угрозу безопасности России".

Элементы своей НПРО США пытаются разместить, но также в странах Восточной Европы.

Предварительные договорённости по данному вопросу уже достигнуты с руководством Польши и Венгрии, кроме того, ведутся переговоры с правительством Чехии.

В Польше и Венгрии США намерены разместить свои ракеты-перехватчики шахтного базирования, а в Чехии США хотели бы развернуть радиолокационную станцию раннего предупреждения.

В таком случае американцы смогут перехватывать российские баллистические ракеты, запущенные с европейской территории России.

Таким образом, сегодня основная угроза с Запада заключается в создании на российских границах кордона из буферных государств, расширении блока НАТО и наращивании его боевой мощи в зоне жизненно важных национальных интересов России, а также в развёртывании США национальной противоракетной обороны на территории европейских государств.

Однако большинство угроз военного характера для России, исходящих, прежде всего, от США и в целом от НАТО, сегодня практически не могут быть реализованы в реальном силовом противоборстве сторон. Залог тому –

сохранение Российской Федерацией своего потенциала ядерного сдерживания, который позволяет минимизировать военное превосходство других мировых держав и их коалиций над Россией.

На Востоке (Азиатско-Тихоокеанский регион – АТР) военно-политическая обстановка характеризуется усилением соперничества за лидерство в этом регионе между США, Японией и Китаем. Это связано, прежде всего, с возрастанием роли АТР в мировом хозяйстве и сосредоточением здесь громадных людских ресурсов (более половины всего населения Земли).

Геополитическая ситуация в АТР складывается в настоящее время не в пользу России, которая значительно ослабила здесь свои позиции. Это обусловлено беспрецедентным ростом экономической мощи Китая и его экономическим сближением с Японией, а также развитием военно-политического союза Японии и США, в то время как Россия не имеет достаточно сил и средств не только для упрочения своего влияния в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, но даже на освоение и развитие собственного Дальнего Востока и Приморья.

Япония, оставаясь союзником США, стремится повысить свой региональный и международный статус до уровня соответствия развитию её национальной экономики, науки и техники. Сегодня Япония активно претендует на роль лидера не только в Восточной и Юго-Восточной Азии, но и во всем АТР. Япония активно наращивает свой военный потенциал.

В 90-е годы на программу строительства своих вооружённых сил она затратила около 200 млрд. долл., ежегодный прирост военного бюджета страны составляет

6–7%, по объёму военных ассигнований она занимает третье место в мире.

В настоящее время японские силы самообороны насчитывают более 250 тыс. чел., 13 общевойсковых дивизий, около 1200 танков, свыше 400 боевых самолётов и около 150 боевых кораблей, при этом они располагают возможностью быстрого развертывания и способны решать оперативно-стратегические задачи за пределами своей территории как самостоятельно, так и в коалиции с союзниками.

Япония в состоянии производить ядерное оружие, её учёные и инженеры уже овладели ядерными технологиями, имеются в стране и запасы плутония, достаточного для создания 20 атомных бомб.

Угрозы военной безопасности России также создаёт отсутствие российско-японского мирного договора из-за японских территориальных претензий к Российской Федерации (острова Малой Курильской гряды, Итуруп, Кунашир). Вместе с тем, в ближайшей перспективе военно-политическое руководство Японии не намерено для разрешения имеющихся противоречий использовать военную силу против России.

США, поддерживая своё военно-стратегическое превосходство в регионе, стремятся не допустить усиления российского влияния в АТР. Ввиду значительной удалённости территории США от азиатских стран АТР Соединённые Штаты избрали в качестве оптимальной стратегию своего военного присутствия в регионе за счет создания множества военных баз и “хаотичного распределения” на них своей ядерной мощи и сил передового базирования.

Только в Японии и Южной Корее США имеют 89 тыс. военнослужащих, свыше 270 боевых самолётов, 27 боевых кораблей из состава 7-го флота ВМС США.

В Тихоокеанском бассейне главным дестабилизирующим фактором является явное превосходство (в два-три раза) ВМС

США и Японии над силами Тихоокеанского флота ВМФ России.

Китайская Народная Республика сегодня находится в стадии динамичного развития и фактически уже является ядерной державой с достаточно мощным военно-экономическим потенциалом и неограниченными людскими ресурсами. Военно-силовой потенциал КНР хоть и уступает российскому в стратегических вооружениях, но всё же достаточно внушителен. КНР обладает крупнейшими в мире вооружёнными силами, самыми многочисленными на планете сухопутными войсками, относительно современными ВМС и ВВС. С 1964 г. Китай обладает и ядерным оружием. В китайском ядерном арсенале насчитывается 282 стратегических и 120 тактических ядерных боезарядов.

Сегодня для Китая складывается исключительно благоприятная геополитическая конъюнктура: центр мировой политики и экономики из Средиземноморья (Европы) и Атлантики (США) постепенно смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, который в этом столетии может стать доминирующим, а китайцы получают возможность реализовать свои давние геополитические идеалы о мировом лидерстве “Серединной империи”.

Сегодня на китайской территории проживает уже более 1,2 млрд. чел., что составляет почти четверть населения планеты.

Наличие малозаселенного края (Дальний Восток), российское население которого составляет всего 6 млн. чел., является благоприятным условием для решения Китаем своих исторически сложившихся демографических, территориальных и экономических проблем.

Процесс заселения китайцами этих территорий уже в настоящее время является малоконтролируемым и приобретает массовый характер.

Согласно экспертным оценкам, в Сибири и на Дальнем Востоке России сегодня проживает уже несколько миллионов ки-

тайцев. Принимая во внимание указанные обстоятельства, нельзя допустить возникновения конфликтных ситуаций в этом регионе.

Необходимо признать, что в настоящее время гарантом минимизации возможных военных угроз в АТР должно быть активное сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках Шанхайского соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы, подписанного в 1996 г. Российской Федерацией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном.

На базе “шанхайской пятёрки” 15 июня 2001 г. было создано и региональное межгосударственное объединение – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), членами которой стали все указанные государства, а также Узбекистан. Как отмечается в Декларации о создании ШОС, эта региональная организация создана для укрепления между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства, упрочения разностороннего взаимодействия в деле поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, совместного противодействия новым вызовам и угрозам.

Наряду с сотрудничеством в военной сфере и достижением взаимного согласия по вопросам границ одним из приоритетных направлений взаимодействия государств ШОС было выбрано совместное противодействие вызовам и угрозам безопасности государств-участников.

В заявлении министров иностранных дел ШОС (11 сентября 2002 г.) государства-члены ШОС подчеркнули, что считают необходимым создать глобальную систему противодействия новым угрозам и вызовам, которая включала бы соответствующие многосторонние механизмы взаимо-

действия, в том числе по раннему предупреждению и предотвращению возникающих угроз, решительному и адекватному реагированию на их проявления. Правовым фундаментом совместной деятельности в борьбе с угрозами национальной безопасности стало подписание государствами – членами ШОС Шанхайской Конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Таким образом, анализ сложившегося положения России на востоке свидетельствует, что в неблагоприятных внутренних и внешних условиях наша страна может трансформироваться из активного субъекта мировой политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе в пассивный объект угроз внешнеэкономической и демографической экспансии, территориальных притязаний и военно-политического давления со стороны Японии и США, а также возможно и Китая.

В этой связи дальнейшее развитие сотрудничества государств-членов ШОС должно стать сдерживающим фактором для установления американско-японской гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На Юге военно-политическая обстановка остается сложной. Сегодня у южных рубежей России сохраняется военно-политическая напряжённость, именно здесь происходят наиболее опасные этноконфессиональные вооружённые конфликты, прямо затрагивающие интересы России. Именно с юга исходит угроза распространения терроризма и исламского фундаментализма на территорию Российской Федерации.

Возможные угрозы с Юга формируются в двух регионах: на Кавказе и в Центральной Азии.

В настоящее время Кавказ является одним из трёх самых напряжённых в этнополитическом плане регионов Ев-

разии (два других – Балканы и Центральная Азия).

Сегодня Кавказ разделён государственной границей России на российский Северный Кавказ и зарубежное Закавказье. На Северном Кавказе явную угрозу военной безопасности России представляют действия остатков незаконных вооружённых формирований и отрядов террористов в Чечене, Ингушетии, Дагестане и Северной Осетии-Алании.

В Закавказье интересы военной безопасности России непосредственно затрагивают стремление нынешнего военно-политического руководства Грузии установить контроль над Абхазией и Южной Осетией, осуществляющих независимую от Тбилиси политику и явно тяготеющих к Российской Федерации. Силовому захвату указанных регионов мешают российские миротворцы, находящиеся здесь по мандату СНГ, а также российские военнослужащие, дислоцированные на военных базах в Грузии (Ахалкалаки и Батуми).

Проводя откровенно антироссийскую политику, грузинское руководство в жёстких формах добивается вытеснения российских военнослужащих из Грузии. Для этого используются явно провокационные методы, в том числе аресты и избиения российских военнослужащих. Вывод российских войск из Грузии будет завершён в 2008 г.

С российской военной базы в Ахалкалаки уже вывезена вся боевая техника, а из Батуми – большая её часть.

Остающиеся на территории Грузии российские военнослужащие фактически блокированы на военных базах и превратились в заложников Тбилиси.

Руководство Грузии не скрывает своих стремлений к вступлению в

НАТО. Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер уже официально предложил грузинскому руководству перейти к программе “интенсивного диалога”, что фактически означает режим ускоренного приёма Грузии в Североатлантический альянс.

Президент Грузии М.Саакашвили заявил, что уже в 2006 г. Грузия официально станет кандидатом в члены НАТО и имеет реальный шанс в 2008 г. стать её полноправным членом.

В Сенате США подготовлен законопроект о поддержке вступления Грузии в НАТО, который, кроме политической поддержки, предполагает выделение Грузии около 10 млн. долларов на поддержание национальной безопасности.

Сегодня происходит активная милитаризация Грузии. Страны НАТО из числа недавно вступивших в этот блок активно довооружают Грузию.

Так, Литва официально передала Грузии “избыточное” вооружение (стрелковое оружие и боеприпасы), которые ранее получила из Польши.

Кроме того, отдельные государства Восточной Европы в неофициальном порядке передают Грузии технику и вооружения, которые им поставлял СССР с сертификатом конечного пользователя, что является явным нарушением общепринятых правил торговли оружием.

Грузинское руководство не жалеет сил и средств на строительство национальных вооружённых сил, численность которых составляет порядка 23 тыс. военнослужащих.

На фоне обострения грузино-российских отношений М.Саакашвили внёс в парламент страны законопроект об увеличении численности грузинской армии ещё на 2 тыс. чел.

Всего же силовые структуры Грузии насчитывают 29, 7 тыс. военнослужащих.

Парламент Грузии утвердил увеличение оборонных расходов в 2006 г. с 394 млн. лари (217 млн. долл.) до 614 млн. лари

(341 млн. долл.). По сравнению с 2005 г. военный бюджет Грузии увеличивается в 5 раз³.

В Грузии активно ведётся строительство новых военных баз, отвечающих требованиям стандартов НАТО.

Одна из таких баз на 3 тыс. военнослужащих строится в Западной Грузии (г. Сенаки), что в 55 км от Гальского района Абхазии. Другая новая военная база строится в городе Гори, что в 30 километрах от границы с Южной Осетией.

Таким образом, направления и цели военных приготовлений Грузии очевидны.

Если Грузия решится на разрешение грузино-абхазских и грузино-осетинских противоречий с применением военной силы, то перед Россией возникнет необходимость защиты своих граждан, проживающих в Абхазии и Южной Осетии, а они составляют большинство населения этих республик. В случае вступления Грузии в НАТО существует опасность вовлечения в закавказские конфликты и сил Североатлантического альянса.

Таким образом, в настоящее время существует явная угроза развязывания Грузией военных конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, что может повлечь глубокую вовлечённость в конфликтную ситуацию России, а также государств-членов НАТО.

Сегодня также нельзя не учитывать и имеющиеся этноконфессиональные противоречия между Арменией и Азербайджаном, которые в прошлом выливались в вооруженные конфликты.

Снижение роли России в регионе связано с потерей нами стратегического пространства на прикаспийском направлении. Принимая во внимание возможность вовлечения Азербайджана в расширение НАТО на Восток, Россия

может встать перед фактом формирования стратегического коридора для прямого выхода стран Запада в район Каспийского моря и далее в Центральную Азию.

В этой связи требуется проведение Россией рациональной внешней политики в Закавказье, основанной на всестороннем расширении сотрудничества со всеми странами региона. Также представляется необходимым приоритетное развитие группировки российских войск на Юго-Западном стратегическом направлении.

Этнополитическая напряжённость на Кавказе привлекает внимание Турции, которая претендует на роль региональной державы на всём геополитическом пространстве в треугольнике: Средиземное, Чёрное и Каспийское моря. Исключительно выгодное геополитическое расположение Турции (на стыке основных существующих и проектируемых транспортных артерий) даёт ей определённые возможности давления на экспортёров и импортёров энергоресурсов, в том числе и на Россию.

Турция открыто поддерживает мусульманские движения в Закавказье и на Северном Кавказе, наращивает своё военное присутствие у границ Кавказского региона, стремится к превращению Чёрного моря в сферу своего влияния.

Сегодня Турция имеет 600-тысячную современную армию, на вооружении которой находятся 5000 артиллерийских систем, 3000 единиц бронетехники, 815 боевых самолётов и 300 вертолётов армейской авиации, 135 боевых кораблей основных классов. Получив в 2000 г. от партнеров по НАТО более 1100 новых танков, 2700 боевых бронированных машин, 500 самоходных артиллерийских систем, 200 боевых вертолётов, до 320 боевых и 80 военно-транспортных самолётов, Турция повысила боевые возможности своей армии в 1,5 раза.

В Центральноазиатском регионе возможные военные угрозы России исходят от попыток ряда исламских государств (Ирана, Пакистана и др.) распространить исламский фундаментализм на территорию центральноазиатских стран СНГ, исключив возможность их интеграции с Россией и утвердить здесь свое влияние.

Из Центральноазиатского региона исходит и реальная угроза распространения наркотиков, которые в значительных объёмах производятся в Афганистане, а затем через Центральную Азию расползаются по всему миру, в том числе и на территорию России.

По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, Афганистан является крупнейшим мировым производителем и экспортером опиума.

Его доля в мировом производстве такого рода наркотиков в 2004 г. составила 87%. Начиная с 1992 г., российские пограничники изъяли уже свыше 29 тонн наркотических средств и предотвратили более полутора тысяч попыток вооружённых прорывов через границу.

В этой связи одной из основных задач 4-й военной базы российских войск в Таджикистане (201-я мотострелковая дивизия) является прикрытие пограничных застав на таджикско-афганской границе⁴.

Российскую Федерацию сегодня также не может не беспокоить проблема наращивания военного присутствия США и НАТО в государствах Центральной Азии. Под предлогом проведения антитеррористической операции в Афганистане были развёрнуты военно-воздушные базы НАТО в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане.

США и НАТО вовсе не собираются покинуть этот стратегически важный регион и продолжают наращивать своё военное присутствие в Центральной Азии. Военная группировка Международных сил содействия безопасности в

Афганистане под руководством НАТО (ИСАФ) постоянно расширяется.

Первоначально её численность составляла 6500 человек, затем была увеличена до 9000 военнослужащих. В соответствии с новым оперативным планом, вступившим в силу 4 мая 2006 г., численность военнослужащих ИСАФ увеличивается до 18500 чел. Кроме северных и западных территорий страны, присутствие ИСАФ теперь распространяется на 6 южных провинций. В операции ИСАФ принимают участие уже 37 стран.

В Киргизии на территории международного аэропорта “Манас” близ Бишкека развёрнута американская военная база “Ганси”, на которой размещены военно-транспортные самолёты и самолёты-дозаправщики, а также другая военная техника.

Американский воинский контингент в Киргизии насчитывает свыше 1000 американских военнослужащих.

В перспективе на авиабазе “Ганси” планируется развернуть и истребительную авиацию (многоцелевые истребители F-15 и F-18).

Возникает закономерный вопрос: поскольку скрывающиеся в горах отряды вооружённых отрядов афганской оппозиции не имеют авиации, то с какой целью и против какого противника предполагается здесь использовать истребительную авиацию?

В Узбекистане также развёрнута американская военная авиабаза “Ханабад” (Кашкадарьинская область на юго-западе республики), которая арендована США на срок не менее 20 лет.

Здесь дислоцированы авиационная техника и более 1500 американских солдат. Кроме того, американскими ВВС используется вспомогательный аэродром в узбекском населённом пункте Кокайты. Также в узбекском г. Термез (приграничном с Афганистаном) развёрнута ещё одна военно-воздушная база, на которой находится немецкий воинский контингент.

На территории Таджикистана (в Душанбе) также находится военно-воздушная база НАТО.

Здесь располагается французский воинский контингент численностью свыше 120 военнослужащих и дислоцируются военно-транспортные самолеты ВВС Франции.

Дальнейшее продвижение интересов США и НАТО в страны Центральной Азии связано не только с их стремлением контролировать нестабильный Афганистан и обеспечивать западному бизнесу доступ к топливно-энергетическим и иным ресурсам Центральной Азии. Совершенно очевидно, что военное присутствие США и НАТО вблизи южных границ России способствует снижению российского влияния в Центральной Азии, а также ослабляет и состояние военной безопасности Российской Федерации.

Рассмотрев ситуацию на юге, можно сделать вывод, что эскалация тяжёлых вооружённых конфликтов по периметру южных российских границ, глубокая вовлечённость России в большинство из них и распространение этноконфессиональных конфликтов на южные регионы нашего государства свидетельствуют о реальности угрозы с юга, степень которой усиливается наличием у Турции и Ирана возможности в обозримом будущем получить ядерные технологии и создать ограниченные группировки ядерного оружия.

На Севере военно-политическая ситуация является более стабильной, опасность военной конфронтации в этом регионе в настоящее время минимальна. Вместе с тем, и в этом регионе не исключена возможность возникновения угроз военной безопасности России. Это связано с расширением военного присутствия НАТО в Норвегии, а также с увеличивающимся

вовлечением Швеции и Финляндии в реализацию программы НАТО “Партнерство во имя мира”.

Заметим, что все три северных соседа России (Норвегия, Финляндия и Швеция) имеют сугубо оборонительные военные доктрины и сами по себе практически не представляют угрозы для российской безопасности. Однако Россию не могут не беспокоить попытки НАТО использовать эти государства в своих геостратегических планах, которые ущемляют национальные интересы России на Севере. Если Швеции и Финляндии, которые придерживаются политики нейтралитета, но всё же имеют достаточно мощные и современные армию и флот, в стратегии НАТО отводится роль буфера, прикрывающего государства блока на Северо-европейском театре военных действий, то Норвегия, являющаяся членом Североатлантического альянса, рассматривается в качестве передового плацдарма, который обеспечивает объединённым вооружённым силам НАТО благоприятные условия для заблаговременной подготовки и проведения широкомасштабных операций в северной Атлантике и Заполярье.

Так, Норвегия отказалась от односторонних ограничений по проведению военных учений с участием иностранных войск восточнее 24-го меридиана в области Финмарк. В результате под прикрытием мероприятий в рамках программы “Партнерство ради мира” в последние годы регулярно проводятся военные маневры НАТО непосредственно у границы России.

Норвегия является форпостом НАТО на Севере, именно здесь дислоцируется Центр межвидовых боевых действий (ЦМВД) НАТО, созданный на базе бывшего субрегионального командования ОВС НАТО “Север”. Обоснованную обеспокоенность у России вы-

зывают развертывание на Шпицбергене станций слежения за космической обстановкой и перехвата информации с искусственных спутников Земли, а также перемещение из США в норвежский поселок Варде многофункциональной РЛС, которая также может быть использована для обнаружения и разведки пусков российских баллистических ракет наземного и морского базирования.

Уникальность геостратегического положения Норвегии характеризуется наличием шхерного фарватера побережья, обеспечивающего скрытное и безопасное развертывание подводных лодок и боевых кораблей в непосредственной близости от границ России, что значительно обесценивает геостратегическую выгодность базирования на Кольском полуострове сил Северного флота России, включающего атомные подводные лодки.

Несмотря на заверения лидеров государств НАТО в своей поддержке российских реформ и дружественных отношениях с Россией, сегодня в водах Баренцева моря происходит усиление присутствия кораблей и подводных лодок ряда стран блока НАТО (США, Норвегии, Великобритании и Франции), участились факты нарушения ими территориальных вод России, в полтора раза возросла интенсивность иностранной разведывательной деятельности в этом регионе.

Официальное руководство Финляндии традиционно заявляет о намерении сохранить курс нейтралитета, однако в действиях финского руководства прослеживается четкая линия на развитие сотрудничества с НАТО.

Так, с 1992 г. Финляндия является наблюдателем Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС), в 1994 г. она присоединилась к программе НАТО "Партнер-

ство ради мира", а также стала членом Совета Евро-Атлантического партнерства (СЕАП).

Полностью отказавшись от закупок вооружений советского и российского производства, Финляндия осуществила переход на вооружения стандарта НАТО.

По экспертным оценкам, в настоящее время финские вооруженные силы по основным стандартам стали полностью совместимыми с вооруженными силами государств НАТО. По заявлениям финского военного командования к 2008 году завершится подготовка финских военных подразделений, которые могут быть задействованы в совместных операциях НАТО.

Сегодня Россию не может не беспокоить неурегулированность территориальных проблем с Финляндией (вопрос о бывшей её части – Карелии) и с Норвегией (спор о границах между экономическими зонами в Баренцевом море). Ущемлением интересов России так же является стремление таких морских государств, как США, Норвегия, Япония и Канада, добиться превращения Северного морского пути из российской магистрали в международную, что негативно скажется на уровне российской безопасности в северном регионе Евразии.

В настоящее время, в связи с ограничением доступа России к Черному морю и Балтике, возрастает геостратегическая роль Севера – единственного в европейской части России открытого выхода в Атлантику.

Таким образом, Север Европы представляет для Российской Федерации стратегически важную зону с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны.

Очевидно, что угроза прямой военной экспансии с севера в российские пределы сегодня является маловероятной, но в случае эскалации военнополитического противостояния России и государств Североатлантического

альянса нельзя полностью исключать
вероятность морской блокады России

на севере и оказания на неё силового
давления.

Таким образом, рассмотрев источники и характер внешних угроз военной безопасности Российской Федерации по основным геостратегическим направлениям, можно прийти к выводу, что в настоящее время крупномасштабная военная агрессия против России в традиционных её формах маловероятна. При условии поддержания российского потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне в ближайшей (до 5 лет) и в среднесрочной перспективе (5–10 лет) вероятность нападения на Российскую Федерацию со стороны какой-либо крупной державы или коалиции государств также мала.

Вместе с тем следует признать, что уже в настоящее время по периметру южных российских границ возрастает угроза вооружённых конфликтов и локальных войн, которые могут стать детонатором военных конфликтов более крупного масштаба, что затрагивает интересы безопасности Российской Федерации.

Бесспорно, что серьёзную опасность интересам военной безопасности Российской Федерации представляют тенденции расширения НАТО на восток и превращения Североатлантического альянса в доминирующую военную силу в Европе. Однако следует учитывать и то обстоятельство, что сегодня у Российской Федерации и государств-участников НАТО нет каких-либо неразрешимых политических, экономических или других конфликтов, которые могли бы привести в обозримом будущем к войне.

Примечания

¹ Штейнберг М. Американская армия сегодня // Независимое военное обозрение. 2004. 6 августа.

² Иванов В. Сенат удовлетворил военные аппетиты Буша // Независимое военное обозрение. 2006. 14 апреля.

³ Корбут А. Под крышей американских спонсоров // Военно-промышленный курьер. 2006. 04–10 октября. № 38 (154).

⁴ Иванов С. Б. Вооружённые Силы России: состояние, перспективы развития и способность противостоять современным угрозам и вызовам. Выступление Министра обороны Российской Федерации на встрече с представителями военно-дипломатического корпуса 10 декабря 2004 г. // Красная звезда. 2004. 11 декабря.

Центр и Северный Кавказ: проблемы интеграции и развития

Деньга Халидов,
кандидат философских наук

Социополитические, этнонациональные и социально-экономические аспекты

Последние события, связанные с Кондопогской трагедией и серией межэтнических конфликтов в российских городах, вновь ставят проблему интеграции народов региона в общероссийскую жизнь. Беспристрастный анализ показывает, что политика Федерального центра (ФЦ) в регионе противоречива и непоследовательна. Как показывает анализ ситуации, наряду со специфическими мерами по нейтрализации экстремизма и сепаратизма, для решения проблем необходим системный подход, в рамках которого *“социо-” и этнополитические, культурно-информационные и социально-экономические меры* должны дополнять друг друга.

Любая политическая или социально-экономическая проблема в регионе неизбежно приобретает этническую окраску, а взаимное наложение социальных, этнических, территориальных проблем и их высокая концентрация “сообщает” процессам в регионе высокую *взрывоопасность*. Именно это требует внимания и не тривиального подхода ФЦ.

Иерархия задач ФЦ определяется в виде формулы:

*от обеспечения стабильности и безопасности ®
к созданию необходимых условий для социально-экономического (“мало-”
или бездотационного) развития региона;
от создания условий ®
к полноценной интеграции в общероссийскую жизнь.*

В отдельную группу выделяется проблема бесконфликтного сосуществования этнических “общин” северокавказцев в “русских” субъектах Федерации, с одной стороны, и справедливого представительства русских “общин” в органах власти республик региона, с другой.

Концептуальный подход и проекты ФЦ в региональной политике классифицируются по следующим основным направлениям:

- Меры по нейтрализации супермеркантилистской природы системы власти в регионе и жесткий контроль за исполнением законов о бюджете;
- Кадровая политика на федеральном и региональном уровнях как возможность обеспечения межнационального согласия и консолидации российского общества;

– Социально-экономические меры, в том числе “переселенческая политика”, нейтрализация безработицы, снятия демографической напряженности;

– Мониторинг этнополитической ситуации в регионе и в “русских” субъектах Федерации, профилактика потенциально возможных межнациональных конфликтов; нейтрализация практики этнической дискриминации в регионах РФ.

Этнополитика и стабильность: региональный контекст

В республиках Северного Кавказа значимы социально-демографические проблемы и проблемы, связанные с коррупцией и теневизацией экономики, с масштабной коммерциализацией политических систем.

В последние годы даёт о себе знать также проблема, связанная с особыми отношениями Кремля и Грозного, с преференциями для местного режима власти.

В Дагестане и Ингушетии серьезные опасения вызывают неадекватные и далеко не безобидные заявления Кадырова-мл. о “целесообразности объединения “родственных” народов в рамках единого субъекта”, разумеется, с центром в Грозном.

Дают о себе знать, также, множество законсервированных этноконфликтных узлов в регионе.

Справка

В регионе проживают более 6 млн. чел. из 20 крупных по численности народов-этносов и более 10 малочисленных этносов в Дагестане. Доля “чисто” русскоязычного населения составляет около 17% (чуть более 1,0 млн. чел.).*

За период 1989–2002 гг. доля русского населения уменьшилась в основном в Чечне и Ингушетии, в меньшей степени – Дагестане, где проживает более 6% (около 120 тыс.) русского населения.

*Причины миграции русского населения (без учета событий в Чечне): неуверенность в будущем, правовая незащищенность, криминализация жизни, безработица, остановка предприятий. (Мнение около 50% опрошенных русских мигрантов в Дагестане). Около 30% мигрантов из коренных народов Дагестана указали те же самые причины выезда в другие регионы России: его готовы покинуть 30% русских и более 20% дагестанцев**.*

В республиках региона плотность населения около 70 чел. на 1 кв. км, что в 2,5–3,0 раза выше чем в ЮФО; наиболее высокий уровень прироста населения в Дагестане, Чечне и Ингушетии: в среднем 18 чел. на 1000 чел. в год; самая высокая в РФ безработица, которая РД, РИ и ЧР составляет, соответственно, около 27%, 40% и 54% трудоспособного населения.

Очень высокая доля вынужденных переселенцев в Ингушетии, Северной Осетии-Алании, в меньшей степени в Дагестане, что создает дополнительную демографическую нагрузку в республиках.

* По мнению экспертов, эта цифра завышена как минимум на 750,0–800,0 тыс. чел. за счет, в основном, фальсификаций и двойного счета в Дагестане, Чечне и Кабардино-Балкарии. В меньшей степени – в Ингушетии. (WWW.VOINET.RU Демографические процессы в республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989–2002 гг.).

** Соцопрос проводился Госкомстатом Дагестана в рамках проекта “Мониторинг перемен: оценки, мнения и суждения дагестанцев”. В большей степени настроены на отъезд горожане, лица в возрасте до 30 лет, служащие и специалисты с высшим образованием.

Это, прежде всего, между осетинами и ингушами; в не столь актуализированной форме между черкесами и абадзинами, с одной стороны, и карачаевцами, с другой, в КЧР; между чеченцами и ингушами в Сунженском районе Ингушетии; кабардинцами и балкарами; отдельные коллизии между народами Дагестана. Нередки вспышки конфликтов между казаками и мигрантами из стран СНГ, а иногда и представителями северокавказских народов.

Очень высокая конкуренция за ресурсы (земельные, прежде всего, и властные) сообщает этим противоречиям выраженную этническую окраску.

Не решен еще вопрос о статусе русскоязычного населения и его представительстве в органах власти в ряде республик региона, а также возможности его возвращения в республики, где они ранее проживали. Эту проблему на законодательном уровне и системно пытаются решать в Дагестане, а в последние годы и в Ингушетии. Но не обходится и без проблем.

Периодически обостряется проблема “разделенных” народов.

Например, для Дагестана (более 350,0 тыс. лезгиноязычного и 100,0 тыс.

аварского населения, проживающих в Азербайджане) и Южно-Осетинской Республики (более 60 тыс. осетин), которые идентифицируют себя чаще всего с россиянами и не желают интегрироваться в “молодые” закавказские государства, национальная политика которых не оставляет им шансов на достойную жизнь и они очень надеются на Россию.

Можно предложить следующие основные направления, в которых ФЦ может сыграть свою роль в решении проблем в регионе, в частности, разработка:

- мер по нейтрализации системного характера коррупции и теневой экономики в республиках;
- правовой основы решения спорных территориальных вопросов, определение процедур разрешения конфликтов этнополитического характера;
- нормативных решений по кадровой политике и национальному представительству, в том числе и в федеральных органах власти;
- мер по решению проблемы вынужденных переселенцев (“беженцев”) и рациональному распределению трудовых ресурсов, управлению миграционными процессами.

Советский опыт интеграции и последствия реформ в регионе

Чтобы лучше понять существо современных проблем, важно вспомнить то, что из прежнего опыта либералами во власти было сдано в архив.

В советский период многие недостатки существовавшей системы сглаживались громадными успехами в социальном и экономическом развитии, эффективной культурно-образовательной и политической интеграцией народов региона в общесоюзную жизнь, что, в конечном счете, является смыслообразующими, позитивными целями и ценностями жизни.

Были созданы на голом месте новые производства. Сформирована промышленная и научно-техническая интеллигенция.

В четырех республиках (Дагестанской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Северо-Осетинской АССР, Кабардино-Балкарской АССР) к концу 80-х годов функционировало более 50 машиностроительных и приборостроительных заводов(?!), не говоря уже о предприятиях пищевой и легкой промышленности.

Социально-профессиональный и образовательный уровень населения по-

звонял сравнительно успешно решать задачи промышленного развития и социально-экономического прогресса.

К 1985 г., до начала объявления кампании борьбы с пьянством, Дагестан обеспечивал около 30% потребительского рынка сухих и крепленых вин РСФСР.

В целом республики в регионе достаточно успешно справлялись с социально-экономическими задачами, а коррупция не превышала порога, после которого эрозия государственных институтов приобретает необратимый характер.

В консолидированных бюджетах Дагестана и Чечено-Ингушетии около 50–60% средств составляли налоговые и неналоговые сборы из собственных источников, что совсем неплохо для трудоизбыточных и слабо урбанизированных регионов.

Люди чувствовали, в особенности в 30–60-е годы XX в., заботу Центра, и легитимная база советской системы власти была достаточно крепкой. Социальные идеи, скреплявшие государственное “тело” Союза, были очень притягательными для масс.

Не случайно выходцы из Северо-Кавказских республик отличились на фронтах Великой Отечественной войны: более 150 Героев Советского Союза, многие десятки тысяч награжденных орденом и медалями, а относительные потери сопоставимы с общероссийскими, в особенности – в Дагестане и Северной Осетии.

Всем известны имена советских генералов, писателей и артистов с Северного

Кавказа. Но мало кто знает тысячи имен талантливых инженеров-конструкторов и изобретателей, известных профессоров и руководителей производств, врачей и прочих выходцев из республик Северного Кавказа, честно работавших и продолжающих работать.

Советский опыт интеграции был хорош тем, что информационно-культурная сфера проявляла предельную корректность в вопросах межэтнических отношений: у выходца с Кавказа не спрашивали “национальность” и религию, а спрашивали за дело и отношение к нему.

Разумеется, на Северном Кавказе накапливались и проблемы. Одной из наиболее острых уже к середине 80-х годов стала скрытая безработица, о которой официальная статистика умалчивала.

Она была наиболее высокой в Чечено-Ингушетии (около 15–20%) и Дагестане (12–15%).

В остальных республиках региона этот же показатель составлял менее 10%. Но проблема решалась в немалой мере за счет широкого распространения так называемого “шабашничества” или “артельного строительства”, когда тысячи бригад из местного населения от весны и до осени выезжали на строительные работы в Сибирь и в центральные области РФ.

Тысячи выходцев из региона работали на общесоюзных стройках типа БАМ, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Это позволяло сдмпфировать социальное напряжение в регионе.

Последствия реформ 90-х годов

Как показывает негативный опыт трансформаций 90-х годов, в регионе стал четко проявляться кумулятивный эффект от наложения множества негативных трендов. Это отбросило республики региона в самый конец списка “отсталых” и нестабильных субъектов Федерации. 15 лет “реформ” и потрясе-

ний обернулись деиндустриализацией и, в какой то степени, архаизацией социальной структуры.

Чтобы ответить на вопрос: Почему это стало возможным? Что делать с хронической нестабильностью и сверхдотационностью? – необходимо отметить несколько важных закономерностей

стей и негативных тенденций в регионе. Их взаимное наложение обеспечило суммарный отрицательный эффект, который в сложившихся условиях (начала-середины 90-х годов), вряд ли можно было нейтрализовать.

Спад экономики. Падение промышленного производства в регионе за период 1990–1999 гг. было более глубоким, чем в стране в целом: в 4–5 раз, по сравнению с двукратным понижением в стране. Бурный рост в начале 2000-х, как следствие дефолта и девальвации рубля, уже почти сошел на “нет” и вновь стали очевидны признаки стагнации в региональном экономическом развитии.

Одной из объективных причин этого явился периферийный характер большинства машиностроительного и приборостроительного производства.

Падение сельскохозяйственного производства не было столь глубоким; негативные тенденции нейтрализовывались развитием фермерства, подсобных хозяйств и частного предпринимательства.

Помимо объективных причин для столь глубокого падения производства, существовала и субъективная причина, связанная с коррупционным беспределом и меркантилизацией системы власти в регионе.

Кумулятивный эффект негативных тенденций. С таким глубоким спадом были связаны:

- процесс ускоренного оттока населения в основном русскоязычного;
- стремительная теневизация экономики и резкое снижение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней;
- резкая социальная поляризация;
- повышение уровня безработицы в разы.

На вышеперечисленные негативные тренды накладывался своеобразный

демографический бум, когда ежегодно во взрослую жизнь без всяких перспектив вступали более 60,0 тыс. молодых людей.

Дагестан и Чечня в этом демографическом приросте составляют около 70%.

Меркантилизм политической системы и коррупция. Все эти негативные тенденции можно было бы отчасти нейтрализовать, если бы 90-е годы не развратили местные власти в ряде республик, и они чувствовали бы остроту положения, социальную и политическую ответственность. За 90-годы правовой нигилизм стал нормой жизни в высших коридорах федеральной власти и эта практика, в той или иной мере, транслировалась в регионы.

Республики Северного Кавказа по данному критерию вышли в число “передовиков”.

Об этом свидетельствуют факты, отраженные в докладах проверок исполнения бюджетов Счетной палатой РФ в Дагестане (1994–1998 гг., 2000–2001 гг.), в других материалах, в том числе и по последней проверке Комиссией ЮФО.

В массовом сознании, в среде малого и среднего бизнеса доминирующими являются настроения недовольства и крайнего отчуждения от власти.

Экспертные опросы показывают, что налоги не платят, прежде всего, самые доходные предприятия, патронированные (или принадлежащие) правящим группам и олигархам.

Вот почему самая низкая цифра сбора налогов и неналоговых сборов по стране именно в Дагестане, Ингушетии и Чечне, (около 8–9% валового регионального продукта).

Новые главы республик в Дагестане и Кабардино-Балкарии за короткий период (2006 г.) сумели заметно, на десятки процентов, повысить налоговые и прочие сборы. Но они полагают, что это только начало и что, в принципиальном плане, можно

резко уменьшить дотационную зависимость республик, как минимум, на 15–20%, что невозможно без увеличения налоговых сборов в разы.

Такой “резкий” политэкономический разворот может стать хорошим примером (или укором) для соседних республик.

Вместе с тем, на системный характер коррупции в правоохранительных и силовых структурах в регионе, управляемых из ФЦ, обращал внимание новый президент Дагестана М.Г.Алиев на совещании в ЮФО (август 2006 г.).

Позитивная роль местного социокультурного фактора. Вышеперечисленный негатив сглаживается в реальной жизни в немалой степени социокультурными факторами и особенностями социальной структуры местных народов. Культура “малых групп” в городах и сельских общинах гражданского типа в существенной мере нейтрализует общее социальное напряжение и напрямую влияет на уровень социального здоровья и качество населения в широком смысле слова.

Как показывают статданные, в республиках Северного Кавказа в значительно меньшей степени совершается убийств и самоубийств, разбоев и грабежей, других преступлений.

Средняя продолжительность жизни выше на 4–6 лет, институт семьи значительно более крепок, а число разводов в 2–3 раза ниже, чем по стране в целом.

Все эти индикаторы были сведены в интегральные показатели “качество населения” и “качество социальной сферы” учеными ЦЭМИ РАН. По этим двум показателям, северо-кавказские республики (РД, ЧР, РИ, КБР и в меньшей степени СОР, КЧР и РА), как правило, входят в первые 10–15 лучших регионов РФ³.

Проблема мигрантов, вынужденных переселенцев. В основном эта

проблема касается жителей Чечни, граждан РФ чеченской национальности. Кроме того, достаточно большую долю среди мигрантов из Закавказья и вынужденных переселенцев из республик Дагестана, Чечни и Ингушетии составляют: представители казачества и русскоязычная группа, этнические дагестанцы и армяне (из Азербайджана), осетины из Южно-Осетинской Республики, ингуши из Республики Северная Осетия-Алания и т.д.

Все это создает определенное этносоциальное напряжение между разными сегментами общества в республиках региона, в Ростовской области, в Ставропольском и Краснодарском краях. Очевидны все признаки демографического “насыщения” в регионе, где на площади составляющей чуть более 2,0% территории страны, проживают свыше 12% её населения.

Национальное равноправие и кадровая политика. Проблемы в таком контексте связаны с практикой этнической дискриминации и произволом правоохранительных, а нередко, и других государственных структур, с которыми сталкиваются выходцы с Северного Кавказа в регионах страны. Прошли уже давно те времена, когда выходцы из региона – врачи и инженеры, юристы и служащие, прорабы и рабочие-строители – спокойно могли приехать и обустроиться в любой области России. Все это умножает отчуждение и актуализирует проблему соблюдения прав гражданина и этнических меньшинств.

Еще один скрытый узел напряжения связан с представительством разных народов-этносов (и этнических групп) во властных структурах республик региона и, в определенной степени, с представительством в федеральных органах исполнительной власти.

Проблема национального равноправия в советский период решалась на основе политического обычая пропорционального представительства разных народов-этносов во властных структурах исполнительной и законодательной, судебной и правоохранительной. До сих пор эта практика по формальным признакам сохраняется в Дагестане, отчасти в КБР и в меньшей степени КЧР.

Внеэкономические меры. Надежда на Федеральный центр

Данный проект, в случае его реализации, позволит добиться заметного социально-политического и экономического эффекта в регионе.

Антикоррупционные меры, сокращение теневой экономики. Поставленная в таком ракурсе задача предполагает ряд взаимосвязанных шагов со стороны Москвы и ЮФО, в частности кадровую политику, а именно: поддержка новых глав республик в Дагестане и Кабардино-Балкарии, встречающих огромное сопротивление “старой гвардии”. Новые лидеры этих республик сталкиваются с системным характером коррупции, с уводом в тень самых доходных сфер экономики местной “знатью”.

Главы республик открыто заявляют о громадных налоговых резервах и способности существенно снизить дотационную зависимость от ФЦ.

Как правило, серьезную помеху для решения этой задачи представляют: коррупция в правоохранительных и фискальных органах, патронаж со стороны отдельных федеральных ведомств “своих” кадров на местах и др. Поэтому, ротация кадров на ключевых постах в системе правоохранения и фискальных органах и надзор за закон-

Опросы социологов ИСПИ РАН и экспертов (2004–2005 гг.) показали определенный рост межнационального напряжения, прежде всего, в Дагестане и Карачаево-Черкесии. При том, что по формальным признакам с национальным равноправием в этих республиках нет особых проблем.

Требует своего решения и вопрос о достойном (по возможности, пропорциональном) представительстве русскоязычного населения в структурах власти республик региона.

ностью остается одной из ключевых задач.

Поощрение переселения и нейтрализация безработицы. В четырех республиках Северного Кавказа (в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Карачаево-Черкесии) стабильно наблюдается самый высокий прирост населения.

Плотность населения в равнинной и предгорной частях этих республик колеблется в пределах 300–350 чел. на кв. км. и является самой высокой в стране. От 35 до 60 % трудоспособного населения безуспешно пытается обустроить как-то свою жизнь.

С учетом объективно складывающейся отрицательной (в том числе, и демографической) динамики в большинстве регионов Федерации, с падением уровня миграции русскоязычного населения из ближнего зарубежья, ухудшением качественных показателей российского народонаселения представляется актуальным реализовать программу “Выправление демографического дисбаланса” при согласии соответствующих региональных властей за счет внутрироссийских ресурсов в данном случае трудоизбыточных республик Северного Кавказа. Переселенческий потенциал, по предваритель-

ным прогнозам, составляет на сегодняшний день около 1,0 млн. чел. Наиболее предпочтительными для реализации проекта переселения (на добровольной основе) представляются “оголенные” в демографическом и геополитическом плане регионы (Нечерноземье, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток). Разумеется, нужны соответствующие федеральные комплексные программы инвестиционного и адаптационного характера.

В случае принципиального согласия с проектом можно предложить следующее:

1. Тщательная проработка вопроса с Федеральной миграционной службой. Необходимо соблюсти некоторые общие условия, касающиеся компактного расселения мигрантов по национальным и “общинным” признакам без оказания давления на хозяйственно-экономические интересы и

национально-культурные традиции существующих населенных пунктов.

2. Разработка предварительного проекта “Поощрения переселения” и выявление позиции региональных властей. Решаемая задача: определение потребности в сельскохозяйственной рабочей силе и фермерах; определение потребности в рабочей силе и специалистах для народного хозяйства, в частности для сельскохозяйственного производства. Проект должен включать в себя меры экономической поддержки переселенцев.

3. Проведение в рамках миграционных служб республик Северного Кавказа разъяснительной работы среди населения.

4. Скооперировать и координировать работу соответствующих структур (МВД, Минсельхоз, Минобразования и пр.) на уровне регионов с тем, чтобы реализовывать проект переселения, снять возможные проблемы этноконфликтного характера и пр.

Этнополитический ракурс и кадровая политика в регионе

1. Проблема возвращения русскоязычного населения и его представительства в структурах власти республик региона.

Не секрет, что наряду с объективными причинами отъезда русскоязычного населения из северокавказских республик существовали и субъективные причины, которые были связаны с вытеснением представителей русскоязычного населения из сферы управления, правоохранительных органов и т.п. Представляется важным обеспечить относительно пропорциональное представительство русского населения в исполнительной власти Чечни, Ингушетии, Адыгеи. Широкое представительство во власти имеют русскоязычные граждане в КЧР.

2. Принцип пропорционального представительства основных этногрупп во властных структурах республик, который (с известными оговорка-

ми и недостатками) реализован “де-факто” в целом соответствует сложившемуся на протяжении многих десятилетий политическому обычаю и отвечает чаяниям многонационального населения в регионе.

На Северном Кавказе проблема заключается в том, чтобы сложившийся межнациональный баланс представительства в коридорах власти не нарушался в пользу той или иной группы. Здесь важна разработка такого регионального законодательства, которая, не противореча Конституции РФ, замыкала бы на себя множество конфликтных узлов этнополитической природы.

3. Меры по обеспечению межнационального согласия и стабильности в российском обществе и на федеральном уровне.

Практика дифференцированного подхода по этническому признаку в самых разных жизненных ситуациях широко

распространена в отношении выходцев с Северного Кавказа, (в основном, чеченцев), что не способствует их полноценной интеграции и гражданской лояльности.

Для нейтрализации этой практики предпринимался ряд мер на высшем уровне еще в 1997 г. (Поручение Президента РФ правительству и другим госорганам РФ от 06.10.1997 г. №Пр.-1636, соответствующее распоряжение Правительства РФ).

В данном случае мы сознательно абстрагируемся от субъективных факторов интеграции, связанных с конфликтным типом поведения самих мигрантов. Российская гражданская идентификация, оставаясь формальным признаком лояльности и законопослушания мигранта, не отражается в поведенческом коде и в социальных установках.

Между тем, мировой опыт решения национальных (и конфессиональных) проблем показывает, что если та или иная этноконфессиональная группа достигает около 5–7% населения страны, то дискриминация по соответствующему признаку становится одним из значимых факторов этнополитического напряжения и нестабильности в обществе.

С учетом татарского, башкирского и другого, “мусульманского” по происхождению этнического элемента доля “мусульманского” населения в стране составляет уже около 13–15%.

Однако эта часть населения страны, в особенности народы Северного Кавказа, практически не представлены на федеральном уровне. Игнорируется, таким образом, и свой советский опыт интеграции, и опыт стран Запада и Востока (Канады, Бельгии, Индии, Швейцарии, США и т.д.) из практик многокомпонентной демократии и пропорционального представительства этнических сообществ во власти.

Предложения. Изложенные меры основаны на анализе реально сложившейся в России ситуации с этнонациональным представительством в коридорах власти, изучении опыта СССР, стран Запада и Востока.

В таких странах, как Канада и Бельгия, к примеру, законодательно гарантируется пропорциональное представительство этнолингвистических групп в исполнительной власти Федерации.

Итак:

– Задается определенный “коридор” изменений представительства этногруппы в структуре власти.

В пределах этого “коридора” может меняться доля данной группы. Разумеется, критерий “профессионализма и опыта работы” также должен учитываться.

В РФ проживает около 4–5% представителей народов Северного Кавказа. Соответственно, для данной группы можно было бы предложить законодательное закрепление квотного представительства в федеральных исполнительных органах власти в пределах 3–5%. Отклонение от данной нормы – это своеобразный сигнал о неблагоприятности в национальной политике страны.

– Специальный орган в правительстве и аппарате Президента РФ осуществляет мониторинг ситуации с кадровой политикой с учетом критерия обобщенного (по республикам) этнического представительства в федеральных органах власти, а также в органах власти республик русскоязычного населения; сбор данных по кандидатам на должности и составление “банка данных” по национальным кадрам; выдвижение национальных кадров на те или иные должности в ФЦ и в субъектах Федерации.

– Создание Комиссии по национальным кадрам и “квотам” при Федеральном Собрании РФ для оперативного решения нештатных ситуаций по

национальным кадрам; разрешения конфликтных ситуаций, когда, к примеру, вопрос касается представительства той или иной национальной группы (в том числе, и русскоязычного населения в республиках РФ) в органах власти на федеральном уровне и территории проживания.

– Должностная иерархия и принцип пропорционального представительства.

Вся номенклатура должностей исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях условно разбивается на три группы:

– уровень руководителей наивысшей категории – вице-премьеры, министры и их замы, руководители госкомитетов и госкомпаний и пр.;

– уровень высшей категории – руководители управлений и департаментов в правительстве, их заместители и т.п.;

– уровень средней категории – руководители секторов, отделов, их заместители, высокооплачиваемые “спецы”; руководители структурных подразделений госинститутов и монополий, ведомств.

При этом правило пропорциональных квот не распространяется на этнические диаспоры из стран СНГ и дальнего зарубежья, вне зависимости от их гражданства.

Северокавказский фактор и межэтнические проблемы в России

В последние годы все большую актуальность приобретают вопросы межнациональных отношений в российском обществе, связанные, чаще всего, с выходцами с Кавказа, включая и Закавказье. Необходимо уточнить, какой вклад в эту проблематику вносят исключительно выходцы с Северного Кавказа; а внутри этого сообщества – уроженцы тех или иных республик. По критерию ключевого основания этноконфликта, можно выделить три типа проблем:

Первый связан с культурным конфликтом с выраженным противопоставлением своих “хороших” норм и стереотипов “плохим” чужим.

Если, к примеру, за 300–500 столетий народы тюркской и финно-угорской группы языков “притерлись” к русской культуре и образу жизни, то закавказские и, в меньшей степени, северокавказские уроженцы стремятся сохранять свою идентичность.

Такое поведение в русской среде воспринимается как вызов, а то и бескультурье. Это восприятие тем более оправдано, что значительная часть “предпримчивой”

кавказской молодежи не прошло школу подлинно интегрирующей (как в СССР) и социализирующей культуры и просвещения. В той же Чечне выросло поколение 90-х хорошо “знакомых” лишь с военным делом и признающих чаще лишь язык силы. И феномен Кондопогской трагедии, равно как сентябрьские межэтнические эксцессы в Москве и в Саратове можно объяснить также этим обстоятельством.

С другой стороны, представляется, что не будь либерального “лихолетья” 90-х годов и войны в Чечне “градус” ненависти не зашкаливал бы и возможно удалось бы предотвратить непоправимое.

Второй тип проблем связан преимущественно с конфликтом бизнес-интересов этнокриминальных сообществ и с особенностями этнического разделения труда в России.

Несмотря на пропагандистский шум о “равноудаленности” от власти класса олигархов, бизнес последних был бы невозможен без “ручных” правительства и Госдумы, через которые проталкиваются нужные им законы (или “дырки” в законах) и постановления. А дело довершает уже расстанов-

ка “правильных” кадров в силовые и правоохранительные структуры для минимизации рисков.

На нижних звеньях управления и на уровне местного самоуправления такая практика получает дальнейшее “развитие” в той мере, в какой местная власть в ментальном и политкультурном отношении склонна к коррупции и nepoтизмy.

В таких условиях предприимчивые “нацмены” с Кавказа и китайцы стараются “купить” уже местных чиновников и правоохранителей, создавая себе режим преференций, вытесняя тем самым конкурентов в лице русского бизнеса. Последний, как правило, или уже поглощен более крупными “акулами” бизнеса с офисами в Москве, или едва выживает в более интеллектуально насыщенных сферах (научно-технологически продвинутых). А может и “сбежал” за рубеж подальше от чиновничьего рэкета и рейдерского беспредела олигархата.

А коммерция и услуги (рестораны и бары и т.п.) не были сильной стороной русского бизнеса, разве что в дореволюционной России. Эту нишу в глубинке России преимущественно заняла закавказская диаспора (преимущественно азербайджанская, в меньшей степени – армянская и грузинская).

А что касается чеченского бизнеса, то он после относительного успеха в начале 90-х годов (что было связано с локальными победами с разными конкурентами в бандитских разборках), был сильно потрепан милицией в период второй кампании в Чечне.

Но сейчас с учетом “теплых” отношений Москвы и Грозного чеченский средний бизнес (в банковской, гостиничной сфере, в коммерции и услугах) нередко криминальный, опять пытается занять свою нишу.

Здесь особенности этнического разделения труда проявляют себя четко. Трудно представить чеченца в научно-производственном объединении. Ибо это требует дисциплины ума и организованности, подвижничества, преданности своей профессии и ответственности; наконец, нужна особая

традиция и преемственность. России потребовалось более ста лет для формирования такой (индустриальной) культуры труда и профессиональной этики. Это – русская доля, и никуда от этого не уйдешь.

В какой-то мере сказанное относится и к другим этнообщинам с Северного Кавказа и их бизнесу в “русских” субъектах Федерации. Но они в заметно меньшей степени играют роль провоцирующего фактора в межэтнических отношениях.

Одним из первых феноменов этнического разделения труда исследовал Кубякин Е.О., который обратил внимание на значительную корреляцию между этнопризнаком, с одной стороны, и сферой деятельности и бизнеса, с другой, в Башкирии в трех крупных “общинах” (русские, башкиры и татары)⁴. Аналогичное сравнение было произведено и между экономически активной частью русской “общины” и прибалтийских народов, между выходцами из Грузии, проживающими в России, и местным бизнесом.

Такая закономерность проявляется и в мире в целом, где в рамках одного многонационального государства и общества четко проявляет себя этническое разделение труда⁵.

Неявное этническое разделение труда (в социологическом смысле) – это и отражение особенностей социальной структуры (к примеру, более высокая доля представительства русских в промышленности, в ВПК и в обороне страны) и различий в ценностных установках, экономическом поведении тех или иных этногрупп.

Но проблема появляется тогда, когда такой этнический бизнес вступает в сговор с местной властью и милицией. Укрепив свое экономическое положение, часть этой когорты людей начинает думать, что они хозяева жизни в этом городе.

Таким образом, культурный конфликт, подкрепленный элементарным бескультурьем и невежеством, накладывается уже на социальный конфликт,

превращая в итоге таких “успешных” бизнесменов с Кавказа в объект ненависти местных жителей. Это обоснованное и справедливое негодование, которое и выплеснулось в Кондопоге. Но при этом выходцы с Северного Кавказа, проживающие в регионах страны все чаще сталкиваются с дискриминацией по этноконфессиональному признаку и милицейским произволом, что, разумеется, провоцирует нелояльность и отчуждение от власти.

Всё еще в силе подведомственная инсрукция МВД РФ, согласно которой граждане России – выходцы с Северного Кавказа обязаны пройти дактилоскопическую процедуру (!). Чтобы зарегистрироваться даже временно в Москве и в других городах страны действует все еще эта порочная и внеправовая процедура. Прямое нарушение Конституции РФ.

Третий тип проблем в межэтнических отношениях связан со значительным “вкладом” преимущественно либеральных масс-медиа в провоцирование кавказофобии в общественном мнении.

Отечественная медиакратия, начиная с 90-х годов, преуспела в создании устойчивого негативного стереотипа о пресловутых “лицах кавказской национальности” и этнических (преимущественно, кавказских) криминальных сообществ. Термин, кстати, был пущен в оборот с легкой руки МК. Подхватили его и другие “демократические” издания и ТВ⁶.

В итоге, в общественном мнении россиян в “передовики по неприязни” вышли азербайджанцы (около 50–60% опрошенных). Следом за ними – чеченцы (около 40%), затем – армяне (20–25%) и, наконец, обобщенные кавказцы и(или) дагестанцы (15% опрошенных)*.

Итак, российское ТВ и либеральная пресса концептуально четко выстроила

систему знаков и ассоциаций, смыслов и названий. Причем, в определенных условиях эта система принимает обозначений облагораживает облик одних народов или стран (как правило, это Израиль и Америка и шире, Запад в целом), а в отношении других объектов, прежде всего Закавказья и Северного Кавказа, арабов и мусульман⁷, и, наконец, самого русского и в целом православных народов – в той или иной мере используется набор знаков и “сигналов” с вполне определенными негативными коннотациями. “Русский фашизм”, “исламский терроризм”, “кавказский бандитизм” и т.п. – из этого набора информационного оружия, используемого отечественной медиократией при попустительстве властей.

В результате такой информ-политики государственные мужи сами стали “пленниками” старательно внедряемых мифов и стереотипов о северокавказцах, в частности.

Анализ реального положения с преступностью, к примеру, на российском Кавказе, в том числе и в контексте проблемы социализации, выявил явные нестыковки с ТВ-“картинкой” и расхожими стереотипами массового сознания, с одной стороны, и реальной статистикой, с другой.

Примеры из статистики.

По уровню преступности в РФ, к примеру Дагестан и Ингушетия занимают соответственно 78 и 79 позиции среди всех субъектов Федерации⁸.

Если в стране в целом совершается около 1800 преступлений на 100 тыс. чел., то в Ингушетии в 5,5, а в Дагестане почти в 3,0 раза меньше, (соответственно, около 340 и 660 преступлений).

Чуть хуже показатели по другим республикам региона, но, тем не менее, и они в криминальной “иерархии” страны занимают строчки от 65-й позиции и ниже.

* Данные из соцопросов Центра Левады.

Даже по удельному весу убийств, разбоев и грабежей эти республики заметно отличаются от других субъектов Федерации.

За период 2000-2001 гг., в Ингушетии было зафиксировано (на 100 тыс. населения/за год) всего около 15 грабежей и разбоев, в Дагестане – около 25, в целом по стране около 43, то есть в 2–3 раза больше.

Аналогичная картина по убийствам. На 100 тыс. чел по России – около 22 убийств, в Ингушетии – 15, Дагестане – 13, Адыгее – 16, Карачаево-Черкесия – 17, Кабардино-Балкария – 12. И лишь в Северной Осетии эта цифра (около 22) близка к средней по России.

Подобная ситуация и по другим видам преступлений: изнасилований, кражам, наркотикам.

Сопоставимы, со средними по России лишь данные по экономическим преступлениям.

В том, что либеральные информгуру, как правило, рассматривают выходцев с Закавказья и представителей Северного Кавказа в одной обойме, не дифференцируя их, видится сознательный умысел. Здесь задача вполне конкретная: подготовить русское общественное мнение к уходу России с Северного Кавказа и, очевидно, сдаче региона Америке; углубить (спровоци-

ровать) еще в большей степени ту незримую стену межэтнического отчуждения, которую они успешно выстраивают на протяжении 15 лет.

И такая практика еще более усугубляет состояние межэтнических отношений в российском обществе. Нередки ситуации, когда наложение этих трех типов конфликтов (этнокультурное, ценностное и поведенческое) может наблюдаться в одном городе или сообществе людей, сообщая межэтническим отношениям высокий “градус” напряжения. Тут одними общими разговорами про “воспитание толерантности” и т.п. никак не обойтись, ибо ситуации конфликта всегда конкретны и требуют оперативного вмешательства. При отсутствии профилактической системы мер, наличии развитой практики провоцирования ксенофобий и симбиозе коррумпированных властей с криминальным бизнесом (из кавказского региона) в “русских” субъектах РФ продвигается по настоящему “гремучая смесь” из взаимных претензий, разрывающая общественную ткань российского общества. И, к сожалению, свою весомую лепту здесь внесли и продолжают вносить неолиберальная власть и масс-медиа.

Некоторые внеэкономические меры

1. На федеральном уровне необходимо кардинально изменить подходы в информационной политике. В Министерстве печати и средств массовой коммуникации необходим качественно новый подход, предполагающий постоянный мониторинг и научный анализ материалов масс-медиа, а также профилактику провокационного, разрушительного “пиара”, в особенности, на ТВ.

Такая профилактика должна быть организована в тесном сотрудничестве

с федеральной правоохранительной системой.

2. Необходимо вновь вернуться к вопросу о восстановлении Министерства по делам национальностей и межнациональным отношениям РФ. Его функции не могут быть воспроизведены на достаточно квалифицированном уровне в других ведомствах.

3. Последние кадровые назначения Президента РФ в республиках Дагестан и Кабардино-Балкарии и избрание местными парламентами главами рес-

публик фигур, с которыми связывают надежды на улучшение широкие слои местного населения, вселяет оптимизм. Избрание главами республик новых фигур – это знаковые события и сигнал к наступлению на “горящие” проблемы в регионе. “Старая”, меркантилистская система в республиках региона все еще сильна и без боя не сдаст свои позиции. Поэтому можно прогнозировать попытки дискредитации новой власти и провоцирования целого ряда серьезных конфликтов, наподобие кровавой террористической вылазки боевиков в Нальчике (осенью 2005 г.).

4. Серьезным и не достаточно оцененным фактором укрепления позиций России в регионе являются структуры гражданского общества, которые показали себя с наилучшей стороны именно в момент угрозы стране в августе 1999 г. Поэтому Федеральному центру и республиканским властям самое серьезное внимание необходимо обращать на инициативы, выдвигаемые этими структурами.

Только на этих путях и в процессе непрекращающегося диалога и сотрудничества могут местные власти и народы решить свои наболевшие проблемы.

Примечания

¹ www.kavkaz.memo.ru

² Регионы России. Статистический сборник. М., 2004.

³ www.CEMI.RSSI.RU.

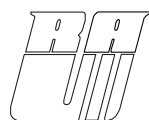
⁴ Кубякин Е.О. Специфика правового регулирования экономической деятельности в полиэтнической среде // Силовые структуры и этнополитические процессы на Юге России. Сб. статей, Южно-Русское обозрение. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002. (<http://kavkazonline.ru>)

⁵ Горовец Д. Теория межэтнического конфликта // Этнос и политика. Сборник статей. М.: УРАО. 2000.

⁶ Мельков Л.А. О роли СМИ в разжигании ксенофобий // Силовые структуры в этнополитических процессах на Юге России. Сб. статей. Ростов-на-Дону. 2002. № 12.

⁷ Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм: термины – “страшилки” (лексикологические изыски противников ислама) // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм. 1999. № 10.

⁸ Регионы России. М., Госкомстат России. Т. 2. 2000.

**ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Проблемы урегулирования конфликтов на Северном Кавказе

Фатима Рогаткина

Особенности этнополитического конфликта и способы решения проблем, возникающих в сфере межэтнических отношений, связаны с действиями государства, его институтов и территориальных структур. Государство – основной институт власти в современной политической системе. Поэтому любой конфликт затрагивает государственные институты и сам испытывает воздействие с их стороны.

Этнополитический конфликт не является исключением.

Недовольство этнических групп часто бывает направлено на государство либо с реформистскими целями – изменить правила политической игры, либо с более радикальными целями – коренным образом изменить этнические и политические границы.

Отношения между этническими группами и государством являются важным показателем сложности содержания этнополитического конфликта.

Одна из особенностей политического развития человечества с начала XX в. заключается в неуклонном расширении функций государства, которое превратилось в мощную регулирующую силу, проникающую во все сферы социальной жизни общества. Объем государственного регулирования экономической и социальной сфер деятельности граждан неуклонно растет как в индустриально развитых, так и в развивающихся странах. Благодаря этому государство стало важным, а иногда и главным инструментом перераспределения общественных ресурсов в любой современной политической системе.

Государственная политика влияет на степень доступа разных социальных

групп к материальным ценностям, образованию, занятости на государственной службе и в государственном секторе экономики, пользованию землей и другими видами капитала. Государство определяет социально-экономические возможности, предоставляемые государственными программами развития отдельных регионов или областей. Кроме того, государственная политика обуславливает реальные модели участия различных групп населения в управлении и принятии политических решений, принципы занятия должностей на гражданской или военной службе, правила использования и статуса языков в школьном и вузовском обучении, в делопроизводстве, в официальных

сообщениях и принадлежащих государству СМИ.

Масштабы проникновения современного государства в экономику и гражданское общество сами по себе не создают этническую идентичность и солидарность, но являются мощным стимулом для политизации и активизации этничности.

В полиэтничных системах как бизнеса, так и издержки возросшей сферы государственного вмешательства в жизнь общества весьма редко воспринимаются группами как этнически нейтральные, в равной степени затрагивающие интересы всех этнических групп.

“Территориальное государство повсюду стало той ареной, на которой разворачивается соперничество этнических групп, утверждаются их требования, оспариваются и регулируются их притязания”¹.

В полиэтничном государстве межгрупповое соперничество даже за “справедливые” доли участия приводит к политической активизации этничности. В условиях межэтнической конкуренции каждая этническая группа стремится продвигать свои интересы и повышать жизненные шансы своих членов в сфере социальной мобильности.

На личном опыте низкостатусные группы убеждаются в том, что, если они не мобилизуются политически для предъявления государству требований защиты своих интересов, другие группы опередят их. Получив абсолютный контроль над государством, этнические группы могут скрыто или явно манипулировать этим базовым политическим институтом в целях распределения ресурсов исключительно в интересах своей группы, обостряя тем самым межгрупповую напряженность. В полиэтничных обществах экспроприация

государственных символов, власти и ресурсов в пользу лишь одной этнической группы является индикатором остроты этнического конфликта. Прямо или косвенно санкционированные государством модели этнического неравенства и дискриминации, особенно, если они поддерживаются публичной политикой, часто приводят к этническому насилию².

Государство может играть в этнополитическом конфликте как роль посредника или арбитра, равноудаленного от конфликтующих этнических групп, так и роль субъекта конфликта.

Этнополитические конфликты Северного Кавказа разделяются на два основных типа в зависимости от того, какую именно роль играет государство.

Во-первых, конфликт двух этнических групп, предметом которого является противостояние их интересов в отношении власти, где само государство как институт не является непосредственно вовлеченной в конфликт стороной и поэтому выполняет роль третьей стороны (конфликты в Кабардино-Балкарии, РСО-Алании и Ингушетии).

Во-вторых, конфликт, в котором одним из субъектов является этническая группа, а другим – непосредственно государство в лице центрального правительства, в случае, когда этническая группа бросает вызов легитимности территориальных границ региона в пределах Российской Федерации (Чеченский конфликт).

В первые годы “перестройки” национальный вопрос стал серьезной социально-политической проблемой страны. Центральные власти ограничились общими декларациями и призывами, оказавшись бессильными перед лави-

ной острых национальных конфликтов. Процесс пошел стихийно и стал, по сути, неуправляемым, что, в конечном счете, вылилось в различные формы национализма³. Ситуацию усугубило то, что в России отсутствовала четкая национальная политика, опирающаяся на обоснованные приоритеты осуществления и развития национальных отношений. В последние годы “происходит постепенная утрата Кремлем контроля над регионом, который в советскую эпоху держал регион железной хваткой”⁴.

Взвешенная национальная политика представляет собой систему мер, направленных на создание условий для полноправного социально-экономического и национально-культурного развития всех народов России, упрочнения общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина и признании его высшей ценностью.

Основополагающими аспектами в демократической национальной политике на современном этапе являются вопросы о методах и средствах разрешения противоречий в сфере национальных отношений, превращения национальной политики в политику общенародного единства, реально обеспечивающую равноправное положение этносов в социуме.

Приоритетом национальной политики Российской Федерации является совершенствование федеральной законодательной практики и определение правовых гарантий каждой этнической группы в структуре многонационального государства. Законодательные и исполнительные органы власти решают задачу создания эффективных механизмов воздействия на общественные

процессы для гармонизации федеративных и национальных отношений и укрепления единства страны. Только при наличии полноценной политико-правовой основы возможно проведение в жизнь принципов государственной национальной политики.

Социально-культурную и политико-правовую базу для реализации демократических механизмов регулирования межнациональных отношений, основанных на принципах федерализма создает Конституция РФ.

Ст. 5 Конституции гласит: “Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны”.

Именно эта статья Конституции имеет первостепенное значение для нормального развития межнациональных отношений.

А в ст. 25 Конституции РФ говорится о том, что национальная принадлежность человека не может служить основанием для какого-либо ограничения его прав. Важной составляющей является обеспечение правовой защиты национальной чести и достоинства человека, которое регулируется соответствующими статьями УК РФ, квалифицирующими как преступление нарушение равноправия граждан в зависимости от национальности и предусматривающие ответственность за дискриминацию и разжигание расовой или религиозной вражды. Помимо этого, многие международные правовые документы определяют демократические принципы национальной полити-

ки нашего государства на Северном Кавказе, необходимые для построения гармоничных отношений между народами.

Основным механизмом реализации принципов демократической национальной политики в России стал Федеративный договор, в котором зафиксировано равенство субъектов Федерации.

“Основные положения региональной политики Российской Федерации”, утвержденные в июне 1996 г., предусматривали децентрализацию власти за счет закрепления за субъектами Федерации возможно большего числа полномочий в сферах совместного пользования и усиления влияния населения на принятие решений федеральными органами государственной власти.

В Концепции государственной национальной политики РФ (1996 г.) предложена стратегическая программа деятельности государства и общества в сфере межнациональных отношений, основывающаяся на следующих основных принципах:

- учет специфических интересов каждого народа, каждой этнической группы, согласование интересов разных народов между собой и с общегосударственными интересами, используя для достижения согласия демократические механизмы;

- самоутверждение и достойное развитие наций-этносов, с одной стороны, и формирование их общности как нации-государства, с другой;

- защита конституционных прав на самоопределение и самобытное развитие каждого народа независимо от его численности в составе единого государства, а также гарантирование прав и свобод, национального достоинства каждого гражданина России независимо от его национальной принадлежности;

- недопущение любых форм дискриминации по национальному или религиозному признакам ни в одной из сфер общественной и государственной жизни⁵.

Концепция сыграла очень важную роль, поскольку в ней этнические

группы признавались в качестве субъектов национальной политики и были урегулированы вопросы координации законотворческой деятельности на всех уровнях. Реализован принцип равноправия всех субъектов Федерации с федеральными органами власти, обеспечивающий равенство всех этнических групп в каждом из её субъектов. Однако Концепция не является нормативным документом, что сильно ограничивает ее действенность.

Важным элементом северокавказской политики России является социально-экономическое развитие региона, так как проблемы межнациональных отношений непосредственно связаны с нестабильностью в социально-экономической сфере. Для развития экономики региона необходимо с учетом ситуации дифференцировать финансовую поддержку субъектов Федерации, на что направлена, в частности, ФЦП социально-экономического развития “Юг России” (2002–2006 гг.). Необходимо также содействовать интеграции северокавказской экономики в общероссийское рыночное пространство, что пока происходит очень трудно.

Социальная ситуация, в частности занятость населения, поддержка пенсионеров, инвалидов, беженцев, до сих пор очень острая в регионе, должна стать предметом заботы властных органов всех уровней.

Связана с обсуждавшимися выше проблемами и еще одна серьезная проблема региона – неконтролируемая миграция.

Особого внимания требуют внешнеполитические аспекты национальной политики на Северном Кавказе.

Геополитическое положение северокавказского региона сегодня делает его

объектом интереса многих зарубежных государств.

Как подчеркнул в своем выступлении, на Общественном форуме народов Кавказа и Юга России Президент РФ В.В.Путин, "Кавказ является не столько местом и ареной наших внутренних противоречий, сколько ареной столкновения деструктивных сил, в том числе и зарубежных"⁶.

Благодаря конструктивной политике государства Северный Кавказ может стать пространством взаимовыгодного международного сотрудничества. В этом отношении уже многое делается. Наши ближайшие соседи могут получить большую выгоду от экономического сотрудничества в этом регионе, а также от создания на Северном Кавказе зоны мира, сотрудничества в борьбе с терроризмом, наркоторговлей, организованной преступностью.

Особый предмет заботы многонационального демократического государства составляют малочисленные народы, не имеющие собственной этнонациональной государственности и нуждающиеся в особой государственной защите.

В России более 60 малочисленных коренных народов, в число которых входят многие народы Северного Кавказа. На протяжении длительного периода времени государство не уделяло внимания нуждам этих народов, в результате их культура, язык и самобытный уклад жизни подверглись существенной деформации.

На урегулирование данных проблем нацелен Закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов".

Сегодня малочисленные народы являются объектом специального внимания государственной национальной политики.

В отношении защиты прав национальных меньшинств политика государства пока еще мало определена.

В 1996 г. Российская Федерация подписала Рамочную конвенцию по защите прав

национальных меньшинств, которая через год была ратифицирована. Однако законопроект "О защите прав национальных меньшинств" уже давно находится на рассмотрении в Государственной думе, но еще не принят.

Есть и другая проблема, связанная, наоборот, с этническим большинством, которое в некоторых регионах составляют русские. В этой связи необходимо совершенствование национальной политики государства для установления реального равноправия народов.

Еще одна проблема регулирования межнациональных отношений связана с языковой политикой. Одно из основных прав народов – на национальный язык – продолжает оставаться приоритетной.

На практике существует норма придавать статус государственного языка на территории национально-государственных образований языку титульного этноса. Важнейшей задачей политико-правового регулирования в области межнациональных отношений является интернализация языковой политики, направленная на неконфликтное сосуществование языков, при котором русский язык как государственный язык Российской Федерации обеспечивает межкультурное коммуникативное пространство. Демократическое государство не может не проявлять заботы о сохранении и развитии языков своих народов, поскольку язык – это одна из основ развития народа как субъекта истории.

Обязательным условием эффективной национальной политики на Северном Кавказе является решение вопросов национальной безопасности. Построить их приоритеты в масштабах всего региона представляется затруднительным, поскольку каждый из

субъектов Федерации обеспокоен теми проблемами, которые наиболее злободневны для него.

Так, для Ростовской области на первом месте стоят проблемы экономической и социальной стабильности, для Краснодарского края – интеграция мигрантов и ужесточение пограничного режима, для Ставропольского края – решение вопроса о статусе пограничных с Чеченской Республикой территорий и организация защиты населения от бандитских формирований, для Республик Ингушетия и Северная Осетия-Алания – преодоление последствий осетино-ингушского конфликта.

Для Республики Дагестан – распространение ваххабизма и его политизация, для Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии – сохранение межнационального мира, для Адыгеи – принятие мер в связи с обострением криминальной обстановки.

На фоне этих проблем общую тенденцию к ослаблению государственности в России стимулирует отсутствие или устаревание ряда законодательных актов, призванных закрепить юридические механизмы и обеспечить национальную безопасность России, в том числе на Северном Кавказе, и в особенности в экстраординарных ситуациях.

Национальная политика, проводившаяся Российской Федерацией на Северном Кавказе в последние годы XX в., подвергается критике за непоследовательность, игнорирование ряда существенных факторов, отсутствие отработанных механизмов осуществления принимаемых решений.

Показательны результаты экспертного опроса о национальной политике, проведенного в конце 90-х годов на Северном Кавказе.

В качестве причин межнациональных конфликтов в регионе подавляющее большинство опрошенных (91%) указало на политические ошибки Федерального центра; 52% отметили экономический кризис

последнего десятилетия, особенно остро переживаемый на Северном Кавказе; 44% – “исторические ошибки”, а 22% – “межконфессиональное противостояние”⁷⁷.

Сегодня складываются условия, при которых появляются реальные предпосылки разрешения давних конфликтов и предотвращения появления новых. Поэтому так важно именно сейчас принять государственную концепцию национальной политики в самом конфликтном регионе страны.

Для этого необходимо учесть все ошибки, а также позитивный опыт предшествующей национальной политики. В 90-х годах Федеральный центр пытался преодолеть этническую разнотенденность на принципах приоритета прав человека. На Северном Кавказе в силу исторически сложившихся условий наиболее важным для народов было отстаивать свои национальные права, чем и воспользовались национально-политические элиты, склонные проводить линию национал-сепаратизма. В результате Федеральный центр и руководство республик в своей национальной политике реализовывали разные, во многом диаметрально противоположные концепции.

И в настоящее время государственные институты недостаточно эффективно координируют свою деятельность.

Полномочный представитель президента в Южном Федеральном округе Дмитрий Козак предупреждает о затяжном кризисе, заявляя, что коррупция, взяточничество и неэффективное управление местного руководства способствуют росту экстремизма и могут превратить Северный Кавказ в “макорегион общественно-политической и экономической нестабильности”.

В данном контексте весьма обоснованным является предложение ограничить при проведении национальной

политики опору на региональную элиту и поддержать тех, “кто всегда пользовался неограниченным авторитетом – старейшин, хранителей культуры, учителей – всех тех, чья позиция может оказаться решающей для стабилизации этнополитической обстановки”⁸.

На уровне федеральных округов и субъектов Российской Федерации тесное взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления осуществляют различные комиссии, постоянно действующие межнациональные совеща-

ния, общественные палаты и др. Федеральная исполнительная власть на постоянной основе проводит консультации со всеми представителями федеральных национально-культурных автономий, а также объединениями национальных меньшинств.

В 2002 г. восстановил свою деятельность Консультативный совет по делам национально-культурных автономий при Правительстве РФ, который в настоящее время осуществляет руководство ими. Данные меры представляются недостаточными для предотвращения этнополитических конфликтов на Северном Кавказе.

Таким образом, российской власти необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы и обеспечение действенных институтов, средств и форм демократического решения разных задач в национальной сфере.

Повышение эффективности мероприятий органов власти всех уровней в реализации конкретных программ этнокультурного развития, нахождение способов и методов удовлетворения разнообразных потребностей этнических групп также должны способствовать урегулированию непростой этнополитической ситуации, сложившейся в регионе.

Необходим комплексный подход к нуждам национальных меньшинств, а также адекватная интересам государства система мер в области миграции населения и конфессиональных отношений. Актуальной также является проблема формирования толерантности в общественном сознании и повседневном поведении граждан многонациональных субъектов.

Выполнение вышеперечисленных условий позволит российской власти своевременно реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию в регионе, а также влиять на урегулирование этнополитических разногласий в интересах государства.

Примечания

¹ *Esman M. Ethnic Politics. Ithaka, N.Y.: Cornell University Press, 1994. P. 16–17.*

² *Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, DC: USIP Press, 1994. P. 4.*

³ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. *Е.И. Степанова*. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 233.

⁴ *Weir F. Russia struggles to keep grip in Caucasus // The Christian Science Monitor. 2005. September 13.*

⁵ *Абдулатинов П.Г. Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. М.: Славянский диалог, 2001.*

⁶ *Путин В.В. Заключительное слово на Общественном форуме народов Кавказа и Юга России // www.kremlin.ru*

⁷ *Дзадзиев А. Эксперты о национальной политике Российской Федерации // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1998. № 18 С. 37–38.*

⁸ *Чичановский А.А. Национальный экстремизм и проблемы информационной безопасности страны // Материалы регионального “круглого стола” “Национальное согласие и национальный экстремизм в современной России: исторические корни, реалии и перспективы”. Саратов, 2000. С. 27–36.*

Этническое возрождение и социализация личности

Людмила Коновалова,

кандидат педагогических наук

(Ставропольский государственный университет)

На современном этапе человеческая цивилизация вступила в качественно новую фазу развития, для которой характерны как новые тенденции, так и те, что действовали уже длительное время, но приобрели иную динамику и масштабы. Современное общество переживает сложный этап глобализации общественных процессов, среди которых ведущая роль, несомненно, должна быть отведена информационным технологиям.

Народы мира неоднозначно воспринимают процессы глобализации. С одной стороны, соединение разрозненных усилий в производстве, экономике, технике способствует росту сотрудничества, а с другой – сам “процесс глобализации”, который создает принципиально новое положение в мире как для человека, так и для суверенного государства, вызывает тревогу.

Так, противники глобализма считают, что в глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощают, культуры не получают импульсы для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Страх народов перед тем, что своеобразие народов уходит в прошлое, привел к этническому возрождению.

Этническое возрождение приобретает выраженный характер в 60–70-х годах XX в. Первоначально в США, позднее в Западной Европе термин “этническое возрождение” означил факт возрастания роли этнического фактора в общественных процессах.

В СССР этническое возрождение совпало с социально-экономическими и политическими преобразованиями, приобретая устойчивый характер с середины 80-х годов.

Беспрецедентный всплеск национального сознания и самосознания в СССР ученые-обществоведы объясняют тем, что долгое время политика многонационального государства была

направлена на объединение людей разных национальностей на основе русской культуры в единое образование “советский народ”. Декларирование интернационального единства народов СССР сопровождалось активным утверждением национально-территориального принципа государственного устройства, подготовкой национальных кадров для работы в различных отраслях промышленности, в образовании, сфере управления. В то же время велась активная борьба с “националистическими пережитками”, проявление которых свидетельствовало о сохранении важности этноспецифической социокультурной среды в границах каждого этноса.

Возникавшие разногласия замалчивались, обострялись, а затем превращались в конфликты и трагедии, которые, в свою очередь, породили нестабильность в общественной жизни, обострили межнациональные отношения, привели к распаду СССР и формированию независимых, а позднее – этнически чистых государств.

Россия – государство, на территории которого проживает около 150 национальностей, относящихся к различным этнолингвистическим* группам, имеющим разное вероисповедание, собственную культуру и историю.

Сложность и многоуровневость социального пространства России, в котором многие структуры и связи определяются этническими характеристиками, формируют не менее сложную систему реакций его различных сегментов на изменение условий своего функционирования.

Безусловно, наибольшее влияние на условия функционирования социального пространства России оказала резкая смена в руководстве коммунистической партии в середине 80-х годов, повлекшая изменения в социально-экономической, культурно-идеологической сферах общественной жизни.

В конце XX столетия мир узнал новую Россию. Новый курс российского правительства на демократизацию политических институтов общества, на развитие рыночных отношений, на развитие экономики и реформы, проводимые в соответствии с этим курсом, выявили множество проблем общероссийского и специфично-этнического характера. Особый интерес вызывают

проблемы этносоциального характера. Именно они на сегодняшний день оказывают заметное влияние на социально-гуманистические аспекты общественной жизни многонационального Российского государства.

Для установления содержания проблем этносоциального характера в России большое значение имеет периодизация этносоциальных процессов, а именно:

Первый этап (1989–1993 гг.). Начиная с 1989 г. этнический фактор оказывает заметное влияние на жизнь Российского государства. В это время проблемы этнокультурного характера выходят на первый план. Фоновые показатели возросшего интереса к этнической культуре, истории своего народа, традициям, языку, произошедшие под влиянием внешних факторов (отказ от прежней экономической, политической, идеологической модели социальной организации), стали приобретать значение основных показателей.

Разрушение советских идеологических систем в сфере общественного сознания определило возвращение к наиболее устойчивым и статичным в социально-динамическом плане уровням общественного сознания, среди которых этническое самосознание является приоритетным.

Этническое возрождение в России на начальном этапе развития этнонационального движения в каждом конкретном регионе характеризовалось проблемами самоопределения этнических групп в изменившихся условиях. Активизация общественного сознания, а также придание приоритетного ха-

* *Этнолингвистика* – научная дисциплина на стыке этнологии и лингвистики, изучающая взаимоотношения этнической культуры и языка.

рактера этносимволизирующим структурам в этническом самосознании поставили ряд проблем, к которым можно отнести:

- проблему места и роли этнической культуры в общероссийском и местном культурном процессах;

- проблему роли этнического языка, создания условий для воспроизводства этнокультурного своеобразия (регулирование семейного воспитания, создание системы национального образования);

- проблему взаимоотношений с русским населением;

- проблему формирования отношения к советскому периоду истории и целостности России в истории этнической группы.

Данные проблемы определили появление большого количества исследований по вопросам этнокультуры в каждом регионе, активизацию исторической памяти народов, появление широких общественных движений, возникновение национально-культурных обществ. Проблемы этнической консолидации решались по-разному в разных этнических группах. В одних регионах они проходили мягко и спокойно, в других – дистанцирование от русского населения сопровождалось кровопролитными конфликтами и войнами.

Так, например, в Якутии (Республика Саха) и Республике Татарстан и до распада СССР существовала развернутая сеть национальных школ, что смягчило этнокультурные проблемы на начальном этапе развития национального движения, однако, определило раннюю институализацию этнического движения из-за достаточно высокого начального уровня консолидации этноса.

Формальный характер интеграции чеченского народа в социально-экономические и политические структуры российского социального пространства, а также большая роль исторической памяти в структуре этнического самосознания определили этнокультурные проблемы в чеченском этносе в рамках проблемы дистанцирования от русского населения, русской истории, российского социального пространства. На политическую структуру Чечено-Ингушетии заметно влияли: устойчивость *тейповой** структуры, четкое деление экономической сферы на “русский” и “национальный” секторы.

Второй этап (1993–1994 гг.). При достаточно высоком уровне интереса к этнокультурным проблемам особую значимость приобретают этнополитические проблемы. Политизация этнических процессов явилась этапом практического решения задач этнического возрождения. В разных национальных регионах этнополитические проблемы наполняются разным содержанием.

В регионах с высоким уровнем образования коренного населения относительное равенство статусов коренного и русского населения определили достаточно быстрый переход к паритетному характеру национализма. Здесь наибольшее значение имела не проблема дистанцирования от русского населения, а проблема “гражданского национализма”, то есть стремления к собственной государственности в границах российского государственного пространства.

В других регионах на содержание этнополитических проблем большое влияние оказал комплекс внешних и внутренних факторов: преобладание

* *Тейн* (тайп) (чеченск. – род, фамилия) – сохранившаяся до сих пор у вайнахов социальная структура, играющая важную роль во внутритнических отношениях

добывающих отраслей в промышленности и особый характер природных ресурсов (золото, алмазы, нефть), своеобразные климатические условия, финансовая, энергетическая, продовольственная и кадровая зависимость от Центра.

Данные факторы обусловили постановку этнополитических и этнокультурных проблем в регионе в тесной связи с проблемами этноэкономическими. В этих регионах акцент делается на достижение экономического суверенитета, на праве владения и распоряжения природными богатствами.

Третий этап (с 1995 г. – настоящий момент). В настоящее время этнокультурные, этноэкономические, этнополитические проблемы находятся в неразрывном единстве, что определяется:

- задачами укрепления достигнутых позиций;
- дальнейшим совершенствованием взаимоотношений с Центром;
- развитием национальной государственности;
- развитием системы поддержания национальной культуры и формированием базы для утверждения экономической самостоятельности и национальных регионов республик.

Содержание современных этносоциальных проблем России определяется характером и формами взаимодействия различных уровней российского социального пространства и сфер общественной жизни.

Рассматривая общество как сложную самоорганизующуюся систему, в которой все структуры и элементы подвержены взаимодействию и взаимовлиянию, согласно общей теории сложных самоорганизующихся систем, можно утверждать возможность саморазвития как системы в целом, так и отдельных ее элементов. Саморазви-

тие происходит через неравновесные состояния в системе бифуркации.

В этой связи этническое возрождение представляет собой один из факторов социокультурного характера, повышающих ситуацию неравновесности в социальной системе. Этническое возрождение обладает деструктивно-конструктивным потенциалом: при проявлении этнической активности в разных сферах общественной жизни могут разрушаться определенные социальные связи, на месте которых начинают формироваться новые связи, то есть этническое возрождение может стать источником становления социальной организации более высокого уровня. Этническое возрождение выступает как один из источников новых принципов стратификации общества, прежде всего, – это принцип этнокультурной стратификации.

Неоднозначность влияния современных этнических процессов (негативное и позитивное) на различные сферы общественной жизни отмечают как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Так, А. Унтеберг отмечает, что положительным является то, что народы хотят вернуть себе родину, собственную идентичность, но к правильным и важным требованиям примыкают негативные моменты¹.

Российские исследователи Р.Г. Абдулатипов, А.В. Авксентьев, В.А. Авксентьев и др. также указывают на творческий потенциал этнического возрождения, равно как на возможный деструктивный характер его последствий: "Этничность... неожиданно ярко и красочно, а зачастую конфликтно и трагично врывается в человеческий мир"².

В настоящее время со всей остротой стоит вопрос о сохранении целостности Российского государства, о нахождении стержня, объединяющего всех граждан.

Русский философ Г.Федотов еще в 1929 г. писал: "Россия не Русь, но союз народов, объединяющихся вокруг Руси. И народы эти не безгласны, но стремятся заглушить друг друга гулом нестройных голосов. Для многих из нас это все еще непривычно, мы с этим не можем примириться. Если не примириться — то есть с многоголосностью, а не с нестройностью, то и останемся в одной Великороссии, то есть Россия существовать не будет"³.

Проблема состоит в поддержании этого многоголосья, чтобы в итоге вышла мощная симфония, а не какофония нестройно звучащих голосов. В стратегической перспективе оптимальным представляется путь создания дружественной среды межэтнического общения без изменения полиэтничности социума⁴.

В связи с этим, закономерно встает вопрос о возможности эффективного взаимодействия и взаимопонимания между людьми разных национальностей в полиэтничной среде.

Полиэтническая среда, являясь своего рода способом существования, деятельности и общения людей различных наций и народностей, включает в себя непосредственное окружение личности и представляет собой единство сущности и существования человека и нации, материальных и духовных факторов жизнедеятельности представителей различных народов в определенном социальном пространстве и времени, в определенных конкретно-исторических и географических условиях (Н.В. Мольденгауэр).

При этом важно помнить, что полиэтническая среда — существование двух и более этнических групп в одном сообществе, которые вступают во взаимодействие.

В результате взаимодействия, в полиэтнической среде человек сталкивается с многомерностью и разнообразием культурного окружения, с различными культурно-специфическими взглядами на мир, и перед ним возникают две узловые личностно значимые проблемы: сохранение своей этнической

идентичности и социализация в этой среде.

Социализация, по определению А.В. Мудрика, — это развитие человека на протяжении его жизни во взаимодействии с окружающей средой в процессе усвоения и воспроизводства социальных норм и культурных ценностей, а также саморазвития и самореализации в обществе, к которому он принадлежит⁵.

Сущность социализации состоит в сочетании приспособления и обособления человека в условиях конкретного общества.

Такой же точки зрения придерживается и известный психолог Г.А. Андреева. Она определяет сущность социализации как двусторонний процесс, включающий в себя усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с одной стороны, и процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет активной деятельности, активного включения в социальную среду, с другой⁶.

Одним из факторов социализации является этнос.

В настоящее время российское общество находится на переходном этапе, когда старая система ценностей исчезла, а новая еще на стадии формирования, поэтому в обществе возрастает роль этноса как "информационного фильтра". Этническая общность складывается на основе различий по пути "мы" и "они". Один этнос как единое целое ("мы") отличается от другого этноса как единого целого ("они").

В этническую среду входят традиции, обычаи народа, особенности психики (архетипы), поведения, речи, специфика традиционно сложившегося типа питания, типа хозяйствования, особенности климата, ландшафта.

А это значит, что этнические общности окружающей среды накладывают отпечаток на личность человека, на его характер, мировоззрение, на семейные взаимоотношения и взаимоотно-

шения с людьми своей и другой национальности. Этническая среда – это часть социальной реальности, которая поддерживает традиционные механизмы решения проблем коллективного существования и сосуществования этнических общностей, осуществляемое через взаимодействие и взаимопонимание.

Межэтническое взаимопонимание как элемент межэтнического взаимодействия проявляется на межгрупповом и межличностном уровнях. При этом взаимопонимание между этническими общностями и их представителями может осуществляться как на основе необходимости контакта для достижения целей, так и на основе культурной близости, комплиментарности.

Без взаимопонимания между этнофорами невозможно эффективное взаимодействие. Следовательно, важно знать причины непонимания людьми друг друга. Одной из причин выступают межкультурные вариации систем коммуникации, то есть обмена информацией между этнофорами*.

Даже если два человека общаются, это не всегда означает, что они понимают друг друга. Понимание проявляется тогда, когда они одинаково истолковывают символы, применяемые в процессе общения, будь то вербальная или невербальная коммуникация.

Ван Дейк отмечал, что непонимание может возникнуть даже тогда, когда представители разных этнокультур говорят на одном языке. Это связано с тем, что "понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира"⁷.

Восприятие, познание людьми друг друга и окружающей среды, а также

интерпретация поступающей информации происходит избирательно и осуществляется на основе социального опыта, который включает в себя, прежде всего, набор ценностных ориентаций, принятых в данном сообществе. А всякая ценность с точки зрения ее культурных функций, прежде всего, обеспечивает поддержание социальной консолидированности людей, снятие, понижение или недопущение социально опасных напряжений, противоречий, конфликтов, преодоление агрессивных, эгоистичных и иных социально безответственных проявлений человека и, одновременно, имеет целью повышение взаимопонимания, толерантности, комплиментарности, согласия, выработку общих оценочных критериев и конвенциональных интерпретаций и т.п.

Вместе с тем, разнообразие природных и культурно-исторических (социальных условий) и обстоятельств, в которых существуют разные этнические общности, сообщества, ведет к формированию их структурной и содержательной специфики, что, в свою очередь, является одним из основных источников конфликтов между различными этносами. Взаимодействие – культурно обусловленный процесс, все составляющие которого, в том числе взаимопонимание, находятся в тесной связи с этнической принадлежностью участников взаимодействия.

Главное препятствие, мешающее успешному взаимодействию, состоит, *во-первых*, в том, что люди воспринимают и оценивают другую культуру через призму своей. *Во-вторых*, они субъективно воспринимают и оценивают друг друга, используя при оценке

* *Этнофор* – индивид как носитель этнического сознания.

тех или иных общественных явлений свой жизненный опыт. А такой опыт может быть не только позитивным, но и негативным, приводящим к проявлению этноцентризма, этнофаворитизма и др., может нанести существенный урон межэтническому взаимодействию и взаимопониманию.

Неудачи в межэтническом взаимодействии следует рассматривать не как на-

личие “непреодолимых” различий между культурами, а как отсутствие определенных знаний и умений, способствующих эффективности данного процесса и межэтническому взаимопониманию. С этой целью необходимо организовать приобретение знаний об обычаях, стереотипах поведения другого народа, а также выработку навыков налаживания межэтнических контактов.

Решение обозначенных проблем непосредственно связано со сферой образования, которая является органической частью социальной среды.

Отличительной особенностью образовательных учреждений России является многонациональный состав учащихся. Вследствие этого образовательная среда должна содействовать тому, чтобы, с одной стороны, учащиеся осознавали свои корни и тем самым могли определять свое место в мире, а с другой – прививать ему уважение к другим культурам. То есть речь идет о создании и развитии полиэтнической образовательной среды, являющейся частью образовательной среды в целом.

Огромная роль в решении этого вопроса принадлежит системе непрерывного образования, которое при обеспечении своих образовательных услуг обязательно учитывает взаимосвязь и преемственность образовательных программ, где происходит формирование и развитие основополагающих жизненных установок.

Примечания

- ¹ Актуальные проблемы Европы: экономика, политика, идеология. М., 1992. Вып. 2. С. 90.
- ² *Авксентьев А.В., Шаповалов В.А.* Этносоциальные проблемы России. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1994.
- ³ *Федотов Г.* Будет ли существовать Россия? // Новое время. 1992. № 10. С. 59.
- ⁴ *Еишич М.Б.* Развитие системы образования в многонациональной Югославии // Образование в мире. 1994. Вып. 4. С. 11.
- ⁵ *Мудрик А.В.* Социальная педагогика. М.: Издательский центр “Академия”, 2005.
- ⁶ *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: 2001.
- ⁷ *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003.

НАТО и Россия в начале третьего тысячелетия

Игорь Максимычев,
доктор политических наук,
Посланник в отставке (Институт Европы РАН)

Разбалансированный мир

Устранение биполярного мироустройства разрегулировало привычное соотношение сил, поддерживавшее равновесие в мире после Второй мировой войны. Начался кризис международных отношений, который во избежание драматизации именуется, как правило, “переходным периодом”, хотя неясно, к чему, собственно, “переходят” эти отношения. Разрушенная дицентричностью может быть заменена либо полицентрией под присмотром ООН в качестве общепризнанного органа глобальной координации, либо подчинением всех государств воле одного, богоизбранного государства, которое лучше знает, в чем действительно нуждаются остальные. На эту роль годится, разумеется, только самый сильный. Поскольку сейчас самыми сильными на международной арене являются США, у американских элит (и не только у них) возникла иллюзия, будто Соединенные Штаты уже стали пупом земли. Кроме традиционной переоцен-

ки своей мощи этому способствовали присущие широким кругам населения США склонность к миссионерству, религиозная экзальтированность, намерение осчастливить остальной мир приобщением к благам американской цивилизации, которая после крушения “реального социализма” провозглашена высшей и последней ступенью развития человечества.

Возможно, в попытке США стать глобальным распорядителем есть своя положительная сторона, поскольку порядок любого рода был бы, видимо, предпочтительнее нынешнего беспорядка. Отсюда терпимое отношение большинства государств к все более бесцеремонному поведению США на мировой арене и часто раздающиеся прямые призывы к ним вмешаться в тот или иной внутренний конфликт. Именно поэтому беспочвенны любые рассуждения об антиамериканизме, который якобы сбивает с толку народы мира.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2006. № 9.

Мир отлично понимает, что в современной глобальной реальности нельзя добиться чего-либо путного без США и уж подавно против них.

Беда не в мнимом антиамериканизме, а в том, что у США, несмотря на всю их бесспорно поражающую воображение мощь, нет и не может хватить сил для того, чтобы в одиночку решить все проблемы человечества, и тем более для того, чтобы повсюду постоянно поддерживать порядок, даже если им удастся где-то что-то наладить.

Пример американско-британского “урегулирования” проблем Ирака весьма красноречив в этом отношении.

Именно иракский опыт показывает, что американский вариант моноцентризма оказывается на поверку весьма своеобразной конструкцией.

Вашингтон хочет править миром по своему усмотрению, но не готов нести единственную ответственность за последствия своих действий, которые, как правило, не снимают проблему с повестки дня, а лишь усугубляют ее. Заваренную США кашу приходится расхлебывать другим. Было бы полбеда, если бы дело ограничивалось теми, кто с восторгом принимает роль подручного Америки и включается в любую затеваемую Вашингтоном авантюру, только чтобы быть поближе к обожаемому кумиру, от которого ожидают всяческие подачки. Хуже становится всем, в том числе тем, кто с самого начала предвидел провалы американской стратегии.

Сегодняшний мир слишком сложен, чтобы поддаваться управлению из одного центра, решения которого определяются, естественно, прежде всего внутривнутриполитическими, то есть эгоистическими факторами.

Объективно играть ведущую роль в позитивном смысле США могут лишь в том случае, если сумеют обеспечить себе как можно более широкую поддержку со стороны мирового сообщества. Но если это так, то им нужны

партнеры, а не бездумные исполнители – партнеры с собственным мнением, которое с пользой учитывается при выработке взвешенного решения в конечной инстанции. Практика показывает, что просто командовать не проходит. За долларовые подачки можно кого-то купить, но на всех долларов определенно не хватит. В итоге моноцентризм все равно выльется в полицентризм, являющийся естественным состоянием высокоорганизованного мира. Так не лучше ли избежать траты сил и времени (и упущенных шансов) в погоне за химерой, которая приносит и США, и миру в конечном счете только дополнительные проблемы и трудности?

Поведение администрации Дж.Буша-мл. демонстрирует верность когда-то сформулированному поэтом девизу: “Рассудку вопреки, наперекор стихиям!”

Линия США в отношении Ирака привела к результатам, которые совсем недавно считались еще полностью исключенными – внесен разлад в анти-террористическую коалицию, расколотым оказался Совет Безопасности, трещину дала атлантическая солидарность, как никогда ранее далек от единой политики Евросоюз, в глубокий кризис впадала НАТО.

Принятый США принцип действий в рамках “коалиции желающих”, то есть каждый раз обновляемого набора союзников, состав которых зависит от специфики решаемой в данный момент задачи, соответствует стратегии движения к однополюсному миру, в котором у США нет равноправных партнеров, а есть только вассалы, выполняющие тот или иной “заказ” сюзерена. Однако применение такого принципа на практике влечет за собой разрушительные

последствия для исторически складывавшегося порядка в мире, в том числе для систем союзов, формально построенных на равенстве прав и обязанностей всех их членов.

НАТО никак нельзя упрекнуть в недостаточной преданности интересам США.

После 11 сентября 2001 г. альянс констатировал факт нападения террористов на США и впервые в своей истории объявил о введении в действие той статьи договора о Североатлантическом союзе, которая предусматривает выступление всей организации в защиту ее подвергнувшегося нападению члена.

Однако и в Афганистане, и в Ираке США предпочли поначалу действовать в одиночку, поскольку это избавляло их от необходимости что-либо с кем-либо согласовывать.

НАТО было поручено военное обеспечение афганского замирения после разгрома главных сил талибов и вывода основного контингента американских войск из страны. Но на поверку поставленная перед НАТО задача оказалась наиболее трудной частью всей операции. Рассчитывать на мир в Афганистане в ближайшем будущем не приходится.

Впрочем, антиталибская кампания в Афганистане была санкционирована СБ ООН, и НАТО действует там не столько в своем официальном качестве, сколько в качестве “судебного пристава” мирового сообщества наций. Такой порядок устраивает всех, кроме самых непримиримых сторонников “унилатерализма” в США, которые настаивают на полном высвобождении американской политики из-под влияния извне. По их мнению, роль ООН (не говоря уже про НАТО) должна сводиться лишь к одобрению решений,

принимаемых США в одностороннем порядке; в остальном же ни ооновская, ни натовская “говорильни” никакого внимания не заслуживают.

Совсем недавно ясно выраженная воля гегемона не встретила бы сколько-нибудь заметного сопротивления на Западе — НАТО и Евросоюз взяли бы под козырек, и на этом “согласование позиций” по обе стороны Атлантики закончилось бы. И сегодня в политических кругах и СМИ стран ЕС едва ли не большинство составляют плакальщики и плакальщицы, рвущие на себе волосы, причитая над безрассудностью попыток ряда государств интегрированной части Европы отстоять право руководствоваться собственным разумением и принимать решения, которые выражают европейские, а не чьи-либо еще интересы.

Лишь полностью первертированным взглядом на причинно-следственные связи и историю человечества объяснимо упорное навязывание обществу иллюзии, будто Европа может обрести глобальное влияние, только беспрекословно выполняя приказы Вашингтона; любое же своеволие с ее стороны отбрасывает-де европейский континент на периферию развития событий.

Разве сателлит бывал когда-нибудь чем-либо большим, чем слугой и исполнителем чужой воли?

Действующим лицом на международной арене может быть лишь тот, кто не пасует перед необходимостью отстаивать свои интересы, особенно если эти интересы совпадают с интересами большинства народов мира.

Весьма показательным является пример правительства Тони Блэра, сознательно избравшего для Великобритании роль послушного подручного США в Ираке (и не только там) и вынужденного сейчас искать пути к восстановлению пошатнувшегося доверия к себе как в Европе, так и внутри страны.

Война в Ираке, ставшая первой масштабной войной третьего тысячелетия, доказала, что разломы современного мира проходят по совсем другим линиям, чем привычные фронты “холодной войны”, по инерции во многом, к сожалению, пережившие ее саму.

Отказавшаяся поддержать американскую интервенцию тройка Франция – ФРГ – Россия впервые реально обозначила фундамент будущей Большой Европы, остававшейся до сих пор лишь часто заклинаемым, но прозрачным видением.

Выступление части членов Евросоюза (особенно из числа недавно принятых) на стороне США не только подорвало и без того нестабильное внутреннее согласие интегрирующейся части континента, но и обнажило серьезный разлад между правительствами и общественным мнением этих стран. Подключение к повторной колонизации Среднего Востока, обосновывавшееся соображениями “реальной политики”, может в будущем дорого обойтись проводившим его деятелям в случае дальнейшего неблагоприятного развития событий в Ираке, что вполне вероятно. Людям непросто переварить прыжок из “реального социализма” в реальный колониализм.

Легкая победа сверхсовременной американской армии над вооруженными силами страны третьего мира, какой оставался Ирак, ослабленный к тому же более чем десятилетними международными санкциями и разведанный вдоль и поперек инспекторами ООН, вызвала в США и поддержавших их государствах краткий период эйфории. Однако очень скоро ликование сменилось головной болью. Непрекращающееся сопротивление иракцев иностранной оккупации, осуществ-

ляемой к тому же иноверцами, оставляет мало надежды на стабилизацию обстановки там. Расшатана ситуация в регионе Ближнего и Среднего Востока в целом.

Эхо иракской войны явственно прослеживается в обострении кризиса вокруг ядерной программы Ирана и в победе исламских радикалов на выборах в Палестине (январь 2006 г.). Сколько бы ни было в Ираке польских, украинских или даже японских солдат под американским командованием, только новая резолюция СБ ООН, отводящая международной организации центральную роль в иракском урегулировании, могла бы придать происходящему там характер международной операции по поддержанию мира.

Именно такой подход к проблеме с самого начала предлагала франко-германо-российская тройка.

Кондолиза Райс, один из столпов имперской стратегии США, обрушилась на политиков, несогласных с американским однополюсным миром, обвинив их в пособничестве “врагам свободы” и назвав принцип многополярности “теорией раздора”.

Она риторически вопрошала: “Зачем тот, кто разделяет ценности свободы, будет стремиться контролировать их? Сами демократические институты и являются контрольным механизмом, предотвращающим злоупотребление силой. Надо приветствовать силу, находящуюся на службе свободы, а державы, одинаково осознающие свой долг служить свободе, могут и должны делать общее дело в борьбе с врагами свободы”. Райс предложила поддержать усилия Дж.Буша по созданию нового миропорядка, выдвинув довольно туманную формулу “равновесие силы в пользу свободы”, что якобы значит “защищать свободу от ее врагов и поддерживать в глобальном масштабе тех, кто хочет насадить свободу в своих странах”¹.

Однако определять, где в мире свобода и где ее враги, а также способ из-

ничтожить врагов свободы остается прерогативой того, кого Всевышний сделал сильнейшим, возложив тем самым на него, то есть на США, бремя нести свободу миру.

Перевод высокоученого текста Райс на общепонятный язык выглядит примерно так: США начали крестовый поход с целью обращения огнем и мечом всего остального мира в свою веру, и все, кто не хочет попасть в число подлежащих уничтожению врагов свободы, должны своевременно влиться в ряды американских крестоносцев.

А ведь совсем недавно было немало тех, кто искренне верил, что к третьему тысячелетию человечество оставило далеко позади не только средние века своей истории, но и эпоху империализма вкупе с колониализмом. Если возьмут верх вашингтонские сторонники создания новой американской империи, то единственным отличи-

ем сегодняшней ситуации от средневекового мракобесия и произвола более сильного по отношению к более слабым станет неизмеримо, прямо катастрофически возросшая способность к разрушению.

На сессии министров обороны стран НАТО (2003 г., Колорадо-Спрингс) принимающая сторона предложила гостям провести тренировку в рамках компьютерной симуляции интервенции сил быстрого реагирования альянса (25-тысячный контингент солдат НАТО, который должен в течение 5 дней реагировать на кризисы в любой точке планеты) "где-нибудь на Среднем Востоке" с применением оружия массового уничтожения².

На наших глазах конец света перестает быть апокалиптической аллегорией, перемещаясь во вполне конкретную плоскость.

Покой нам только снится

Берлинский политолог Хорст Мюнклер сформулировал тезис о том, что коренная разница между обычным цивилизованным государством, которое он назвал "территориальным", и империей с ее настроением на бесконечную экспансию и созданием зон влияния по всему свету, состоит в самой структуре организации власти в них.

Он писал: "В территориальном государстве власть осуществляется повсюду и всегда идентичным образом... Напротив, осуществление имперской власти происходит в рамках системы кругов и эллипсов, расходящихся от центра к периферии. Соответственно меняется и правовое самоограничение власти: в центре оно сильнее и существеннее, здесь положение практически равнозначно положению в территориальных

государствах, но чем дальше от центра, тем слабее выражено самоограничение власти, причем это обстоятельство не противоречит принципам функционирования империи"³.

В период "холодной войны", утверждал Мюнклер, НАТО была для США чем-то вроде вынужденного самоограничителя: в соответствии с логикой противостояния с СССР им пришлось рассматривать альянс почти как составную часть имперского центра и допускать влияние членов блока на принятие решений.

Высказывания министра обороны США Доналда Рамсфелда о "старой" и "новой" Европе показали, что ныне в Вашингтоне утвердился иной, тради-

* Наблюдения немецкого политолога убедительно подтверждаются, в частности, скандалом по поводу тайных тюрем ЦРУ в натовских странах Европы, где не соблюдались элементарные правовые нормы в отношении заключенных.

ционно имперский взгляд на союзников: “Выделение тех, кто может принести пользу, и безразличие, а то и презрение по отношению к остальным”. НАТО попала на крайнюю периферию империи, и это ведет к кризису в ней. Такое положение может иметь следствием для США “опасное перенапряжение сил”, считал Мюнклер³.

Именно перенапряжение сил служило в прошлом наиболее частой причиной крушения империй. Ввиду уникального положения США в системе современных международных отношений более чем вероятный крах американской политики, ориентированной на монополярность, неизбежно вызвал бы катастрофические последствия для всего мирового сообщества. Жизненно важно для всех не допустить, чтобы дело дошло до этого. Надо уберечь США от нанесения вреда самим себе и, следовательно, всем другим, поскольку перенапряжение американских сил, которые остаются, в конечном счете, ограниченными, может привести к разрушению всего, чего добились человечество за свою нелегкую историю.

Большая Европа представляется единственным серьезным фактором, который мог бы побудить американские элиты пересмотреть их рискованный курс на неограниченное самовластие и необдуманное применение силы в глобальных масштабах. Речь при этом не идет о каких-либо антиамериканских кознях: возвращение сильнейшей державы на стезю разумной политики согласования своих действий с интересами мирового сообщества пошло бы на пользу, прежде всего, самим США. Все, что последовало за разгромом армии Саддама Хусейна, подтверждает невозможность для США силой навязать свою волю миру.

Оптимистическую ноту в оценку сложившейся в результате войны в Ираке ситуации внесла поддержанная мировым общественным мнением согласованная позиция Франции, ФРГ и России, настаивавших на сохранении главенствующей роли ООН и ее многосторонних механизмов при урегулировании международных кризисов. Сознательным извращением ситуации являются утверждения, будто возникшие во время иракского кризиса разногласия противопоставили тройку США и Великобритании.

На деле это США и Великобритания противопоставили себя подавляющему большинству мирового сообщества, а тройка взяла на себя лишь смелость стать рупором этого большинства. Огромным преимуществом тройки оказалось то, что у нее не было структурного костяка, и координация ее действий основывалась не на формальных союзных обязательствах, а на идентичном понимании как своих, так и всеобщих потребностей и пользы.

Нет более прочного фактора сплочения, чем общность интересов. На первый план эта общность выходит в периоды кризисов, но действует она постоянно.

Сохранение тройственной солидарности в рамках Большой Европы (пусть даже неявное) создает своеобразную обстановку для России в том, что касается Североатлантического альянса. Хотя НАТО продолжает оставаться по своей сущности средством навязывания европейцам воли вневропейской державы, для России в нынешней ситуации было бы нежелательно чрезмерное ослабление и уж подавно исчезновение НАТО.

Подобные резкие изменения могут лишь раскатить и без того довольно лабильную обстановку в Европе.

Здесь решающую роль будет играть последовательность германской политики. ФРГ является второй по значению страной альянса, и Вашингтону очень хотелось бы, чтобы именно она вернула недовольных американским авантюризмом западноевропейских членов НАТО в лоно послушания США. “Старые европейцы” далеки от того, чтобы испытывать восхищение американским отношением к ним. Налицо своего рода “бунт на корабле”. Справиться с этим бунтом Вашингтон сможет только при помощи немцев.

Широкий положительный отклик в Западной Европе вызвало открытое недовольство политикой США, выраженное возглавлявшим до недавнего времени правительство ФРГ Г.Шредером (СДПГ), который подверг в январе 2005 г. НАТО жесткой критике, поскольку она, по его мнению, перестала быть центральным местом стратегического анализа и планирования Запада. Канцлер не выдвинул конкретных предложений по совершенствованию функционирования органов блока, не сумевших обеспечить выработку единой позиции ее членов по таким острым международным вопросам, как война в Ираке, но и без того было ясно, что он возлагает ответственность за это на имперскую позицию США. Отставка Шредера после парламентских выборов в сентябре 2005 г. укрепила надежды как в США, так и среди германских атлантистов на то, что ФРГ сможет возглавить процесс дисциплинирования блока. Однако создание коалиционного правительства ХДС/ХСС и СДПГ не означало

кардинальной смены германских внешнеполитических ориентиров.

Новый канцлер Ангела Меркель (ХДС) вынуждена учитывать настроения общества ФРГ, которое категорически отвергает участие в любых “крестовых походах”*.

Конечно, она не хочет раздражать Вашингтон, но делает все, чтобы не портить отношения с Францией и Россией. Раскланивается перед США, но не посылает бундесвер в Ирак. Заигрывает с НАТО, но не пытается представить ситуацию в ней как нормальную. Стремится выступать в роли покровителя по отношению к странам, недавно принятым в альянс, но одновременно не сдает политические и экономические интересы Германии.

Немцы не простили бы ей утрату свободы внешнеполитического маневра, которой добился для них Шредер.

ФРГ, оставаясь экономическим гигантом, не готова вернуться к роли политического карлика.

В феврале 2006 г. на Мюнхенской международной конференции по проблемам безопасности Меркель, не называя США по имени, призвала вернуть НАТО роль “первого и важнейшего дискуссионного форума Запада по стратегическим и политическим вопросам”. Лишь в том случае, если в рамках НАТО не удастся найти приемлемого для всех решения, члены альянса могли бы принимать шаги по собственному усмотрению. Если не считать примирительного тона заявления Меркель, оно в основном соответствовало линии, сформулированной за год до этого Шредером. То же можно сказать и о ее предложении выработать к 2008 или 2009 г. новую стратегическую доктрину НАТО, поскольку дей-

* Показательна негативная реакция германского общественного мнения на сравнение Ирана с гитлеровской Германией, допущенное Меркель в одной из своих речей.

ствующая доктрина 1999 г. уже не соответствует мировым реальностям.

Однако в речи Меркель было два момента, которые были явно рассчитаны на аплодисменты из Вашингтона:

Во-первых, она объявила о готовности ФРГ брать на себя больше ответственности при действиях НАТО за пределами зоны ответственности блока.

Во-вторых, она поддержала настояния американцев и вполне послушного им нынешнего генерального секретаря НАТО Яапа де Хооп Шеффера относительно создания "плотной сети партнерств" альянса по всему свету.

Меркель говорила о "поисках партнеров по безопасности в других регионах мира" для НАТО.

Это перекликается с декларациями министра обороны США Д.Рамсфелда о необходимости установления тесных связей альянса с такими "единомышленниками" за пределами Европы, как Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея и Япония, а также о том, что "НАТО, защищающая только территорию союза, — это НАТО прошлого".

Не исключено, что атлантические экстремисты собираются окружить "натовской стеной" Россию по всему периметру ее границ. Вот только у германской ответственности эти планы вызвали весьма скептическое отношение. Прежде всего ожидается, что у ФРГ, вынужденной принимать болезненные меры для сокращения дефицита своего государственного бюджета, просто не хватит денег на новые проекты.

Хотя альянс повел себя в "переходный период" после 1991 г. далеко не лучшим образом по отношению к России, НАТО в какой-то мере сохраняет роль стабилизатора обстановки в Европе и поэтому отвечает фундаментальной российской заинтересованности в мире и предсказуемости на европейском континенте. Очень важно, чтобы эта роль НАТО стала ее основной функцией и чтобы не повторялись более ситуации, когда сам блок превра-

щался в возмутителя спокойствия и разрушителя стабильности. Дальнейшее расширение альянса поставит под вопрос не только российско-натовские отношения, но и выживаемость Европы в целом.

К сожалению, влиятельные политические круги на Западе (не только в США) относятся к альянсу как к мчащемуся велосипедисту: он не падает, пока движется, но стоит ему остановиться, придется спешиться. Они опасаются, что НАТО может существовать лишь "при деле", то есть бесконечно расширяясь, поскольку только "марш на Восток" способен поддерживать на плаву русофобскую тенденцию, положенную альянсу в колыбель и до сих пор являющуюся его секретной душой.

На ноябрьской текущего года конференции НАТО в верхах (Рига) будет как раз обсуждаться вопрос, доколе будет продолжаться сумасшедшая гонка, расшатывающая ситуацию в огромном регионе земного шара.

Недавно президент России повторил, что нам конфронтация не нужна ни в каком виде. Однако Москве придется реагировать на вновь возникающие угрозы нашей безопасности и реагировать жестко. Но в результате расширения НАТО Россия уже приперта к стенке, и оставить без внимания дальнейшее продвижение альянса к ее незащищенным границам она не сможет. Если же удастся уберечь прочность антитеррористической коалиции (иного пути к выживанию у мира просто нет), то перспектива душевной гармонии между Россией и НАТО не представляется такой уж фантастической.

Новый момент привносят создаваемые Силы быстрого реагирования Евросоюза, нацеленные на то, чтобы действовать параллельно с аналогичными силами НАТО. Страны так называемо-

го “европейского ядра” настойчиво ведут дело к тому, чтобы ЕС обзавелся собственной дубинкой. Таким образом, у Евросоюза появляется свой ориентир, подразумевающий самостоятельное решение задач в области поддержания мира, а не только заполнение брешей, остающихся после односторонних действий вооруженных сил США.

Продвижение в этом направлении может облегчить на определенном этапе подключение к миротворческим операциям (прежде всего Евросоюза или НАТО) также российских воинских частей. Действовавший до недавнего времени порядок подчинения российских миротворческих формирований командованию НАТО, как это было в бывшей Югославии, себя не оправдал и более использоваться не будет. Принципы, положенные в основу работы “двадцатки”, должны применяться и к организации отдельных проводимых совместно операций.

Характеризуя перспективы дальнейшей интеграции континента, Франсуа Миттеран сказал однажды, что “Европа возвращается к своей истории и географии, как возвращаются к себе домой”. Действительно, Европа стоит на пороге возвращения себе глобальной роли, которую она играла на протяжении столетий и из которой она дала себя шаг за шагом вытеснить на протяжении XX в. Именно ей, пере-

жившей на своем веку столько войн и катастроф, принадлежит приоритет создания международных механизмов поддержания мира на основе стабильности и равновесия.

После наполеоновских войн начала XIX в., которые были по существу предвестниками мировых войн, ведущие государства Европы выработали альтернативу бесконечному кровопролитию, реализовав концепцию “концерта держав”.

Целое столетие, вплоть до 1914 г., эта концепция общеевропейского взаимодействия уберегала континент от всеохватывающих катастроф.

Позже она приобрела глобальный характер и была положена в основу функционирования Лиги Наций, а затем ООН.

Идея порядка, основанного на коллективном предотвращении войн, и сегодня близка европейцам, не испытывающим особого доверия к кандидатам в глобальные или региональные верховные правители.

Находящаяся в процессе формирования Большая Европа станет в будущем надежной опорой ООН как центра согласования интересов всего человечества.

Но движение в правильном направлении продолжает нуждаться в усилиях всех государств, осознавших неразрывную связь между своими и всеобщими интересами. Предостережением должен служить опыт ОБСЕ, которая когда-то была носителем надежд на общеевропейское объединение, но превратилась с течением времени в его тормоз и даже деструктивный фактор.

Преждевременно было бы считать, что построение справедливой и прочной организации европейского мира обеспечено. Для достижения этой цели потребуется еще много энергии и целеустремленности.

Но цель эта достижима.

Картина современного мира стремительно меняется, и новые соратники могут появиться сегодня там, где вчера не на чем было глазу остановиться.

Неисправимые оптимисты считают возможным, что в один прекрасный день НАТО откажется от антироссийских компонентов своей стратегии и военного пла-

нирования и вступит на путь равноправного сотрудничества со всеми, кто намерен совершенствовать существующий миропорядок, а не ломать его через колено с риском потерять все. Если этот прогноз сбудется, то альянс, естественно, станет нашим лучшим другом, лучшим другом ОДКБ. Однако само собой такие вещи не делаются.

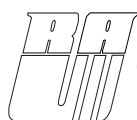
Россия не имеет права на пассивность в находящемся на распутье мире.
Подарков ждать не приходится.

Примечания

¹ Rice C. Multipolarität ist nicht die Antwort // Die Welt. 4.07.2003.

² Ritterbusch K. Minister üben nicht // Die Welt. 9.10.2003.

³ Münkler H. Wie Imperien funktionieren. Die Handlungslogik der USA und das Erstaunen ihrer früheren Bewunderer // Kulturchronik. 2003. N. 2. S. 20–22.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2006 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России», состоящая из двух CD-дисков:
«Хроника» (1985–2006 гг.) и «Лица» (биографические сведения о 30 тыс. персоналий, представляющих политическую, научную, культурную и деловую элиту страны);
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Морской Шпицберген

Александр Вылегжанин,
доктор юридических наук, профессор,
Вячеслав Зиланов,
профессор

Морские пространства вокруг Шпицбергена и природные ресурсы в них, особенно морские (рыба, ракообразные и др.) и углеводородные, стали приоритетным объектом политики Норвегии, России и других государств.

Против притязаний Норвегии на эти ресурсы в нарушение Договора о Шпицбергене 1920 г. известно мнение России, Исландии и Испании. Но позиция официальных лиц из МИД Норвегии остается “задиристой”: 200-мильные морские пространства вокруг Шпицбергена – норвежские, а о неудобных положениях Договора 1920 г. лучше не вспоминать.

Как все-таки обстоит дело с точки зрения международного права? Ответ на этот вопрос дают по просьбе редакции профессор МГИМО(У), доктор юридических наук А.Н.Вылегжанин и вице-президент ВАРПЭ*, почетный доктор МГТУ**, профессор Зиланов В.К., книга которых о правовом режиме прилегающих морских районов Шпицбергена издана Президиумом РАН¹.

Редакция

До 1920 г. правопритязания Норвегии на архипелаг Шпицберген имели сомнительную основу.

По Соглашению с Россией 1872 г. Швеция-Норвегия (государственная уния) отказалась от притязаний на суверенитет над архипелагом.

Шпицберген в силу международного обычая, а с 1872 г. – в силу международного договора, был территорией общего пользования. При этом особые исторически сложившиеся права России на архипелаг Шпицберген подтверждены Соглашением между Россией и Швецией-Норвегией 1872 г.

Договор 1920 г., заключенный в условиях экономического и военного ослабления России, вопреки веками соблюдавшемуся многими государствами статусу Шпицбергена как территории, не находящейся под суверенитетом, предусмотрел суверенитет Норвегии над архипелагом на ограничительных условиях. Вместе с тем, с учетом признаваемых исторических прав Московского княжества, а затем Российской империей на архипелаг, Советская Россия, не участвовавшая в Парижской конференции, получила по Договору 1920 г. те же права, что и под-

* ВАРПЭ – Всероссийская ассоциация рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров.

** МГТУ – Мурманский государственный технический университет.

писавшие его государства-участники конференции.

Главным ограничением суверенитета Норвегии по Договору о Шпицбергене 1920 г. являются предусмотренные им положения об *абсолютно одинаковых правах* граждан Норвегии, России, других государств-участников на занятие *всякими хозяйственными операциями* в “местностях” Шпицбергена и в их “территориальных водах”, включая *одинаковые права* на рыболовство, охоту, горные промыслы и т.д.

Поэтому существенные ограничения суверенитета Норвегии делают невозможным уравнивание “территориальных вод местностей” Шпицбергена и института “территориального моря прибрежного государства”.

Ни Норвегия, ни другое государство-участник Парижского договора не имеют своего территориального моря вокруг Шпицбергена.

Эти ключевые положения Договора не могут быть изменены национальным законом Норвегии, применимым в силу суверенитета к Шпицбергену, даже Горным уставом Шпицбергена*. В случае противоречия горного устава Договору о Шпицбергене применяются положения Договора.

В настоящее время иногда смешивают понятие “*территориальные воды Шпицбергена*” (вокруг архипелага) с понятием “*территориальное море Норвегии*” (у ее материкового побережья). В таком смешении Норвегия заинтересована.

Статус “территориальных вод местностей” Договором о Шпицбергене определен лишь в главных чертах:

* Горным уставом регулируются отношения, связанные с всякими горными промыслами, в том числе нефтегазовыми, не только в недрах сухопутных местностей архипелага, но и в недрах дна территориальных вод Шпицбергена.

– в них Норвегия не осуществляет суверенитета над природными ресурсами. При этом все государства-участники Договора о Шпицбергене имеют одинаковые права на природные ресурсы территориальных вод Шпицбергена;

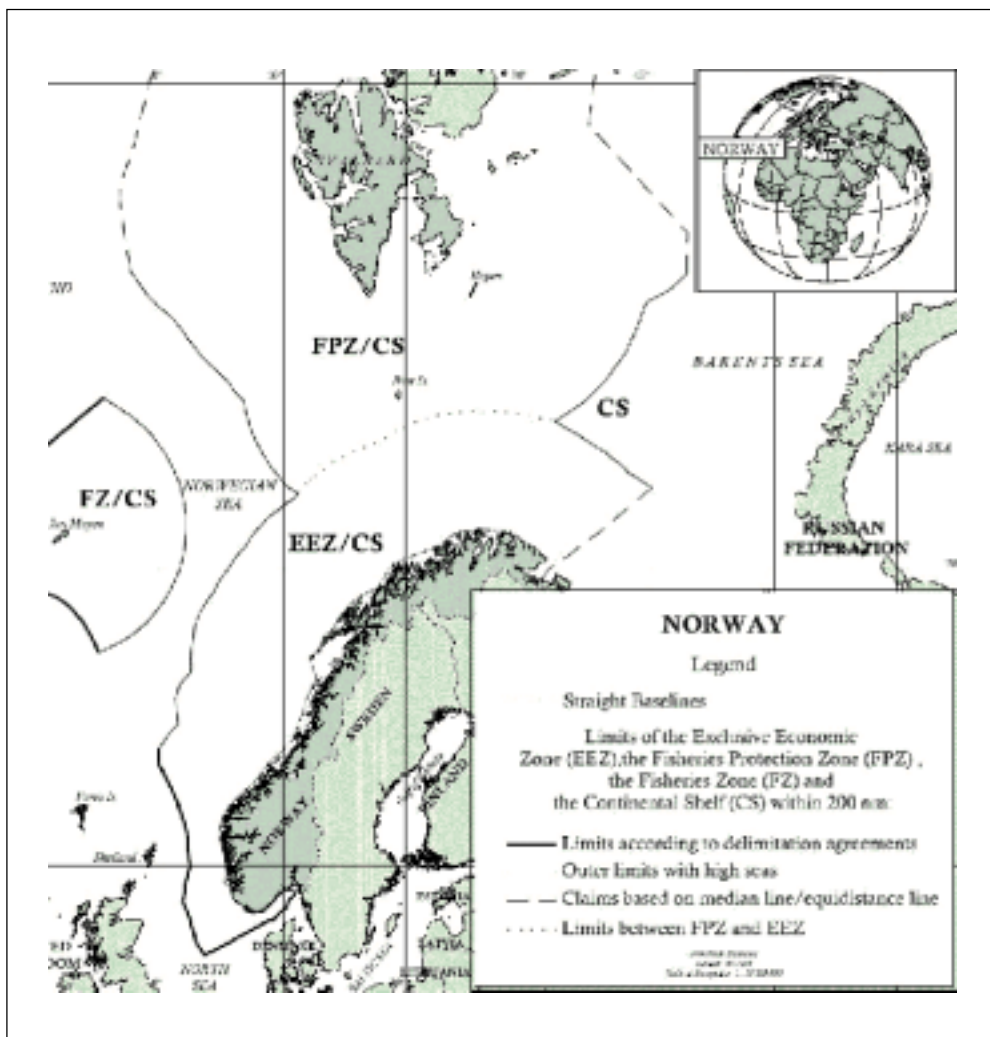
– Норвегия не может установить в территориальных водах Шпицбергена право мирного прохода. При этом напротив, все государства-участники вправе беспрепятственно осуществлять здесь плавание, стоянку и т.д.

Существенное отличие территориальных вод Шпицбергена от территориального моря Норвегии проявляется и в том, что Норвегия не вправе запретить или препятствовать научным исследованиям здесь.

Таким образом, многими из тех прав, которыми прибрежное государство обладает в территориальном море, Норвегия не обладает в “территориальных водах местностей”, согласно Договору о Шпицбергене 1920 г. Кроме этого Договора, нет другого источника международного права, на котором бы основывались права Норвегии в “территориальных водах местностей” Шпицбергена. В случае денонсации государствами-участниками Договора Норвегия лишается прав на Шпицберген.

3 июня 1977 г. Норвегия объявила в **одностороннем порядке** в морском районе вокруг Шпицбергена 200-мильную рыбоохранную зону (рис. 1). Советское правительство 15 июня 1977 г. ответило Норвегии нотой протеста.

В ноте, в частности, указано, что в решении Норвегии об установлении 200-мильной рыбоохранной зоны вок-

Условные обозначения:

Границы исключительных экономических зон (EEZ), Зоны охранного рыболовства (FPZ), рыболовных зон (FZ) и Континентального шельфа (CS) в пределах 200 морских миль.

— Границы в соответствии с соглашениями о разграничении (делимитации).

— Внешние границы открытого моря.

— Претензии, основанные на средней линии (равноудаленной линии).

■ ■ ■ Границы между зоной охранного рыболовства (FPZ) и исключительной экономической зоной (EEZ).

Рис. 1. Правопризнания Норвегии на морские районы

руг Шпицбергена обращает на себя внимание его “явное несоответствие обязательствам, принятым на себя Норвегией по Договору о Шпицбергене 1920 г.

Решение принято норвежским правительством в одностороннем порядке и основывается на внутреннем законодательстве Норвегии, хотя касается особого района, который подпадает под действие упомянутого Договора”.

В ноте протеста указано и на фактор традиционности*: “Планируемые Норвегией меры по ограничению рыболовства вокруг Шпицбергена непосредственно затронули бы права и интересы Советского Союза, который наряду с Норвегией традиционно занимается рыболовным промыслом в водах архипелага”.

Подчеркнем: в ноте говорится о “водах архипелага” Шпицберген, а не о водах Норвегии. И эта позиция полностью соответствует Договору о Шпицбергене. Реальная же международно-правовая картина морских пространств вокруг Шпицбергена отражена на рис. 2.

Одновременно с нотой протеста были даны указания Минрыбхозом СССР всем судовладельцам осуществлять промысел в данном районе, руководствуясь международными правилами и законодательством СССР. При этом принимать на борт норвежских инспекторов, разрешать им проводить инспекцию, касающуюся рыболовства, но никаких актов не подписывать, а в случае их передачи оповещать об этом в Минрыбхоз СССР. Разрешалась также разгрузка рыболовных судов в территориальных водах островов Шпиц-

берген, Медвежий, Надежда и других без оповещения норвежских властей.

Этим порядкам руководствуются российские суда, осуществляющие промысел в Баренцевом море и в настоящее время с некоторыми коррективами. Норвегия же для закрепления и расширения своего суверенитета в районе Договора о Шпицбергене приняла ряд национальных нормативных актов, которые обязывают иностранные суда подавать информацию о работе в районе, ежедневно сообщать о местонахождении судна и вылове, предполагаемых местах выгрузки в территориальных водах и т.д. Суда России эти предписания чаще не выполняют, руководствуясь прежними инструкциями Минрыбхоза СССР, что и приводит к конфликтам. Один из которых известен – попытка ареста траулера “Электрон”.

Таким образом, Договор о Шпицбергене 1920 г. не предоставляет оснований для:

- установления Норвегией *территориального моря Норвегии* вокруг Шпицбергена;

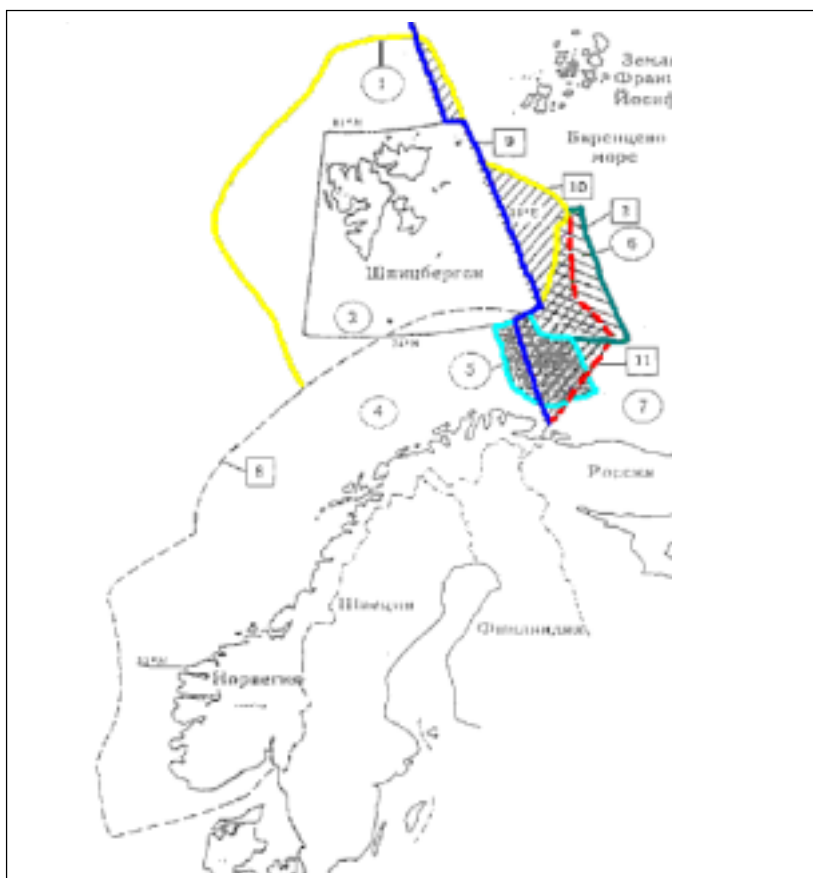
- установления Норвегией *200-мильной исключительной экономической (рыболовной, рыбоохранной и т.п.) зоны Норвегии* вокруг Шпицбергена;

- установления Норвегией *континентального шельфа Норвегии* вокруг Шпицбергена.

Следовательно установление национальным законом Норвегии вокруг Шпицбергена любой такой морской зоны противоречит Договору о Шпицбергене.

Вместе с тем, государства-участники Договора вправе принять согласованное решение об установлении лю-

* Фактор традиционности юридически учитывается при распределении квот на основании большинства международных соглашений в области рыболовства.

Условные обозначения:

- 1 – граница объявленной Норвегией в 1977 г. 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена;
- 2 – район действия Договора о Шпицбергене (1920 г.);
- 3 – граница 200-мильной исключительной экономической зоны России;
- 4 – 200-мильная исключительная экономическая зона Норвегии;
- 5 – смежный участок рыболовства (Россия – Норвегия);
- 6 – анклав открытого моря в пределах арктического сектора России;
- 7 – 200-мильная исключительная экономическая зона России;
- 8 – граница 200-мильной исключительной экономической зоны Норвегии;
- 9 – граница полярных владений России (Постановление Президиума ЦИК СССР 1926 г.);
- 10 – восточная граница заявленной Норвегией 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена;
- 11 – предложенная Норвегией равноотстоящая разграничительная линия между исключительными экономическими зонами и континентальными шельфами России и Норвегии.

Рис. 2. Общая схема заявленных морских границ в районах, прилегающих к Шпицбергену

бой из таких зон и определить ее правовой режим:

- сходный с режимом *территориальных вод Шпицбергена*;
- иной режим.

Но если Россия, Исландия, другие непосредственно заинтересованные участники Договора молчаливо согласятся с распространением Норвегии прав на “территориальное море Норвегии” вокруг Шпицбергена, впоследствии это создаст обычную норму международного права.

Договором о Шпицбергене установлены только одни *морские границы*, именно, границы района его действия. Норвегия не вправе изменить эти границы. Согласно современному международному праву, делимитация любых морских границ может осуществляться с согласия заинтересованных государств, а односторонняя делимитация морских границ противоправна. С этих позиций Декрет Норвегии об установлении вокруг Шпицбергена границ 200-мильной рыбоохранной зоны также противоречит международному морскому праву.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что предпринимаемые Норвегией недискриминационные меры по защите окружающей среды, как в “местностях” Шпицбергена, так и в морских районах, примыкающих к ним (то есть по защите морской среды), соответствуют международному праву постольку, поскольку они одинаково применимы к норвежцам и гражданам других государств-участников Парижского договора. Однако не корректно смешение Норвегией норм права о за-

щите морской среды с нормами права об управлении морскими природными ресурсами.

Не только географические, экономические и биологические (общность биоресурсов) реальности побуждают Норвегию и Россию – двух соседних баренцевоморских государств – к сотрудничеству. Норвегия объективно нуждается в *подкреплении принятых национальных мер* по сохранению морских живых ресурсов и управлению ими у берегов Шпицбергена *международными договорными нормами*. Но поскольку Парижский договор 1920 г. содержит императивные положения об одинаковом доступе к рыболовству, горным разработкам, “всяким” операциям*, то Норвегия идет на создание, в противовес “неудобным” положениям Парижского договора, двусторонней (с СССР/Россией) договорно-правовой базы, применимой к деятельности в морских пространствах вокруг Шпицбергена. Разрушение сложившейся таким образом двусторонней договорно-правовой базы не отвечает интересам двух прибрежных к Баренцеву морю государств – России и Норвегии. Вместе с тем, России не всегда выгодно поступаться своими историческими правами на Шпицберген для сохранения этой базы.

Ссылки на двусторонние договоры между СССР/Россией и Норвегией как основание для отступления от “устаревших” положений Договора о Шпицбергене юридически не корректны. Сохранение правопорядка, предусмотренного Договором о Шпицбергене, не противоречит развитию российско-норвежского двустороннего сотрудни-

* Эти положения могут сыграть роковую для Норвегии роль в случае разбирательства в Международном Суде ООН, например, ее спора с Россией, Исландией, Испанией и т.д.

чества для рационального, отвечающего современности управления морскими природными ресурсами.

И Норвегия, и другое государство-участник могут поставить вопрос о применении к Договору о Шпицбергене 1920 г. клаузулы о неизменности обстоятельств (ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров), посчитав, например, что последствия возникновения в международном праве институтов континентального шельфа и исключительной экономической зоны “коренным образом изменяют сферу действия обязательств” по Договору 1920 г. Но маловероятно, что большинство участников Договора 1920 г. или международный судебный орган согласится с такой постановкой вопроса. Кроме того, надо учитывать, что созыв новой международной конференции по Шпицбергену не отвечает интересам Норвегии.

Норвегия может со временем распространить свою исключительную юрисдикцию на 200-мильную зону вокруг Шпицбергена и на ее дно и недра только на основе согласия других заинтересованных государств – первоначальных участников Договора 1920 г., прежде всего России.

Это согласие может быть и молчаливым (не обязательно явно выраженным). В случае же противодействия норвежской экспансии на морские пространства Шпицбергена со стороны этих государств Норвегии придется, в конце концов, воздержаться от исполнения декрета о 200-мильной зоне вокруг Шпицбергена.

Надежды Норвегии добиться согласия России с расширением действия суверенитета и суверенных прав Норвегии на 200-мильные морские пространства вокруг Шпицбергена в значительной степени обусловлены отсутствием у США, Великобритании, Франции, других держав-участниц Договора 1920 г. не только правопритязаний на эти морские пространства, но и существенных экономических мотиваций препятствовать такому расширению.

Вместе с тем, такое согласие чревато нарушением сложившегося баланса интересов наиболее заинтересованных государств, прежде всего России, за которой – интересы не только отдельных рыболовецких компаний, рыбной промышленности в целом, градо- и поселкообразующих рыболовецких хозяйств. За этим – стратегические интересы российского топливно-энергетического комплекса. Незамеченным такое нарушение не будет – и в России, и в других государствах.

Велик для отдельных политиков Норвегии соблазн воспользоваться внутренними проблемами российского государства*. Но российские внутренние проблемы – не повод для того, чтобы вопреки международному праву жестко обеспечивать выполнение норвежского законодательства о 200-мильной зоне вокруг Шпицбергена. Применение Норвегией военных кораблей против невоенных рыболовных и транспортных судов России и других государств-участников Договора, в конечном счете, может привести к ответным

* Например, ухудшением с 1991 г. экономического положения значительной части населения России из-за “дикой” приватизации, быстрым расслоением экономически однородного советского общества на сверхбогатых и бедных россиян, рецепции на уровне общественного правосознания слов П.Пестеля об эгоизме богатей, эмиграции некоторых способных российских специалистов на Запад, в том числе в Норвегию.

мерам России и других государств, согласно международному праву.

Более того, такая линия поведения Норвегии усилит и в России позиции “жестких” политиков; вряд ли в этом случае ответные меры ограничатся лишь возвращением к правовому поло-

жению, существовавшему до введения Норвегией в 1977 г. 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена. Скорее всего, эти меры могут быть нацелены на возврат к Соглашению 1872 г. и к установлению суверенитета России над о. Медвежий.

Итак, в качестве оптимального просматривается путь добросовестного исполнения Норвегией положений Договора 1920 г., а также прагматических договоренностей заинтересованных государств, прежде всего России и Норвегии, по управлению природными ресурсами в морских районах, прилегающих к Шпицбергену.

В рамках этого подхода приоритетными мерами видятся:

- уважение морских границ, обозначенных Договором о Шпицбергене 1920 г. Воздержание от установления каких-либо иных морских границ, Договором не предусмотренных;

- уважение международно-согласованных правил управления морскими природными ресурсами в морских районах, прилегающих к Шпицбергену и по всему Баренцевому морю; использование этого опыта для разработки международно-согласованных правил управления минеральными ресурсами в этих районах;

- выработка пилотной схемы обеспечения выполнения этих правил;
- создание для пилотного содействия такой схеме российско-норвежского Центра мониторинга живых ресурсов и контроля за рыболовством, а также – международного арбитражного суда (с участием арбитров Норвегии, России, других заинтересованных государств) по спорам, связанным со всякой хозяйственной деятельностью в морских районах вокруг Шпицбергена;

- мораторий на принятие Норвегией и Россией национальных законодательных актов по регулированию традиционного рыболовства в морских районах за пределами территориальных вод Шпицбергена, а также по выдаче лицензий (разрешений) юридическим лицам на добычу углеводородов в районе действия Договора о Шпицбергене, до выработки согласованных правил управления морскими природными ресурсами в этом районе.

Примечание

¹ *Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К.* Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. М.: СОПС, 2006.

Международно-правовой статус ЭЭС СНГ*

Светлана Новикова

Новейшая договорная практика показывает, что государства закрепляют принцип сотрудничества как правовой регулятор своих отношений на разных уровнях системы международного права через универсальные или локальные нормы. При этом важное значение приобретает международно-правовое сотрудничество государств на уровне региональных межгосударственных объединений, в которых географическая близость дополняется сходством экономических, культурных и иных факторов.

Доказательством этого служат образование в сфере электроэнергетики большого числа международных органов и организаций, деятельность которых в основном ведется на региональном и локальном уровнях**.

После распада СССР и образования на его территории 15 независимых государств была разрушена привычная хозяйственно-правовая электроэнергетическая система, поэтому возникла необходимость в довольно сжатые сроки конституировать новые принципы сотрудничества между государствами. Оставшийся в наследство государствам СНГ уникальный электроэнергетический комплекс, основанный на крупных, территориально распределенных, взаимосвязанных и взаимовлияющих, протяженных электроэнергетических системах, являющийся базой экономики отдельных государств и регионов, требует унифицированного правового регулирования для установления общих принципов и методов ее работы.

В течение 1992–1993 гг. бывшие республики СССР предпринимали ряд усилий для правового закрепления электроэнергетического сотрудничества. Но разрозненные соглашения по отдельным участкам сотрудничества оказались недостаточно действенными, хотя многие из них оказались жизнеспособными. И все-таки совершенно

необходимо правовое упорядочение всей деятельности в данной сфере.

Только после создания Электроэнергетического Совета СНГ (ЭЭС СНГ) удалось заложить правовую основу и внести организующее начало в электроэнергетическое сотрудничество.

Государства Содружества возложили на ЭЭС СНГ осуществление совме-

* ЭЭС СНГ – Электроэнергетический Совет Содружества Независимых Государств.

** Международный Комитет по сотрудничеству электроэнергетических компаний, организаций и энергообъединений региона Балтийского моря (*BALTREL*); Энергообъединение Северных стран Европы (*Nordel*); Всемирный энергетический совет (*WEC*); Международное энергетическое агентство (*IEA*); Союз по координации производства и транспортировке электричества (*UCTE*); Союз производителей электричества (*EURELECTRIC*) и др.

стных и скоординированных действий, обеспечивающих функционирование и развитие Единой энергетической системы в интересах каждого государства.

Для того чтобы понять правовую природу созданного государствами СНГ координатора межгосударственных отношений в области электроэнергетики – ЭЭС СНГ, необходимо обратиться к определению международной межправительственной организации, которое дает международное право, а именно – добровольное объединение суверенных государств или международных организаций, созданное на основе межгосударственного договора или резолюции международной организации общей компетенции для координации деятельности государств в конкретной области сотрудничества, имеющее соответствующую систему главных и вспомогательных органов, обладающее автономной волей, отличной от воли ее членов¹.

Иными словами международная организация признается таковой, если обладает, по крайней мере, следующими шестью признаками.

Первым признаком является соответствие организации международному праву, что имеет решающее значение, поскольку любая международная организация должна быть создана на правомерной основе.

Учредительный документ организации должен соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права (*jus cogens*).

В ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (21 марта 1986 г.) указывается, что договор является недействительным, если в момент заключе-

ния он противоречит императивной норме общего международного права, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

Вторым признаком международной организации является **наличие учредительных документов**, которые играют основополагающую роль не только при ее создании, но и для всей ее деятельности в целом.

Исследователи справедливо называют учредительные документы “базой функционирования” международной организации, “юридической основой существования и деятельности международной организации”.

Наличие учредительного акта “определяет юридическую природу международной организации”.

Учредительным документом международной организации является международно-правовой акт. Как правило, таким актом является международный договор, по выражению И. П. Блищенко “наиболее удобный и эффективный инструмент международно-правового регулирования”². Поскольку международные организации создаются волей субъектов международного права, именно международный договор устанавливает обязательства и правила, осуществление которых приводит к созданию международной организации и определяет ее последующую деятельность.

Порядок и правила заключения международных договоров, являющихся учредительными актами международных организаций, регулируются Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., (ст. 5 конвенции). Аналогичная

норма содержится и в ст. 5 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (1986 г.).

ЭЭС СНГ был создан 14 февраля 1992 г. на основе международного договора “Соглашение о координации межгосударственных отношений в области электроэнергетики СНГ” (“Соглашение о координации”), которое было подписано главами правительств 11 государств, входящих в СНГ.

Заключение договоров осуществляется от имени государства его соответствующими органами. При отсутствии органов, способных представлять страну в международных отношениях, брать и осуществлять от имени государства международные обязательства и реализовывать международную правосубъектность невозможно. В настоящее время при решении вопроса о праве того или иного органа представлять государство при заключении договора определяющее значение имеет международное право. С международно-правовой точки зрения не имеет значения, заключен договор главой государства или правительством². И в том, и в другом случае договаривающейся стороной является государство, а не его орган. И в том, и в другом случае договор обладает равной юридической силой, хотя политическое значение может быть разным. При заключении договора государства должны быть представлены органами равного уровня. Известны сравнительно редкие исключения из этого правила, которые объясняются чрезвычайными условиями.

Ст. 7 Венской конвенции (1969 г.) указывает, что к кругу лиц, которые в силу их функций считаются представляющими государство без необходимости предъявления полномочий, относятся главы государств,

главы правительств и министры иностранных дел – в целях совершения всех актов, относящихся к заключению договора.

Из этого следует, что круг лиц, подписавших “Соглашение о координации” считаются представляющими государства и соответствует положениям Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.).

Что касается названия “Соглашения о координации”, то в международном праве издавна считается, что договоры могут иметь различное наименование и это не влияет на их юридическую природу.

Это закреплено в ст. 2 и 5 Венской конвенции (1969 г.), согласно которым договор является таковым “независимо от его конкретного наименования”.

Использование тех или иных наименований определяется сложившейся практикой, в частности региональной. Занимавшиеся этим вопросом юристы констатируют, что терминология, используемая для обозначения договорных актов, является путаной, зачастую противоречивой, ненаучной и к тому же непрерывно меняющейся.

Структура “Соглашения о координации” в определенном смысле может быть отнесена к одной из моделей учредительных документов международной организации, которая ограничивается лишь формулировками общих целей организации и условиями членства, а также учреждением главного рабочего органа и установлением процедуры принятия решений этим органом. “Соглашение о координации” весьма обобщенно описывает цели, органы управления, организацию работы, рабочий орган и его функции, финансирование деятельности. Это обусловило принятие в 1998 г. Положения об ЭЭС СНГ и утверждение в 2000 г. Регламента, которые необходимо рассматривать как документы, конкретизирующие само “Соглашение о координации”.

Таким образом, можно сделать вывод, что “Соглашение о координации” не противоречит правилам Венской конвенции (1969 г.), соответствует сложившейся практике регионального интеграционного объединения и представляет собой учредительный акт.

Третьим признаком международной организации является **осуществление сотрудничества в конкретной области деятельности.**

Международные организации создаются государствами для выполнения определенных целей и задач. Цели организации определяют ее правомерность, компетенцию и в целом характер ее внутриорганизационного механизма. “Наличие общих целей и интересов государств-членов определяют правовую природу международной организации. Для правовой природы международной организации существенным является то, что ее цели и принципы имеют договорную основу³.

Цель создания ЭЭС СНГ указана в ст. 1 “Соглашения о координации” и сформулирована следующим образом: “Электроэнергетический Совет СНГ образован с целью проведения совместных и скоординированных действий, направленных на обеспечение устойчивого и надежного энергоснабжения народного хозяйства и населения государств на основе эффективного функционирования объединенных энергетических систем”.

В Положении об ЭЭС СНГ говорится, что к задачам Совета относятся выработка предложений о принципах и направлениях интеграции государств СНГ в области электроэнергетики, разработка предложений по экономическим и правовым условиям совместной работы объединенных энергосистем, создание общего рынка электрической энергии и мощности, оборудования, топлива, капитала и инноваций в области электроэнергетики, формирование общего информационного пространства.

Анализ “Соглашения о координации” и Положения об ЭЭС СНГ позволяет сделать вывод о том, что Совет выполняет координирующие, информационные и другие вспомогательные функции для содействия государствам-членам в осуществлении международного сотрудничества в сфере электроэнергетики.

Четвертым признаком международной организации является **постоянный характер организации**, что отличает ее от многочисленных других форм международного сотрудничества в рассматриваемой области и проявляется во внутренней структуре и компетенции органов международной организации, которые определяют её функционирование. Права, каковыми наделяются, в соответствии с учредительным документом международной организации, её органы – это проявление компетенции самой организации в целом.

Организационная структура ЭЭС СНГ как система постоянных органов, составляющих механизм сотрудничества государств в рамках данной международной организации, изложена в “Соглашении о координации”, а внутренний распорядок деятельности таких органов – в документах, входящих в основные документы ЭЭС СНГ: Положение об ЭЭС СНГ и Регламент.

Организационная структура ЭЭС СНГ, включая названия органов и их компетенцию, сходна с системой органов управления многих органов отраслевого сотрудничества в рамках СНГ.

Во всех этих организациях высшим органом является отраслевой Совет, решающий самые важные стратегические вопросы деятельности организации. Другим главным органом является Исполнительный Комитет (действует на основании Устава), в компетенцию которого входит наблюдение за текущей работой, а также принятие ре-

шений, делегированных ему Советом; исполнительный орган (единоличный), который именуется соответственно президентом и руководит текущей работой организации.

Структура органов управления ЭЭС СНГ полностью соответствует целям и задачам ЭЭС СНГ, способствует объединению усилий государств в решении проблем, связанных с практическим использованием электрической энергии, стимулирует развитие экономического и научно-технического сотрудничества государств в этой области.

Пятым признаком международной организации является **наличие у нее определенных прав и обязанностей**, которые производны от прав и обязанностей государств-членов. Именно от сторон зависит, что данная организация обладает именно таким (а не иным) комплексом прав, что на нее возложено выполнение данных обязанностей¹.

Права и обязанности любой организации в общей форме закрепляются в ее учредительном акте и имплементируются в соответствующие документы этой организации.

В Положении об ЭЭС СНГ указывается, что для выполнения своих задач и функций Электроэнергетический Совет имеет право:

- запрашивать у соответствующих органов государств-участников Содружества информацию, необходимую для выполнения своих функций;

- согласовывать документы методического и методологического характера, разрабатывать и утверждать проекты рекомендательных документов;

- вносить в установленном порядке на рассмотрение Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ, других органов Содружества проекты документов, подготовленные Советом;

- при необходимости создавать рабочие группы и комиссии, действующие в со-

ответствии с Положением о рабочих группах, создаваемых Советом, консультативные группы, экспертные советы, другие рабочие органы и структуры Совета, а также избирать специальных представителей, уполномоченных представлять интересы Совета по основным направлениям его деятельности.

Шестой признак международной организации проявляется через **обладание автономией воли, отличной от воли государств-членов**, то есть в пределах своей компетенции она вправе самостоятельно избирать средства и способы выполнения прав и обязанностей, возложенных на нее государствами.

Ряд исследователей отмечает, что компетенция международной организации – это элемент, позволяющий провести анализ соотношения функций международной организации и ее полномочий.

Полномочия, в свою очередь, дублируются с функциями международной организации, поскольку осуществление функций объективно требует наделения международных организаций соответствующими полномочиями.

Лишь при сопоставлении указанных трех элементов можно определить дефиниции и составить четкую структуру соотношений. Это тем более важно, что в научной литературе... термины полномочия и компетенция зачастую употребляются как синонимы.

Помимо понятий “функции”, “полномочия”, “компетенция” С.А.Войтович вводит понятия “договорная правоспособность” и “договорная компетенция”.

По его мнению, договорной правоспособностью является санкционированная правом способность субъекта заключать международные договоры, то есть элемент международной правоспособности субъекта. В таком случае договорной компетенцией считается правомочие международной организа-

ции заключать договоры определенного вида с определенным кругом лиц⁴.

При этом С. А. Войтович подчеркивает следующее: "Как следует из содержания преамбулы и ст. 6 Венской конвенции 1986 г., договорная правоспособность международных организаций имеет ограниченный функциональный характер по сравнению с универсальной договорной правоспособностью государств"⁴.

С.А. Малинин уточняет, что "международные организации действуют в рамках той компетенции, которая установлена для них государствами. Последние, добровольно наделяют организацию определенными правомочиями"⁵.

Таким образом, в компетенции международной организации можно выделить две составляющие: предмет деятельности организации и право международной организации заключать договоры определенного вида.

Предметная компетенция организации может быть не только непосредственно предусмотрена в учредительном акте, но и подразумеваться, исходя из положений данного акта. В юридической литературе это определяется как "подразумеваемая компетенция".

В "Соглашении о координации" предусматривается, что ЭЭС СНГ оказывает участникам Соглашения содействие и помощь в организации межгосударственных поставок материально-технических ресурсов, энергооборудования, запасных частей, средств защиты, приспособлений, строительных конструкций для эксплуатационных и ремонтных потребностей действующих энергетических объектов и строительства новых энергоисточников.

В Положении об ЭЭС СНГ (в редакции 2005 г.) указывается, что ЭЭС СНГ сотрудничает с межгосударственными (межправительственными) органами Содружества, международными и национальными организациями, хозяйствующими субъектами и иными энергообъединениями; развивает международные связи в интересах государств-участников Содружества и участву-

ет в работе международных энергетических организаций.

В этих документах прямо не закреплена возможность заключения ЭЭС СНГ соглашений с соответствующими государствами и организациями, но можно с уверенностью полагать, что заключение таких соглашений является подразумеваемой компетенцией ЭЭС СНГ.

Компетенция международной организации, будучи юридической категорией, соотносится с понятием ее функций, которые, в свою очередь, дают представление о направлениях деятельности организации. Функции организации определяются ее целями и являются, наряду с компетенцией, одним из средств достижения этих целей.

Компетенция ЭЭС СНГ носит специальный, функциональный характер и направлена на выполнение организацией ее функций. Компетенция ЭЭС СНГ носит также целевой характер, поскольку позволяет осуществлять поставленные задачи. Необходимо также отметить ее договорный характер, так как она формулируется в нормах основных документов этой организации.

ЭЭС СНГ, стараясь учитывать меняющиеся реалии, устанавливая текущие приоритеты своей деятельности, в марте 2005 г. утвердил новую редакцию Положения об Электроэнергетическом Совете СНГ.

Задача изменения Положения возникла в связи с дальнейшим развитием интеграционных процессов в электроэнергетике государств Содружества. Это потребовало наделения ЭЭС СНГ дополнительными, не предусмотренными ранее Положением функциями, которые позволяют Совету регламентировать технические правила параллельной работы электроэнергетических систем государств-участников СНГ и координировать взаимодействия объединения электроэнергетических систем

стран СНГ с иными энергообъединениями.

Анализ основных документов об ЭЭС СНГ позволяет говорить о том, что Совет наделен такой компетенцией, которая в сфере электроэнергетики позволяет ему решать вопросы, связанные с развитием электроэнергетики, с обеспечением и развитием параллельной работы энергосистем, изучением экологических вопросов и с оказанием помощи во взаимных постав-

ках электроэнергии, с транзитом, с согласованием и формированием тарифов на электроэнергию.

По сути, компетенция ЭЭС СНГ включает в себя все вопросы, так или иначе связанные с отраслью электроэнергетики.

Документы, принимаемые и разрабатываемые Советом, носят консультативный или рекомендательный характер, регламентирующий характер в отношении технических правил параллельной работы электроэнергетических систем.

Таким образом, ЭЭС СНГ является международной межправительственной организацией, поскольку это добровольное объединение суверенных государств, созданное на основе международного договора для координации деятельности государств-членов СНГ в электроэнергетической области, имеющее соответствующую систему главных и вспомогательных органов, обладающее самостоятельными правами и обязанностями, отличными от прав и обязанностей ее членов.

За период, прошедший с момента создания ЭЭС СНГ, как межправительственного органа по отраслевому сотрудничеству государств СНГ, в политической, социальной и экономической жизни Договорившихся сторон произошли серьезные изменения, которые не могли не повлиять на основополагающие принципы Совета. Назрела необходимость совершенствования и повышения эффективности международного сотрудничества в области электроэнергетики государств СНГ. Возникла потребность провести ревизию соответствия практических процедур и порядка создания и деятельности международных организаций, созданных в реальных секторах экономики государствами СНГ, нормам и положениям теории международного публичного права, в частности, праву международных организаций.

Сегодня необходимо внести соответствующие изменения в “Соглашение о координации межгосударственных отношений в области электроэнергетики Содружества Независимых Государств” от 14 февраля 1992 г. и в Положение об ЭЭС СНГ по определению Совета как международной организации. Именно эта мера уберет противоречия в статусе ЭЭС СНГ, повысит его авторитет, ускорит интеграционный процесс в рамках СНГ, ослабит политическое влияние на международное сотрудничество в сфере энергетики и позволит ему развиваться на экономической основе.

Однако эти изменения должны носить естественный характер, поскольку они в полной мере зависят от доброй воли его участников, от готовности их к отказу от политических амбиций и переходу к “чистой” экономике.

Примечания

¹ Международное публичное право / Под ред. К.А. Бекяшева. М., 1999. С. 250, 252.

² Вопросы международного права: Международные организации / Под ред. И.П. Блищенко. М.: Издательство Института международных отношений, 1961. С. 54, 126.

³ Колосов Ю.М. Международное право. М., 1998. С. 175–176.

⁴ Войтович С.А. Договорная компетенция международных экономических организаций // Советский ежегодник международного права 1989–90–91. СПб., 1992. С. 189.

⁵ Малинин С.А. Мирное использование атомной энергии. Международно-правовые вопросы. М., 1971. С. 70.

Европейский путь Турции

Александр Задохин,

доктор политических наук, профессор

“Мы стремимся модернизировать нашу страну, все наши старания направлены на то, чтобы создать современную, то есть европейскую власть”

Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк),
первый президент Турецкой республики

Само положение Турции дает повод для исследования возможностей и пределов её влияния в качестве региональной державы и изучения того, как она выстраивает свои отношения с другими государствами, прежде всего с европейскими. Эта страна расположена на стыке трех мировых геополитических регионов – Европы, Ближнего и Среднего Востока и постсоветской Евразии и имеет территорию как в Азии, так и Европе.

Следует напомнить, что до последней четверти XIX в. западные границы Турции проходили через территории стран Центральной Европы. По размерам европейская часть территории Турции была вполне сопоставима с ее азиатской.

С XVII в. Турция является значимым актором европейских международных отношений, важнейшим элементом баланса сил, по крайней мере, на восточном направлении.

После потери большинства своих европейских территорий на Балканах Турция показала, что она не собирается уходить из Европы. Безусловно, речь шла не буквально о возвращении ее европейских территорий, а о сохранении своего присутствия на европейском геополитическом пространстве и не только с помощью внешней политики.

Ставшие в 1918 г. во главе Турецкой республики реформаторы-кемалисты предприняли попытку изменить социокультурный облик страны. С этого времени такие одного семантического ряда категории, как “европеизация” и “вестернизация” стали использоваться историками и политологами для характеристики стратегии развития Турции и особенностей турецкого национализма.

Кемалисты смогли не только сохранить единство государства в границах, определенных Лозанской международной конференцией, несмотря на противоречивость решений последней и ряд восстаний курдов, претендовавших на независимость, но и провести модернизацию общества и заложить те социокультурные основы своей стратегии, которые позволили, в конечном итоге, поставить перед Европой вопрос о

признании европейской(!) идентичности Турции и о вступлении страны в ЕС. Конечно, в определенной степени этому способствовала геополитика и противостояние Запада с СССР и восточноевропейскими странами социалистического лагеря.

После окончания Второй мировой войны Анкара однозначно выбирает прозападную геополитическую ориентацию, что соответственно способствовало продолжению курса на формирование светского нацио-государства. Безусловно, в этой связи следует отметить факт членства Турции в НАТО – военно-политической организации, где абсолютным большинством являются представители западноевропейских государств.

При этом гарантом светского курса была окончившая ряд западных военных и гражданских учебных заведений высшая военная элита Турции.

В период “холодной” войны Турции была отведена важная стратегическая роль в противостоянии Запада с СССР и его союзниками и одновременно проводника американской внешней политики в регионе Среднего и Ближнего Востока. Со своей стороны, Анкара старалась использовать все эти обстоятельства, чтобы остаться и укрепить свои позиции в европейской политике.

Но “холодная” война фактически “заблокировала” Турцию в Азии. Став восточным бастионом НАТО, страна подчинилась логике американско-советского геополитического противостояния и идеологической борьбы двух социальных систем. В то же время при всех возникающих внутренних и внешних проблемах и кризисах Турция не упускала возможности продемонстрировать свою, по крайней мере, балканскую идентичность своим западным соседям и не отказывалась от проевро-

пейского кемалистского курса. И если Анкаре в полной мере не удалось реализовать свои планы, то был накоплен определенный положительный опыт и уверенность, что Турция нужна балканским и европейским странам.

Другое дело, что в период “холодной” войны, как признают непосредственно турецкие политологи, “основным, на чем базировались отношения Турции с международным сообществом, особенно с США, была безопасность”¹. С другой стороны, никто из западноевропейцев особенно и не требовал от Турции слишком больших усилий по углублению демократии, так как понимали, что есть более важная проблема – безопасность.

Возможно, что нестабильная внутриполитическая обстановка в стране и частая смена правительства, военные перевороты не дали развить тенденцию сближения. В то же время диалог Турции с Европой не прерывался: каждое охлаждение сменялось потеплением.

После окончания “холодной” войны в Европе начинают пересматривать свое понимание безопасности. А в самой Турции наметились положительные подвижки в отношении общества к европейскому проекту. Дело в том, что миллионы турок уже находились в Европе.

После 11 сентября 2001 г. нынешняя правящая партия, корни которой уходят в турецкое исламистское движение, – Партия справедливости и развития (АКР), начинает новый этап развития отношений страны с ЕС.

На первый взгляд приход к власти АКР, кажется нелогичным. Но это можно понять только в контексте политической эволюции Турции и как продукт ее истории. Дело в том, что в Тур-

ции есть две взаимопроникающие системы мировоззрения – турецкий национализм и ислам. Они, соперничая между собой в понимании национальной идеи, стимулируют динамику политического процесса внутри страны, а также оказывают свое влияние на формирование её внешнеполитического курса при том, что традиционалистские исламистские настроения по-прежнему присутствуют в турецком обществе, а вылазки экстремистов носят регулярный характер.

В самом исламистском движении произошел “поколенческий и идеологический” раскол¹. Младоисламисты более терпимы и более турки, чем традиционалисты. С другой стороны, формирующийся новый мировой порядок под началом одной сверхдержавы породил целый ряд новых региональных конфликтов в непосредственной близости от Турции – на Ближнем Востоке и Балканах, причиной которых традиционная составляющая турецкого общества винит имперскую политику США.

После окончания “холодной” войны “турецкой элите еще предстояло осознать, насколько изменился европейский контекст отношений их страны с Западом. Исчезновение угрозы с Востока сделали невозможным со стороны Европы прежнее более или менее толерантное отношение к “несовершенной” демократии с ее дефицитами в ситуации с правами человека¹.

В этом смысле приходилось все начинать с начала. И Турция как и после окончания Первой мировой войны начинает с Балкан или пытается в ином формате вернуться в те страны, которые ранее входили в Османскую империю. И это нашло свое проявление в балканской политике Турции в межвоенный период, а затем и после окончания Второй мировой войны, а тем

более после окончания “холодной” войны.

Турция рассматривала Балканы не только как наиболее благоприятное место для реализации своих европейских амбиций, но и, пожалуй, единственно возможное.

Основные направления внешнеполитического курса Турции на Балканах представлялись турецкой дипломатией таким образом²:

– Балканы – Ворота Турции на Запад. В условиях “холодной” войны все балканские страны в своей региональной политике следовали курсом, навязанным извне, но после ее окончания создались условия, когда балканские страны на основе свободного волеизъявления могут развиваться в направлении многостороннего регионального сотрудничества.

– Целью внешней политики Турции на Балканах является стремление к развитию демократии и отношений свободного рынка, экономическое развитие стран региона, сохранение достигнутой ранее стабильности и постоянное оказание посильной помощи.

– Турция также принимает во внимание, что на Балканах проживают около 10 млн. мусульман, в том числе и этнических турок. Эти люди имеют не просто религиозные связи с Турцией, они близки Турецкой Республике по духу, по общим историческим и этническим истокам и традициям и рассчитывают на соответствующую помощь в трудные времена.

Турция стремится проводить на Балканах многостороннюю политику, диверсифицируя свои международные отношения. Турецкие политики посчитали, что теперь, когда рухнули барьеры “холодной” войны, можно будет больше внимание уделить развитию

экономических связей со своими балканскими соседями. В этом смысле политика Турции на Балканах начала 90-х годов XX столетия напоминала ее политику в регионе после окончания Первой мировой войны. Хотя Турция не располагала как в межвоенный период таким средством как Балканская Антанта, но организация Черноморского экономического сотрудничества дает возможность ей установить более тесные отношения с балканскими странами. Кроме того, этому способствовал уход России из региона.

Геополитический и идеологический вакуум в регионе стал постепенно заполняться не только НАТО, но, прежде всего, Турцией: если натовские генералы были больше поглощены реализацией своих военно-стратегических планов “расширения на Восток”, то Турция – распространению своего экономического присутствия как способа реализации интересов национального развития на европейском направлении.

Рынок сбыта в балканских странах, где ранее доминировали СССР и страны СЭВ, представлялся для Турции более благоприятным, чем более требовательные рынки высокоразвитых стран Европы и Америки. Сравнительно дешевая турецкая продукция быстро заполнила новые рынки, а это способствовало расцвету ряда отраслей её экономики и росту влияния в регионе Балкан, то есть непосредственно вблизи ЕС.

Прежде всего, Анкара предпринимает все необходимые меры для того, чтобы систематически развивать свои отношения с государствами, где проживает значительное число мусульман и турок (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Македония). Развитие Анкарой связей с данными странами

создает для нее определенный плацдарм в регионе и нейтрализует или компенсирует сопротивление Греции в отношении продвижения Турции в Европу. Такая тактика не дает полной гарантии выхода в Европу, но можно говорить о том, что на Балканах появились силы, на которых Турция могла бы положиться в той или иной сложной региональной ситуации. “Исламская дуга” через Балканы в Европу под началом Анкары может способствовать решению многих, в том числе и стратегических проблем Турции как региональной державы на восточном направлении, а также повысить ее статус в европейской политике.

Закономерно, что турецкий национализм опять заявил о себе во внешнеполитическом качестве и непосредственно на Балканах. Но после окончания “холодной” войны Европа повысила планку своих требований к Турции с точки зрения соблюдения прав человека. Более того, на первое место стала выходить проблема цивилизационного порядка, то есть насколько турецкое общество само по себе вписывается исторически и культурно в пространство европейского сообщества христианских наций.

В определенном смысле подтверждение этому расширение Европейского союза за счет ближайших балканских соседей Турции – Болгарии и Румынии. И это болезненно воспринималось Анкарой, давно подавшей заявку на вступление в ЕС. Так, турецкие политики обвиняли европейцев, что они хотят ограничиться приемом в ЕС “исключительно христианских стран”.

Например, турецкий генерал Евик Бир, оценивая перспективы вступления Турции в ЕС, высказал следующее предположение: “Не лучше ли было бы, если бы Турция все последние сорок лет была членом комму-

нистического Варшавского пакта и угрожала европейской безопасности. Может, в этом случае можно было бы гораздо быстрее добиться вступления Турции в ЕС?³ По мнению генерала, роль Турции на Балканах в обеспечении европейской безопасности так была и не оценена ЕС³.

По экономическим показателям Турция превосходит Болгарию и Румынию и даже является их инвестором. Но ЕС предъявляет претензии к внутренней политике Турции в сфере прав человека и развития институтов гражданского общества. Хотя и соседи вряд ли могут похвастаться большими успехами в указанных областях. Их преимущество – не только отсутствие проблем, подобных курдской и чеченской, но и принадлежность к христианству. Хотя и с определенной оговоркой, что это страны православные.

Более того, по мнению экспертов, в Европе на Турцию как государство смотрят по-прежнему с опаской и рассматривают как “дестабилизирующий фактор для европейской стабильности”.

“Формирующийся у нас на глазах Европейский союз ... обладает обаянием многообразия. Однако, – как считает директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль, – вследствие включения в его состав стран Балканского полуострова и расширения сферы культурного православия ... Европе стала присуща опасная разнородность”. В этой связи французский исследователь подчеркивает, что именно в этом контексте следует рассматривать европейцам “турецкий вопрос”⁴.

Перспектива вступления Турции в ЕС пугает “большинство жителей Европы, которые ассоциируют Турцию с событиями и явлениями, уходящими корнями в прошлое и вызывающими страх”⁴. Так, “европейцы со страхом относятся к исламу, причем эта боязнь неизмеримо выросла после 11 сентября 2001 г.

Например, в Германии, где давно проживает и работает значительное число турок, периодически вспыхивают шовинистические и сегрегационные настроения и конфликты на национальной и религиозной почве.

Кроме того, по мнению европейцев, есть и “другие причины опасаться Турции”. Это постоянный рост ее населения: уже сегодня оно составляет 70 млн. чел. Соответственно, в Европейском парламенте Турция получит самое многочисленное консолидированное представительство. “Жители Европы опасаются к тому же, что неравномерное экономическое развитие и свободный оборот товаров, услуг, капиталов и рабочей силы в совокупности окажут вредное воздействие на их экономику”⁴.

Тот факт, что расширение НАТО на восток и юго-восток (то есть на Балканы!) происходит за счет стран ЦВЕ свидетельствует, что Турцию попрежнему хотят “придержать” в Азии, где в современных условиях для Запада возникают все новые угрозы и вызовы.

Определенную роль в этом играли и играют США, наиболее заинтересованные в том, чтобы Турция оставалась в кильватере их внешней политике в регионе Ближнего и Среднего Востока. Порой это создает для Анкары дополнительные сложности в ее отношениях с ЕС.

Например, в ноябре 2002 г. международное руководство НАТО под давлением американских генералов продлило ответственность Альянса за миротворческую операцию в Македонии. Притом, что Турция, являясь членом НАТО, еще ранее заблокировала договор об использовании инфраструктуры блока частями спецназа Евросоюза.

Тогда Анкара попыталась в обмен получить от европейцев принципиальное согласие на принятие своей страны в ЕС.

В свою очередь, балканские абитуриенты (Болгария и Румыния), собираясь вступить в НАТО, рассчитывали на содействие Анкары или, по крайней мере, на то, что она не воспользуется правом вето.

Как отмечали европейские эксперты, "Анкара стала ... политической Меккой для тех стран, которым в любом случае потребуется ее поддержка при расширении НАТО. ... Расширение НАТО на Восток, в орбите которого позже окажется и Украина, могло бы предоставить Турции еще больше возможностей внести вклад в создание новой структуры европейской безопасности"⁵.

Действительно, после вступления в НАТО Болгарии и Румынии пространство европейской безопасности географически стало неразделенным.

В 2007 г. в ЕС вступят Болгария и Румыния. Соответственно, Анкара при неплохих отношениях с Болгарией и Румынией рассчитывает на их будущую помощь и балканскую солидарность как стран-членов ЕС уже в европейском пространстве. Возможно, с поддержкой названных её соседей Турция к 2015 г. войдет в ЕС.

Войдет или не войдет Турция в ЕС в ближайшее время, но после воссое-

динения географического, политического и экономического пространств Европы Турция вместе с другими балканскими странами действительно станет стратегическим и геоэкономическим мостом между Азией и Европой, дорогой ЕС и НАТО на Кавказ и дальше на Восток в обход России. Если же ЕС будет придерживаться изоляционистской позиции в отношении Турции, для последней ничего не останется, как укреплять и расширять свои позиции на Балканах и ждать своего звездного часа. Но Брюссель, сказав "А" – начав переговоры с Анкарой на предмет вступления Турции, когда-то скажет и "Б"...

Упорство высших турецких элит в продвижении своей страны в Европу – при сильных антизападных настроениях в массах – представляет в среднесрочной перспективе вероятность увидеть здесь и будущего лидера в Юго-Восточной Европе. Вступление Турции в ЕС дает ей еще один шанс окончательно вернуться на Балканы в качестве равноправной европейской страны и одновременно стать центром притяжения для значительного числа балканских, а также черноморских стран.

А пока Европа расширяется, и в будущем возникнет парадоксальная ситуация, когда Турция (а это 80 млн., причем абсолютное большинство мусульман) после вступления в ЕС станет частью Европы.

Примечание

¹ *Озель С.* Долгий путь в Европу. Сага об отношениях Турции и ЕС // *Internationale Politic*. 2004. № 6. С. 84, 89.

² Цит. по: *Кахидзе Н.Х.* Внешняя политика Турции на Балканах и кризис в бывшей Югославии. М., 1997.

³ *Huerrieyt Daely*. 1997. 17. 12.

⁴ *Монбриаль Т.* Турецкий вопрос // *Россия в глобальной политике*. 2004. № 4. С. 91, 93, 94.

⁵ *Гумпель В.* На стыке Европы и Азии // *Internationale Politic*. 1998. № 1. С. 34.

Проблема Кипра в турецко-российских отношениях

Гюль Уйсал

Одним из аспектов внешней политике Турции, влияющем на международную обстановку в мире в целом, и на турецко-российские отношения в частности – это ситуация по Кипру. Греко-турецкие отношения оставались в 90-е годы важнейшей составной частью международных отношений в Восточном Средиземноморье. Неустойчивость и взрывоопасность ситуации проявляется в виде трех очагов напряженности в турецко-греческих отношениях: кипрского кризиса, эгейской проблемы, положения национальных меньшинств.

Главым из них является Кипр. Напряженность здесь достигает подчас такого накала, что может, по мнению западных политологов, вызвать военную конфронтацию между Грецией и Турцией. Турецкие и греческие правящие круги считают кипрскую проблему национальным вопросом своих стран. Как известно из недавнего прошлого, под воздействием национально-освободительной борьбы на Кипре Англия пошла на предоставление ему независимости и провозглашение республикой в 1960 г. Но чтобы сохранить свое влияние в этом важном стратегическом районе, открыть дорогу США, английские руководители, как отмечалось даже опытными турецкими дипломатами, “сознательно срабатывали греческую и турецкую общины острова, Грецию и Турцию, стремясь при этом не допустить войны между двумя членами НАТО”.

Конфликт на острове особенно обострился после 5 мая 1985 г., когда на

севере Кипра, оккупированном турецкими войсками, был проведен референдум, одобдивший новую конституцию Турецкой республики Северного Кипра (ТРСК), являющуюся по сути копией нынешней конституции Турции. Вскоре, 9 июня 1985 г. состоялись выборы президента и депутатов парламента ТРСК. Их итоги свидетельствовали об укреплении позиций президента ТРСК Денкташа и его сторонников (24 места из 50).

Конец 80-х – начало 90-х годов характеризовались неуклонным ростом влияния турецких переселенцев на политическую жизнь ТРСК.

Если в 1974 г. турки-киприоты насчитывали 120 тыс. чел., а численность греков-киприотов составляла почти 500 тыс. чел., то к середине 80-х годов из Турции на север Кипра переселилось, по данным кипрского правительства, около 65 тыс. чел. Это не только повлекло за собой значительное изменение демографической ситуации на острове в пользу турецкой общины, но и стало причиной быстрого раство-

рения элементов культурной самобытности турок-киприотов.

Характеризуя особенности национальной экономики Кипра на сегодняшний день, следует подчеркнуть, что островное государство, точнее часть заселенная греками-киприотами подошло к уровню западноевропейских стран, и, как считают эксперты ЕС, только одно политическое препятствие стоит перед правительством Кипра для реализации союза с ЕС – необходимость решения кипрской проблемы.

Греки-киприоты же придерживаются иного мнения, полагая, что именно вхождение в состав современной цивилизованной Европы помогло бы, наконец, сдвинуть с места кипрскую проблему на основе сохранения единого кипрского государства.

Бывший Президент Кипра Клиридис (грек-киприот) считает, что неуклонный подъем экономики – залог выживания Кипра перед лицом “турецкой экспансии”.

На юге Кипра успехи экономики очевидны хотя бы уже потому, что доход на душу населения составил в 1994 г. 12 тыс. долл.

Гораздо сложнее дело обстоит с общегосударственной экономикой в масштабах всего острова.

Правительство Кипра настойчиво добивалось в тот период сохранения не только единого государства, но и единого хозяйственного механизма. Оно считает, что конфликтующим сторонам, прежде всего, следует прийти к рассмотрению сущности кипрской проблемы – сохранению Кипра как федерации, что предусмотрено резолюциями ООН, и только после этого можно будет разрабатывать конкретные подходы к выработке общей экономической формулы.

Руководство же ТРСК твердо придерживалось курса на интеграцию с Турцией и на полное размежевание с греками-киприотами.

Летом 1994 г. Центральный банк Турции объявил о том, что берет на себя обязательства по обеспечению валютно-финансовой деятельности компаний и бизнесменов ТРСК, чтобы помочь им прорвать международную экономическую блокаду и выйти на международную арену. Углубление экономической изоляции турецко-кипрской общины на острове не способствовало созданию климата взаимного доверия.

Безусловно, диалог между бывшем президентом Денкташем и бывшем президентом Республики Кипр Глафкосом Клиридисом был достаточно труден.

Главное разногласие сводилось к тому, что официальная Никосия требовала начать переговоры с обсуждения существа проблемы – будущности Кипра как независимого суверенного государства, а режим Денкташа сводил дело лишь к принятию “пакета мер доверия ООН”, которое, по мнению греческой стороны, грозило фактическим признанием государства ТРСК, ибо с принятием мер доверия была бы снята территориальная проблема.

Камнем преткновения являлся также и вопрос принятия Кипра в Европейский союз. Денкташ, придерживаясь политики Анкары, выступал против такого решения до того, как полноправным членом ЕС станет Турция. Денкташ пообещал даже во время предвыборной кампании решить кипрскую проблему за один год при условии, что Турцию приняли бы в ЕС.

Сопrotивление Греции вступлению Турции в ЕС и тесное увязывание с этим проблемы Кипра наблюдалось в течение всего уходящего десятилетия. Некоторое смягчение этих отношений наметилось в 1995 г., когда Греция сняла свои возражения против вступления

Турции в таможенный союз в рамках ЕС.

Фактором напряженности в турецко-греческих отношениях оказалась курдская проблема.

Еще в 1998 г. турецкие СМИ высказывали предположения о том, что Греция поддерживает запрещенную в Турции Рабочую партию Курдистана (РПК) и оказывает ей материальную и моральную помощь, однако тогда были получены заверения от Греции и США, что подобная помощь не осуществляется.

В феврале 1999 г. разразился скандал вокруг РПК и ее лидера А.Оджалана, объявленного в Турции государственным преступником. Предпоследним убежищем Оджалана были Афины, из которых он был переправлен в посольство Греции в Найроби (Кения) с греческим дипломатическим паспортом, выданным на имя гражданина Греции.

В турецких СМИ утверждалось, что "операция Греции по спасению Оджалана" нанесла сокрушительный удар по отношениям Анкары и Афин, и Греция полностью лишилась доверия Анкары.

Новым моментом в обострении турецко-греческих отношений стал вопрос о покупке и размещении на Кипре российских установок С-300.

Соответствующее соглашение руководство греков-киприотов подписало в конце 1996 г., что вызвало резкую реакцию Турции. 5 января 1997 г. правительство Кипра и "Росвооружение" подписали контракт на поставку С-300 на Кипр.

В 1997 г. в греческой части Кипра было объявлено, что на юге острова будет размещена ракетная система оборонного назначения. Размещение российских ракет С-300 на Кипре привело еще к одному конфликтному моменту в отношениях между Турцией и Россией.

Вместе с тем, интересен тот факт, что несмотря на серьезный военно-по-

литический кризис в отношениях между двумя странами, их экономические отношения достигли существенного улучшения.

В 1997 г. в объеме товарооборота Турции Россия заняла второе место после Германии.

Как только правительство Кипра заявило о своем решении, ЕС и США выступили против. Но самой резкой была реакция Турции. МИД Турции заявил, что Турция не сможет закрыть глаза на то обстоятельство, что турецкая община Кипра окажется в опасности и возникнет угроза ее территории, будет нарушен турецко-греческий баланс в Восточном Средиземноморье.

Москва считала, что договором о продаже этих комплексов она расширяет свои возможности на европейском рынке вооружений.

Но так как РЛС С-300 были бы в состоянии "проникать" на удаленные территории Турции, то Анкара воспринимала их как посягательство на свои жизненно важные интересы.

В заявлении турецкого МИДа был выражен протест в адрес России, продавшей Кипру ракетные комплексы. В Анкаре заявили: если ракеты будут действительно размещены, это станет "поводом к войне".

Анкара, заявляя, что это, изменив расстановку сил в регионе, может открыть путь опасному развитию обстановки, пыталась предотвратить поставки ракет. Москва же зутверждала, что это исключительно коммерческая операция и отмечала, что в течение будущего года поставки будут осуществлены. В то же время, российская и греческая стороны заявили, что ракеты типа С-300 с радиусом 150 км представляют собой исключительно оборонительную систему. Турция же делала акцент на том, что ракеты обладают потенциалом, способным достичь

Внутренней Анатолии и давая понять, что в случае доставки на Кипр ракеты будут уничтожаться, задержав в Проливах направлявшиеся из России на Средний Восток суда с военными грузами с подозрением, что эти грузы и есть С-300. Позицию Турции поддерживали США.

Таким образом, Анкара кипрскую проблему, в сущности являющуюся проблемой между Турцией и Грецией, привнесла в турецко-российские отношения, воспрепятствовав сближению между двумя странами, которое последовало бы в связи с ростом экономического сотрудничества.

Причину столь непривычно резкой реакции Турции следует, очевидно, искать в Совместной оборонной доктрине, принятой в 1993 г. Республиками Кипром и Грецией.

Если бы дело дошло до размещения ракет на Кипре, то Греция получила бы возможность оказывать с Кипра силовое давление на Турцию.

После того как в начале 90-х годов XX в. вспыхнули конфликты в юго-восточной Европе и на карту были поставлены границы и существование целых государств, в Греции сложилось впечатление, что Турция в этой ситуации хочет выстроить "исламскую дугу" вокруг Греции: от Албании через страны, возникшие на месте Югославии, до восточного побережья Средиземного моря.

В ответ на это министерство обороны Греции разработало собственную стратегию по отношению к Турции.

С одной стороны, предстояло вовлечь традиционных противников Турции в альянсы с Грецией. При этом имелись в виду Россия, Армения, Иран и Сирия, а с другой – в рамках совместной оборонной доктрины греческий военный потенциал, сосредоточенный на Кипре, мог бы оказывать давление на Турцию с юга.

Для этого была расширена военно-воздушная база, расположенная неподалеку от южно-кипрского города Пафос. Грече-

ские военно-воздушные силы могли бы тогда – под прикрытием системы ПВО, оснащенной ракетами С-300 – беспрепятственно летать на Кипр и получать там необходимое обслуживание.

То есть опасения, из-за которых Турция пригрозила войной, состояли не в том, что ракеты С-300 могли бы достигнуть континентальной Турции. Причиной скорее было понимание того, что база близ Пафоса, защищаемая ракетами С-300, могла подвести военно-воздушные силы Греции значительно ближе к Турции и решающим образом продлит время возможных полетов над континентальной Турцией. Тем самым С-300 получали, с турецкой точки зрения, наступательную функцию, направленную против Турции.

Что касается Кипра, то его цель состояла не в том, чтобы защитить себя от воздушных налетов потенциальных противников, а в том, чтобы отнять у Турции контроль над воздушным пространством острова.

Россия неоднократно утверждала, что договор покупки-продажи ракетных комплексов С-300 был заключен между двумя суверенными государствами и, в сущности, это оборонные системы, не угрожающие Турции.

Зенитные установки С-300 давали возможность Греции контролировать южную часть Турции. На Крите располагались две греческие военные базы и на Родосе еще одна. Поставка зенитных установок на Кипр способствовала бы контролю морских путей к Анатолийскому полуострову.

Так как 88% всего внешнего товарооборота Турции зависят от морских путей, подобная ситуация была для Турции неприемлема. Кроме того, запланированное проведение нефтепровода с Кавказа и Средней Азии на юге Турции дало бы Греции контроль над стратегически важным для Турции источником дохода.

Таким образом, кризис С-300 стал одним из основных источников кон-

фликтов между Грецией и Турцией. Грецию беспокоило объединение интересов США и Турции в районах Ближнего Востока, Закавказья и Средней Азии.

В итоге Греция приняла решение привлечь на свою сторону Россию для уравнивания сил с Турцией и достижения компромисса с США в регионе Восточного Средиземноморья. Некоторые высказывания российских уполномоченных лиц дали надежду грекам в поддержке.

Например, бывший в то время посолом России на Кипре Георгий Мурадов в своем интервью греческому телевидению заявил, что в случае нападения Турции на греческую часть Кипра Россия молчать не будет¹.

Главнокомандующий объединенными силами НАТО в Европе генерал У.Кларк охарактеризовал возможность размещения на Кипре российских военных установок как "вызывающую очень большую озабоченность". Он утверждал, что с помощью этих установок Россия сможет контролировать все передвижения НАТО в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке и создаст ряд проблем для английских баз на Кипре.

Посетивший Россию в мае 1998 г. начальник генштаба Турции Карадайы во время встреч с представителями российского военного руководства усиленно подчеркивал, что продажа грекам-киприотам установок С-300 "создаст огромную напряженность в регионе и приведет к прекращению военных контактов между Россией и Турцией"². Это заявление, как писала турецкая печать, поставило в "чрезвычайно трудное положение Москву, которая, с одной стороны, не хотела отступать от своего намерения в отношении размещения ракет, а с другой – терять свою долю в подрядах на осуществление модернизации турецких вооруженных сил"³.

Когда появилась информация о прохождении через Проливы судов, на борту которых могут быть ЗРК С-300, Турция начала отслеживать передвижение через Пролив всех судов.

Известен случай, когда Турцией был задержан и подвергся обыску египетский корабль, на борту которого провозились части ракетных установок. После подтверждения египетскими властями, что техника принадлежит Египту, корабль продолжил свой путь.

Российские СМИ подвергли действия Турции критике, так как, согласно ст. 21 Конвенции Монте, при прохождении через Проливы военных судов Турция имела право на запрещение прохода только в случае неминуемой военной угрозы, в то время как для торговых судов не существовало никаких ограничений независимо от их груза.

Российский посол в Анкаре заявил, что при прохождении через Проливы в случае нападения на судно, провозящее ракетные установки С-300, Россия в этом случае, считала бы подобные действия причиной войны².

В кризис вмешивались США и ЕС. США считали, что влияние России в регионе Средиземноморья может помешать их интересам. *Во-первых*, в связи с программой обучения офицеров-киприотов по использованию установок С-300 российские военные должны будут провести много времени на острове. *Во-вторых*, мощные РЛС этих установок позволят контролировать воздушное пространство Восточного Средиземноморья. *В-третьих*, США опасались возможной конкуренции этих систем с американским аналогом "Патриот".

В начале кризиса ЕС активно поддерживал сторону Греции, затем изменил свою политику.

Не выдержав давления, правительство Кипра изменило свое решение.

Первоначально, согласно соглашению, заключенному в январе 1997 г. между Москвой и Никосией, они должны были быть размещены в южной части Кипра. После угрозы Анкары от-

реагировать на это военными ударами и массированного давления со стороны США и ЕС Афины и Никосия, связанные между собой совместной оборонительной доктриной, решили определить новым местом дислокации ракет о. Крит. Там в марте и апреле 1999 г. были смонтированы пусковые установки и относящиеся к ним радарные системы.

Таким образом, косвенно угрожавшая российско-турецким отношениям проблема С-300 была решена. В результате удалось добиться частичного изменения первоначального плана размещения С-300. Как комментировала турецкая печать, решение президента Кипра Клиридиса “временно” разместить установки на греческом о. Крит. связана с выполнением следующих условий:

- постепенное разоружение острова, что означало бы сокращение присутствия в турецком секторе турецких военных и оружия;

- начало переговоров по невыполнению решений ООН по Кипру.

В случае если эти условия были бы не выполнены, “Клиридис мог привезти на остров русские ракеты, так как не отменил заказ на их поставку”. Таким образом, по мнению турецких экспертов, и в 1999 г. “русские ракеты оставались бы дамочным мечом” над турками-киприотами.

После долгих отсрочек и несмотря на мощное противодействие США, ракетные установки С-300 были размещены на Крите, что вызвало бурную реакцию Анкары. Представители МИД Турции подчеркивали, что это создало еще один источник напряженности в турецко-греческих отношениях и без того находящихся на грани кризиса. Подчеркивалось, что закупки Грецией у США ракет типа “Пэтриот” и разме-

щение обеих систем на Крите создает “любопытную ракетную инфляцию”. На повестку дня поднимались, по мнению турецких обозревателей, следующие вопросы: как член НАТО Греция может себе позволить организовать защиту своего воздушного пространства с помощью самой мощной ракетной системы России? Какова будет реакция НАТО на то, что русские военные специалисты, обслуживающие С-300, присутствуют на одном из важнейших стратегических объектов блока, каким является Крит?

Успех на парламентских выборах в Турции 18 апреля 1999 г. Партии националистического движения (ПНД), занявшей второе место по количеству голосов, и ее вероятное участие в управлении страной, как считали многие обозреватели, затруднил бы прогресс в урегулировании турецко-греческих отношений, поспособствовал бы “все большему разделу Кипра”. Греческие руководители также высказывались в том духе, что учитывая вхождение ПНД в коалицию “решение кипрского вопроса отложили бы на неопределенный срок”.

Однако последовавшие за этим позитивные дипломатические контакты между руководителями двух стран в области экономики, туризма и культуры свидетельствовали, что высказанные опасения не оправдались.

В результате кризиса Турция и Россия подошли к формированию новых представлений друг о друге. Кризис дал ключ к пониманию особенностей развития их дальнейших отношений. В их взаимодействии наблюдалось не только различие интересов и конкуренция, но и взаимовыгодное сотрудничество.

С тех пор как в 1999 г. Владимир Путин стал президентом Российской Федерации, Россия вновь пыталась брать на себя ведущие роли во многих международных и региональных во-

просах, а также обратила внимание на свое ближайшее окружение и регионы. В круг подобных проблем входил и Кипр, который интересует и Турцию. Несмотря на то, что Москва является региональной силой и постоянным членом Совета Безопасности ООН, она никогда до сих пор не была активна в кипрском вопросе и постоянно придерживалась политики поддержки греческой стороны. В это же время динамично развивающиеся торговые и экономические отношения между Россией и Турцией начали диктовать свои условия политическим деятелям обеих стран.

Первый сигнал об изменениях в политике России в отношении Кипра дал министр иностранных дел России Сергей Лавров, который находился в Стамбуле в связи с 31-м совещанием министров иностранных дел Организации Исламской конференции, и сделал письменное заявление⁴: "Мы действуем на основании того, что поиск компромисса должен происходить на добровольной основе, и учитывая законодательные выгоды и сомнения как турецкой, так и греческой стороны. Россия поддерживает шаги, принимаемые для оказания материальной и экономической помощи кипрским туркам. Эта помощь должна оказываться при условии создания международных механизмов, которые не будут пренебрегать решениями ООН в отношении Кипра".

Во время совещания состоялись переговоры С.Лаврова с премьер-министром ТРСК Мехметом Али Талатом и с министром иностранных дел Республики Сердаром Денкташем, которые явились довольно важным шагом с точки зрения отношения России к проблеме Кипра.

Референдум по плану К.Аннана, целью которого было объединение острова на основе конфедерации, состоялся 24 апреля 2004 г. в обеих частях Кипра.

75,8% греков-киприотов сказали нет объединению и таким образом лишились возможности получить свое имущество на Северном Кипре.

Зато турки-киприоты поддержали план, отдав ему 65% голосов, поскольку рассматривали его как путь покончить с международной изоляцией, которую они переживали, начиная с 1974 г., когда Турция ввела сюда 30-тысячный контингент военных.

Генеральный секретарь ООН заявил: "Кипр упустил историческую возможность разрешить проблему 30-летнего разъединения. Остров останется разделенным и милитаризованным, поскольку греческая часть входит в ЕС с 1 мая⁵."

Алваро де Сото – эмиссар Генерального секретаря ООН, который на протяжении 5 лет работал над потерпевшим неудачу планом, заявил, что в ближайшее время его офис закрывается.

Специальный уполномоченный по расширению ЕС Гюнтер Верхеген был настроен еще более решительно. В интервью немецкому телевидению АРД он сказал: "Есть сомнения в отношении принятия Кипра. И сейчас мы должны основательно рассмотреть пути преодоления экономической изоляции туков-киприотов"⁶.

Реакция всех заинтересованных сторон на итоги голосования была следующей. Бывший лидер турок-киприотов Р.Денкташ, который был противником плана ООН, призвал мировое сообщество прекратить оказывать давление, чтобы обе части острова воссоединились.

Однако ставший главой турецкой общины М.Али Талат – сторонник плана – обратился к ООН и ЕС с предложением принять меры и "исправить ситуацию, при которой сторона, отвергшая план, становится членом ЕС в недельный срок"⁷.

Президент Кипра Г.Пападопулос подчеркнул, что его народ отверг только план Аннана, но ни в коем случае не решение кипрского вопроса. "Мы не повернулись спиной к нашим турецко-кипрским соотечественникам, – заявил он, – мы лишь отвергли этот план"⁸.

Страны-гаранты Кипра – Турция, Греция, Англия – также высказали свои мнения.

Так, премьер-министр Турции Р.Т.Эрдоган заявил, что он верит – результаты голосования положат конец изоляции турок-киприотов.

Представитель греческого правительства подчеркнул, что усилия по объединению Кипра не должны быть прекращены, и обратил внимание на то, что в рамках ЕС в интересах всех продолжить “усилия по примирению греков и турок-киприотов”.

Министр иностранных дел Англии Дж.Строу заявил: “Мы должны отнестись с уважением к выбору, который греки-киприоты сделали сегодня”⁷.

Представитель госдепартамента США Р.Бушер по результатам голосования также подчеркнул: “Мы разочарованы в том, что большинство греков-киприотов голосовали против плана урегулирования. Провал референдума – это регресс для надежд тех на острове, которые голосовали за урегулирование и международное сообщество”.

По мнению лидера турецкой общины, “Европа дала смелость грекам-киприотам просаботировать план Аннана, который был поддержан мировым сообществом”. И в первую очередь в этом постаралась Франция. Если бы не Франция, “у греков-киприотов не было столько возможностей”⁸.

По образному выражению турецкой газеты “Миллиет”, “Европа высыпала камни на пути Турции в ЕС и представила лидера турок-киприотов Талата как политика, защищающего неурегулированность на Кипре”¹⁰.

И, действительно, Турции, которая предпринимает значительные усилия, чтобы стать полноправным членом ЕС, теперь в связи с кипрскими событиями были выдвинуты следующие условия:

1. Турция должна признать Республику Кипр.

Но после вступления Кипра в ЕС 1 мая 2004 г. руководство Кипра на юге острова – единственный официальный

кипрский представитель в ЕС. И, таким образом, Турция должна признать греко-кипрское руководство как законного партнера во всех делах ЕС.

2. В рамках таможенного союза между Турцией и ЕС Турция должна открыть свои порты для кипрских судов. Как было заявлено, невыполнение этих условий “скажется на переговорном процессе”. Однако представляется, что по хорошо известным политическим причинам Турция не признает Республику Кипр в качестве законного представителя острова.

Представитель ЕС по расширению организации Г.Верхген, выступая перед комитетом Европейского парламента с докладом по Кипру, указал, что ЕС готов предоставить Северному Кипру 259 млн. евро в виде помощи для того, чтобы покончить с его экономической изоляцией, а также открыть здесь представительство. При этом он добавил: “Сотрудничество с администрацией, которая управляет этой территорией, вовсе не означает дипломатического признания”¹¹.

Заслуживает внимания статья известного турецкого политолога М.А.Биранда “Проблема закончилась ли?”, в которой он утверждает, что результаты голосования на Северном Кипре демонстрируют большой успех турецкой дипломатии, и это признают даже многие греки-киприоты и официальные представители, и оппозиция и даже “люди на улице” говорят, что результаты референдума не должны рассматриваться “как конец пути”. Можно сказать, что греки-киприоты высказывают надежду на то, что вскоре начнутся новые международные инициативы и при этом высказываются предположения, что они будут исходить от ЕС. На греков-киприотов будет оказан нажим, но турки-киприоты “должны протянуть руку”. Автор приводит высказывания одного английского аналитика: “Турецкая сторона не должна поддаваться чувству, что все закончено”.

Российская позиция по данному вопросу заключается в следующем: 31 января 2006 г. В.В.Путин на пресс-конференции в

Кремле дал развернутые ответы на многие вопросы российской политики. В том числе он озвучил и подход России к кипрской проблеме, сказав: "Что касается нашей политики на кипрском направлении, она не изменилась. Но нам бы хотелось, чтобы наша политика была сбалансированной и чтобы все участники процесса и Турецкая Республика, и северная часть Кипра, и Греция, и Кипрская Республика с доверием относились к тому, что делает Россия на международной арене в целом и по кипрскому урегулированию, в частности. Мы будем и дальше работать с Генеральным Секретарем ООН. Мы считаем, что только сами люди, проживающие на острове, мо-

гут определить свою собственную судьбу. И мы надеемся, что будут найдены приемлемые для севера и для юга Кипра компромиссы. Мы полагаем, что северная часть Кипра тоже демонстрирует и демонстрирует достаточно ясно свое стремление к урегулированию. Это заслуживает поощрения. Во всяком случае, в сфере совместной экономической деятельности с Северным Кипром это было бы вполне обоснованно – не нарушая баланса интересов и не нарушая российских отношений ни с Грецией, с которой у нас на протяжении веков очень близкие, дружественные связи, развиваются у России отношения с Кипром как с государством".

Таким образом, можно утверждать следующее: лидеры общин Пападопулос и Денкташ оказались неспособными начать конструктивный диалог по претворению плана Аннана. И второй момент, который следует отметить – ЕС не оказал достаточного воздействия на ситуацию.

Действительно, если бы на Пападопулоса было оказано определенное давление и заявлено, что в ряды Евросоюза войдет лишь весь Кипр, а именно конфедерация, на которой настаивал Генеральный секретарь ООН, может быть события развивались по иному. Зато теперь в руках ЕС появился мощный рычаг давления на Турцию в виде признания Южного Кипра как члена ЕС.

Конечно, после длительного перерыва, важным пунктом в кипрском вопросе и в общем в отношениях между Россией и Турцией стал визит президента Путина в Анкару 5–6 декабря 2004 г.

В последнее время проблема Кипра стала играть особо важную роль в отношениях между Россией и Турцией. Это стало очевидным в рамках заявлений, сделанных премьер-министром Эрдоганом во время его визита в Москву (10–12 января 2005 г.).

Хотя Россия несколько смягчила свои взгляды в пользу Турции в связи с кипрским вопросом, в основе своей политика России не изменилась. Наряду с развивающимися хорошими отношениями между Россией и Турцией, пересмотр существующей классической позиции России как сторонницы греков включал то, что Россия стала в некоторых вопросах наблюдать и за ТРСК.

В силу исторических факторов и своей привязанности к православным ценностям, а также благодаря экономическим отношениям, которые со временем укрепили эту близость, Россия не склонна положительно относиться к политике, направленной против Греции. Москва считает, что план Аннана был разработан слишком поспешно. Кроме того, российское правительство утверждает, что решение этой проблемы должно быть справедливым, жизнеспособным и устойчивым, и поэтому оно должно сформироваться не под влиянием внешних условий, а посредством договоренности между двумя сторонами.

Объективные исследования показывают, что основные принципы политики России в отношении Кипра не изменились, а просто стали несколько более объек-

тивными по сравнению с тем, что было раньше. Здесь речь идет не столько об изменениях в политике, сколько о некоторых ревизиях, вызванных новыми обстоятельствами. То, что эти изменения воспринимаются в качестве шагов, предпринимаемых в поддержку Турции, является частью естественного процесса.

Примечание

¹ Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф. Современные турецко-российские отношения: проблемы сотрудничества и перспективы развития. Нижний Новгород – Стамбул, 2004. С. 139.

² Perspektif. Ocak. 2000. С. 14–15.

³ Milliyet. 21.05.1998.

⁴ Sinan Ogan // Türk – Rus İlişkilerinde Kıbrıs sorunu. Perspektif. Avrasya İsbirligi. Mart-Nisan-May. 2005.

⁵ www.mid.ru

⁶ Sabah. 01.05.2004.

⁷ www.mfa.gov.tr

⁸ Answers.com.

⁹ www.milliyet.com.tr.21.09.2005.

¹⁰ Milliyet. 01.09.2005.

¹¹ www.eubusiness.com.

**Подписка на 2007 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Основные проблемы управления НКО*

Светлана Панасенко,

кандидат экономических наук
(Северокавказский государственный
технический университет)

В соответствии с современной концепцией управления организации, в том числе и некоммерческие (НКО), должны обеспечивать внешне ориентированное (на потребителей, конкурентов, рынок) управление. Поэтому, в первую очередь, был проведен анализ внешних факторов, которые находятся вне сферы постоянного контроля руководства НКО, но которые косвенным или прямым образом влияют на эффективность управления некоммерческими организациями.

Число возможных факторов внешней среды достаточно велико, поэтому был проведён анализ тех сфер, которые оказывают существенное влияние на деятельность и управление организации. Это четыре группы факторов: политико-правовые, экономические, социокультурные и технико-технологические (табл. 1).

В каждой из этих четырёх групп в качестве главных факторов, оказывающих наибольшее влияние на деятельность НКО, необходимо выделить такие, как:

- деятельность федеральных, региональных и местных органов власти, законодательное регулирование деятельности НКО в РФ, налоговую политику (среди политико-правовых факторов);

- уровень и качество жизни населения, социальную дифференциацию населения, традиции, обычаи, привычки

и социальную активность населения (среди социокультурных);

- официальный прожиточный минимум, уровень конкуренции, развитость рыночной инфраструктуры и направления инвестиционной политики (среди экономических факторов);

- компьютерную грамотность, возможность подключения к ИНТЕРНЕТ и другим средствам связи, уровень развития соответствующей техники и технологии (среди технико-технологических факторов).

Указанные факторы внешней среды наиболее сильно влияют на стратегические позиции НКО на рынке, воздействуя на их внутренние элементы.

Для выявления данных факторов внешней среды были использованы такие методы, как: прогнозирование отдельных тенденций и событий, сценарный анализ и факторный анализ.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П.Федоренко. Проект № 2005-065.

Таблица 1

PEST-анализ факторов внешней среды НКО в РФ

Политико-правовые факторы – деятельность федеральных, региональных и местных органов власти; – налоговая политика; – позиция государства по отношению к иностранным инвестициям; – законы по охране окружающей среды; – уровень политической стабильности; – законодательное регулирование деятельности НКО; – регулирование численности, занятости населения; – группы давления (политического, экономического и другого характера); – международная политика.	Экономические факторы – тенденции ВВП; – уровень инфляции; – уровень безработицы; – контроль над ценами и заработной платой; – инвестиционная политика; – процентная ставка и курс национальной валюты; – официальная минимальная заработная плата; – официальный прожиточный минимум; – уровень конкуренции; – развитость рыночной инфраструктуры.
Социокультурные факторы – уровень и качество жизни населения; – социальная дифференциация населения; – демографическая структура населения; – стиль жизни; – традиции, обычаи, привычки; – социальная активность населения; – особенности национального менталитета; – развитость культуры; – стереотипы поведения; – историческое наследие.	Технико-технологические факторы – государственная политика в области НТП; – защита интеллектуальной собственности; – развитость аренды (лизинга) технических средств; – скорость устаревания компьютерного оборудования и программного обеспечения; – источники новых идей; – возможность подключения к ИНТЕРНЕТ и другим средствам связи; – компьютерная грамотность.

В результате основным типом внешнего окружения российских НКО является тип под названием *“изменяющаяся среда”*, который характеризуется быстрыми переменами (экономическими, законодательными, новшествами в политике конкурентов, изменениями в предпочтениях потребителей и т.д.). Данный тип внешнего окружения создаёт большие трудности для управления НКО в стране. Проведенный *SWOT-анализ* деятельности НКО в РФ, в отличие от *PEST-анализа*, представляет собой углублённый анализ внешних возможностей и угроз, и направлен на выявление и детальное понимание внешних благоприятных и неблагоприятных условий, внутренних стра-

тегически важных аспектов управленческой деятельности НКО и связанных с ними стратегических проблем.

Результаты *SWOT-анализа* показывают, что к наиболее важным благоприятным условиям внешней среды можно отнести: продолжение демократизации общества; повышение роли, значения и численности НКО; расширение сферы услуг; развитие инфраструктуры НКО; появление новых технических возможностей; усиление взаимодействия со всеми ветвями власти, организациями бизнеса и другими некоммерческими организациями.

К неблагоприятным следует отнести: налоговые ограничения; неразвитость благотворительности, добровольческого движения, филантропии бизнеса; сохранение остроты многих социально-экономических

проблем, межнациональных и военных конфликтов; сокращение отечественных и иностранных инвестиций; повышение конкуренции; слабую информированность и осведомлённость местного сообщества о деятельности НКО; дороговизну рекламы и т.д.

Критически важными и значимыми сильными сторонами НКО в современных условиях являются: ориентация на высокое качество услуг и повышенное внимание к клиентам; заинтересованность работников НКО в конечных результатах труда; использование добровольцев; тесный контакт с потребителями, клиентами; рациональное использование рабочего времени; наличие новых, оригинальных идей решения острых социально-экономических проблем и т.д.

К слабым сторонам российских НКО следует отнести такие, как: низкий профессиональный уровень руководства организации; значительную зависимость от факторов внешней среды; низкую финансовую и организационную устойчивость; недостаток отдельных специалистов и т.д.

Дополнение полученных выводов *PEST- и SWOT-анализов* результатами отраслевого и конкурентного анализов:

- характеристики стадии жизненного цикла некоммерческого сектора;
- определения направлений роста;
- структуры и масштабов конкуренции;
- барьеров входа в отрасль;
- структуры отраслевых издержек;
- системы сбыта;
- тенденций развития сектора и т.д.)

показало, что некоммерческий сектор относится к развивающимся областям, хотя и наблюдаются разные изменения составляющих сектор структурных элементов (например, государственных и негосударственных НКО); отмечается усиление конкуренции за получение финансовых и материальных источников формирования дохода НКО; усиливается конкуренция на рынках, где реа-

лизуются производимые товары или предоставляемые услуги НКО (причём в более выигрышном положении при этом оказываются те НКО, которые имеют положительный имидж, имеют многочисленные двухсторонние связи с органами власти, организациями бизнеса, другими НКО и особенно СМИ); барьеры входа в отрасль носят характер законодательных ограничений, требований к уровню профессионализма некоммерческой деятельности, наличия различных лицензий и т.д.

К наиболее важным результатам отраслевого и конкурентного анализов – определение ключевых факторов успеха некоммерческих организаций в Российской Федерации относятся:

- Выявление и решение наиболее острых и актуальных проблем общества в соответствии с уставной деятельностью;
- Квалифицированный персонал;
- Гибкость структуры управления;
- Высокая организационная и финансовая устойчивость;
- Эффективные внутренние и внешние коммуникации;
- Сотрудничество с органами власти и организациями бизнеса;
- Объединение с другими НКО, совместная работа с ними;
- Налаживание контактов со СМИ;
- Инновации, творчество;
- Прозрачность поступления и расходования средств;
- Высокое качество товаров (услуг);
- Тесный контакт с потребителями, клиентами;
- Широта охвата потребителей товаров (услуг);
- Имидж НКО, её безупречная репутация;
- Эффект масштаба известности НКО;

- Использование труда добровольцев;
- Заинтересованность в конечных результатах труда;
- Использование передового отечественного и зарубежного опыта.

При этом под ключевыми факторами успеха понимаются общие для всех организаций некоммерческого сектора управляемые переменные, реализация которых даёт возможность улучшить конкурентоспособность любой НКО.

Анализ выявленных сильных и слабых сторон деятельности российских НКО в сравнении с ключевыми факторами успеха в некоммерческом секторе позволил заключить, что в настоящее время управление некоммерческими организациями в РФ не позволяет создавать необходимые условия для обеспечения их успешной деятельности, не соответствует требованиям эффективного управления и основано на конкурентных преимуществах низкого ранга (наличие непрофессиональной рабочей силы – добровольцев, традиционной технологии, наличие большого спроса на услуги НКО и т.д.).

При этом хорошо известно, что для повышения конкурентоспособности НКО в современных условиях требуется овладение конкурентными преимуществами высокого ранга (наличие квалифицированного персонала, высокой репутации, развитым маркетингом, инновациями, долговременными связями с потребителями, органами власти, другими НКО, СМИ и т.д.).

Налицо противоречие между требованиями современной внешней среды и имеющейся организацией управления в российских НКО или наличие стратегической проблемы неэффективного менеджмента, несоответствия системы управления новым условиям.

Таким образом, результаты проведенного анализа и результаты анализа мнений различных специалистов в области управления НКО¹⁻⁴ позволяют сделать следующие выводы:

Во-первых, деятельность НКО в России происходит в сложных условиях.

Во-вторых, существует большой перечень негативных или специфических моментов, осложняющих управление большей частью некоммерческих организаций.

Итак, проблемы управления НКО имеют как внутренний, так и внешний характер:

- *к внутренним проблемам* относятся организационная и финансовая слабость НКО в результате недостатка профессионализма в управлении НКО;
- *к внешним* – трудности во взаимоотношениях с властными структурами, коммерческими организациями, населением, СМИ, слабая информированность населения о деятельности НКО (что также является следствием непрофессиональных действий руководителей некоммерческих организаций).

На основании этого можно сделать вывод, что несоответствие системы управления новым условиям происходит в результате как изменений требований внешней среды, так и низкого уровня профессиональных знаний руководства НКО, связанного с отсутствием научного подхода к их управлению, недостаточное использование новых методов и технологий управления.

Именно это является самой главной причиной неэффективности НКО в России.

Таким образом, в современных условиях необходимо осознанное и комплексное применение достижений науки управления в соответствии с изменяющимися требованиями внешней среды, что должно позволить некоммерческим организациям не только выжить, но и быть успешными в достижении поставленных целей.

Примечания

- ¹ *Акции по сбору частных пожертвований: успешные модели и опыт / Сост.: М.А. Юдина, П.В. Слезавин, Г.Д. Божевская, А.В. Зотова. Ставрополь: ГП "Ставропольская краевая типография", 2000. С. 5.*
- ² *Баханькова Е.П., Макальская М.Л. Некоммерческие организации в России: финансовое управление. М.: Издательство "Дело и сервис", 2004. С. 15.*
- ³ *Гамольский П.Ю. Некоммерческие организации: бухгалтерский учёт и налогообложение в 2001 году. М.: Издательство "Бухгалтерский учёт", 2001. С. 5.*
- ⁴ НКО России: предварительные итоги // Деньги и благотворительность. 2001. № 1. С. 11.

**Подписка на 2007 г.
на журнал "Обозреватель – Observer"
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Подготовка кадров иностранных спецслужб

Евгений Серебряков,
Сергей Королев

Одной из характерных черт современных государств Запада является исключительно большое внимание, уделяемое вопросам профессиональной подготовки кадров, занятых в сфере производства и управления. В основе такого подхода как со стороны руководителей государства, так и частного сектора лежит достаточно простое и прагматическое соображение, суть которого заключается в том, что успешно и качественно выполнять работу могут только хорошо подготовленные люди, а для этого их надо соответствующим образом обучать.

Как утверждает в одной из своих книг известный американский специалист в области управления Паркинсон, "одним из самых ценных достояний большинства организаций являются хорошо подготовленные специалисты. Предвидеть будущие потребности в них и организовать их подготовку – это одна из важнейших долгосрочных задач организации"¹.

Паркинсон отмечает, что "для удовлетворения текущих и будущих потребностей компании в квалифицированном персонале необходима систематическая подготовка руководителей и специалистов. Потребности в людских ресурсах необходимо предвидеть заранее, чтобы всегда иметь в запасе специалистов на случай внезапных увольнений, а также для роста и расширения компании"¹.

Общие принципы, требования и особенности работы с кадрами за рубежом, в том числе в области подготовки персонала, полностью относятся к работе с кадрами иностранных спецслужб. Кадровые аппараты этих организаций внимательно отслеживают тенденции и достижения в данной области и стараются реализовать в своей практической деятельности то, что подходит и может быть полезным для подготовки специалистов разведывательных и контрразведывательных служб.

Основные черты и особенности системы профессиональной подготовки кадров

Военно-политическое руководство ведущих зарубежных стран одним из важнейших условий сохранения стабильности существующего строя и

обеспечения национальных интересов своих стран считает наличие в государстве хорошо оснащенных и боеспособных специальных служб, которые рас-

* Статья построена на анализе материалов профессиональной подготовки кадров, главным образом, американских спецслужб, которую в странах Запада рассматривают как показательную систему.

смаатриваются как “первая линия обороны”. В свою очередь, результативность деятельности спецслужб там вполне обоснованно ставится в зависимость от деловых и моральных качеств работающих в них людей. Отсюда главный принцип кадровой политики спецслужб – комплектование их надежными, преданными и умелыми работниками.

Система подготовки кадров спецслужб включает в себя два взаимосвязанных направления деятельности: обучение персонала и воспитательную работу с ним. В структуре каждой спецслужбы есть кадровые подразделения, действующие по этим направлениям и занимающиеся подбором, изучением, обучением и кадровым обслуживанием личного состава.

Для подготовки кадров некоторые спецслужбы используют свои собственные учебные заведения, другие пользуются услугами объединенных учебных центров или центров, принадлежащих партнерам.

Вопрос о выборе той или иной системы организации учебной базы зависит от многих причин, в том числе от финансовых возможностей как самих спецслужб, так и государств в целом.

Например, в Великобритании в настоящее время под влиянием сокращения бюджетных ассигнований идет процесс консолидации учебных заведений различных спецслужб за счет объединения их в рамках Центра военной разведки и безопасности (*Defence Intelligence and Security Centre*).

Содержание учебного процесса в центрах подготовки сотрудников спецслужб определяется задачами и направленностью деятельности той или иной спецслужбы, общий же принцип профессионального обучения одинаков – прохождение на начальном этапе базовой подготовки и периодическое обу-

чение на курсах повышения квалификации в течение всего срока службы.

Так, для спецслужб США учебный процесс характеризуется такими особенностями, как четко выраженная специализация, практическая ориентация, интенсивность и краткосрочность. При этом учитываются особенности американского менталитета: трата силы и время на учебу, человек там, как правило, относится к обучению серьезно и прагматично, стремясь использовать получаемые знания и навыки для достижения более высоких результатов в работе, ибо благодаря этому возможно продвижение по службе, увеличение заработка, укрепление авторитета, удовлетворение других потребностей.

При подготовке кадров спецслужб важное значение придается усвоению и отработке навыков практической деятельности.

Один из “отцов-основателей” американской разведки Ален Даллес отмечал, что самое важное в обучении сотрудников спецслужб – это “привитие им практических навыков оперативной деятельности. В частности, разведывательные школы США активно используют для этого практику юридических учебных заведений, обучающихся на конкретных делах, а также армейскую методику, создавая обстановку, “приближенную к боевым действиям”, когда обучаемый должен действовать точно так, как если бы он работал самостоятельно, находясь в иностранном государстве”².

Программы обучения персонала спецслужб включают в себя, как правило, четыре основных компонента:

- специдисциплины,
- страноведение,
- языковую,
- военно-физическую подготовку.

Учебный процесс состоит из трех основных частей: лекции, семинары (лабораторные занятия) и практические занятия.

Слушатели, успешно усвоившие пройденный материал, получают соответствующий сертификат.

Система подготовки кадров зарубежных спецслужб включает в себя не

только обучение персонала в учебных заведениях и на разного рода курсах и семинарах, но и стажировку на рабочем месте непосредственно в подразделениях спецслужб. В некоторых спецслужбах такая стажировка может продолжаться даже по завершении учебного курса, а ее результаты влияют на принятие окончательного решения относительно устройства “новичка” на то или иное место работы.

В ЦРУ США, например, для всех вновь принимаемых на работу лиц устанавливается годовой испытательный срок, а для кандидатов на оперативную работу еще один, дополнительный, годовой пробный срок (*1-year trial period*).

Важную роль в подготовке кадров зарубежных спецслужб играет *воспитательная работа*, являющаяся наряду с профессиональным обучением неотъемлемой частью целостной системы подготовки кадров. Характерной особенностью воспитательной работы с личным составом зарубежных стран является отсутствие в ней прямой пропаганды господствующей в обществе идеологии.

Политико-идеологические мотивы привносятся в воспитание ненавязчиво и в качестве составной части работы по укреплению и поддержанию у слушателей учебных заведений и сотрудников подразделений спецслужб высокой степени лояльности и преданности стране, ведомству и своему делу, по повышению их профессионального мастерства. Основную нагрузку в области воспитательной работы несут руководители низового и среднего звена, непосредственно соприкасающиеся с персоналом. Именно в их обязанность входит оказание соответствующего влияния и воздействия на подчиненных при повседневном общении с ними.

Качественная подготовка кадров требует соответствующего *финансового и материально-технического обеспечения*.

Адекватное финансирование является неперенным условием эффективной работы по подготовке кадров спецслужб. Финансирование программ подготовки кадров осуществляется за рубежом главным образом за счет ассигнований, выделяемых государством на нужды той или иной спецслужбы. Насколько можно судить по информации, получающей публичную огласку, особых жалоб со стороны учебно-подготовительного комплекса спецслужб западных государств на недостаток финансирования не возникает. В США, например, информационно-справочные и пропагандистские материалы о спецслужбах непременно оповещают о широких возможностях получить хорошую базовую подготовку, продолжить образование и повысить квалификацию по самым разным направлениям. Эти материалы позволяют судить и о высоком уровне материально-технической базы учебного процесса.

Тем не менее, спецслужбы не отказываются от возможности добыть дополнительные средства для подготовки кадров нетрадиционными, коммерческими способами.

Так, Центр военной разведки и безопасности Великобритании для компенсации сокращенных бюджетных ассигнований открывает платные курсы подготовки сотрудников спецслужб дружественных иностранных государств, а в разведсообществе США рассматривается вопрос о допуске за плату на языковые курсы некоторых организаций разведсообщества представителей других федеральных структур.

Примерами использования дополнительных источников финансирования нужд учебных центров спецслужб могут также служить распродажа упомянутым выше Цент-

ром военной разведки и безопасности Великобритании излишков служебной жилой площади и военной техники или меры разведсообщества США по распространению

за плату негосударственным потребителям разработанных на языковых курсах сообщества методик обучения иностранным языкам.

Организация и функционирование системы подготовки кадров спецслужб США

В американской практике работы с кадрами для характеристики понятий “обучение” и “подготовка” употребляются термины “*education*” (обучение, образование, просвещение) и “*training*” (подготовка, тренировка). При этом термин “*training*” употребляется чаще и в более широком смысле, включая в себя, как правило, содержание понятия “обучение”. В разведывательном сообществе США подготовку и обучение кадров относят к одной из трех функциональных областей разведки, называемой “*инфраструктура разведки*”.

В раздел “Обучение и подготовка” функциональной области “Инфраструктура” входят программы обучения и подготовки, учебные заведения, курсы подготовки и повышения квалификации и все другие аспекты и компоненты системы обучения и подготовки кадров спецслужб.

Вопрос о подготовке кадров спецслужб США на современном этапе следует рассматривать в контексте федеральной программы “Образование в интересах национальной безопасности”. Эта программа была введена в действие еще в декабре 1991 г. законом под аналогичным названием и является “преемницей” программы “Образование в интересах национальной обороны” (1958 г.) в обстановке своеобразного психологического потрясения, испытанного американским обществом под воздействием запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли.

Хотя формально закон 1991 г. касается субсидирования государством изучения иностранных языков и страноведения только студентами и выпускниками гражданских вузов и не затрагивает вопросы подготовки кадров непосредственно в спецслужбах, в нем сформулировано общее направление усилий в области подготовки кадров американских спецслужб.

Об этом в законе говорится следующее:

“Недавние изменения в мире создают новые угрозы международной стабильности. Хотя напряженность, вызванная “холодной войной”, продолжает ослабевать, заметно возросли и усилились конкуренция в области экономики, региональные конфликты, террористическая деятельность, распространение оружия.

Национальная безопасность и экономическое процветание Соединенных Штатов в будущем будут существенным образом зависеть от способности их граждан использовать в общении и конкуренции с зарубежными странами знание языка и культуры этих стран.

Федеральные власти заинтересованы в том, чтобы сотрудники министерств и ведомств, имеющих отношение к обеспечению национальной безопасности, были в достаточной степени подготовлены к реагированию на вызовы, которые возникают в результате происходящих в мире изменений”³.

Среди целей программы “Образование в интересах национальной безопасности” называются, в частности, увеличение масштабов и улучшение качества преподавания и изучения иностранных языков, страноведения и других “критически важных” для на-

циональных интересов США предметов в области международных отношений, а также расширение контингента специалистов, которых можно было бы использовать на работе в государственных учреждениях, связанных с обеспечением национальной безопасности³.

Для реализации заложенных в законе “Об образовании в интересах национальной безопасности” идей и положений предусмотрен соответствующий механизм.

Разработка критериев отбора студентов-стипендиатов, определение условий предоставления стипендий, выбор стран, языков и страноведческих дисциплин, контроль за осуществлением программ, составление ежегодных докладов президенту и конгрессу США о проделанной работе – все эти функции возложены на Совет во главе с министром обороны, в состав которого также входят министр образования, государственный секретарь, директор Центральной разведки и ряд других лиц, имеющих необходимые знания и опыт работы в сфере национальной безопасности и образования. Деятельность Совета находится в поле зрения законодателей: обо всех мерах по регламентированию процесса реализации предусмотренных законом программ министр обороны как руководитель совета в предварительном порядке уведомляет специальные комитеты по разведке обеих палат конгресса.

В разведывательном сообществе США придают *серьезное значение координации действий* в области подготовки кадров. В этих целях в рамках сообщества создан Консорциум руководителей учебных заведений.

Кроме Консорциума, в рамках разведсообщества существует ряд других руководящих и координирующих органов, призванных содействовать реше-

нию вопросов подготовки кадров, особенно в области изучения иностранных языков. Важное место среди них занимает Комитет по изучению иностранных языков при директоре Центральной разведки. Комитет уполномочен заниматься перспективным планированием в сфере изучения иностранных языков в учебных центрах разведсообщества, разработкой учебных программ и их финансированием, обеспечением взаимодействия между учебными заведениями различных организаций разведсообщества. В ЦРУ накоплен значительный опыт работы по подготовке кадров для использования на различных направлениях и участках разведывательной деятельности. Вопросами подготовки кадров в этом ведомстве занимается Управление подготовки и обучения Административного директора.

Важное место в работе по подготовке кадров отводится созданию *контингента потенциальных кандидатов* для службы в разведке.

Известны такие программы деятельности в этой области, как Программа параллельного обучения для студентов вузов, Программа для аспирантов, Программа для студентов колледжей и выпускников средних школ.

Цель всех этих программ состоит в том, чтобы ознакомить потенциальных кандидатов из числа студентов колледжей и университетов с некоторыми аспектами деятельности разведслужб США, заинтересовать их и побудить к поступлению на работу в ЦРУ.

Названные выше программы представляют собой элементы системы предварительной профориентации, которая позволяет разведывательному ведомству провести изучение и проверку потенциальных кандидатов на работу из числа студентов и дать им первичную подготовку. Принимающие уча-

стие в занятиях по этим программам студенты не связаны формальным обязательством поступить на работу в ЦРУ.

Для студентов вузов, принявших решение поступить после окончания гражданского учебного заведения на оперативную работу в ЦРУ, существует отдельная программа подготовки, которая называется “Программа летней интернатуры и материальной поддержки студентов, желающих поступить на работу в ЦРУ”.

Допуск к участию в этой программе обусловлен выполнением подавшим заявление о приеме на работу в ЦРУ студентами ряда условий и требований. В частности, они должны сдать вступительный экзамен и пройти проверку, включая медицинскую и на полиграфе. И только после того, как будет установлено, отвечает ли подавший заявление соответствующим критериям, определяется контингент лиц, которые допускаются к занятиям на 10-недельных летних курсах.

Реализация программы обучения осуществляется на протяжении почти двух лет. Если первый ее этап – вступительный экзамен – проводится в октябре одного года, то летние курсы проходят в июне-августе следующего года, а прием на работу в ЦРУ – летом второго по счету календарного года⁴.

Базовая профессиональная подготовка лиц (помимо названной выше категории студентов), после соответствующей проверки и тестирования включенных в число кандидатов на работу в ЦРУ, осуществляется в рамках Программы профессиональной подготовки кадров. Эта общая программа состоит из ряда частных программ, каждая из которых предусматривает подготовку с учетом специализации будущих сотрудников ЦРУ.

Обучение и стажировка по Программе профессиональной подготовки кадров проводятся в Специальном учебном центре ЦРУ под Вашингтоном и в соответствующих подразделениях центрального аппарата ведомства. Программа рассчитана на 10 месяцев. Из этого срока на стажировку в подразделениях отводится 8–10 недель. Конкретный срок подготовки, объем и характер изучаемых предметов зависят от предполагаемой специализации курсантов.

Будущие оперативные работники изучают специальные дисциплины (разведка, контрразведка, активные мероприятия), страноведение, занимаются языковой и военно-физической подготовкой. Изучение теории сочетается с отработкой навыков на практических занятиях. Особое внимание при этом уделяется привитию курсантам навыков конспирации и работы с агентурой.

Американские специалисты считают, что молодое пополнение ЦРУ получает хорошую базовую подготовку, однако уровень постановки образования в рамках программ повышения квалификации оставляет желать лучшего.

Бывший главный юридический советник ЦРУ Дж.Смит в газете “Нью-Йорк таймс” еще в 1996 г. отмечал, что “одно из слабых мест ЦРУ – это отсутствие хорошего образования у многих наиболее опытных его сотрудников. Новички проходят хорошую подготовку, но в ЦРУ нет сколько-нибудь серьезной программы подготовки сотрудников, которые находятся в середине своей карьеры.

У ЦРУ нет ничего похожего на институт дипломатической службы государственного департамента или военную академию вооруженных сил.

Сотрудники ЦРУ только выиграют, если периодически будут вырываться из этого тайного мира, чтобы поразмышлять о проблемах национальной безопасности и обсудить различные идеи в академической обстановке”⁵.

Организация подготовки кадров в ФБР во многом совпадает с аналогичной практикой ЦРУ.

Непосредственно вопросами обучения и подготовки занимается Управление подготовки кадров. Если в прошлом при подборе кандидатов на работу ФБР традиционно ориентировалось на выпускников юридических факультетов вузов, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, то в последние годы бюро расширило рамки контингента кандидатов на работу, существенно увеличив набор лиц, имеющих, в частности, экономическое и финансовое образование и хорошо знающих банковское и коммерческое дело.

Для повышения эффективности подбора кандидатов на работу ФБР осуществляет “Программу доверенных студентов-практикантов”.

Реализация “Программы доверенных студентов-практикантов” позволяет ФБР привлекать на работу хорошо образованных людей, сознательно идущих на эту службу.

Подбор кандидатов осуществляется сотрудниками территориальных подразделений ФБР из студентов, окончивших не менее трех курсов колледжа. Среднее количество стажеров составляет 40–50 чел. в год.

Во время стажировки практиканты встречаются с ответственными сотрудниками ФБР, совершают ознакомительные поездки в территориальные подразделения, Академию ФБР. В дальнейшем сотрудники местных органов и центрального аппарата ФБР продолжают контакты с кандидатами для оказания на них дополнительного воздействия к принятию решения о работе в бюро.

Отобранные после соответствующей подготовки и тестирования кандидаты на работу в качестве оперативных работников направляются на 15-недельные курсы базовой подготовки в специальном учебном

заведении – Академии ФБР (г. Куонтико, шт. Виржиния).

Программа обучения включает теоретические занятия по изучению специальных дисциплин с упором на отработку навыков оперативно-розыскной деятельности и занятия по военно-физической подготовке.

Базовая подготовка и занятия по программам повышения квалификации сотрудников федеральных правоохранительных органов, входящих в структуру министерства финансов США (Секретной службы, Таможенной службы, Службы внутренних доходов, Бюро по вопросам алкогольных напитков, табачных изделий и огнестрельного оружия) и в состав других федеральных ведомств (помимо ФБР), осуществляются в Федеральном центре подготовки сотрудников правоохранительных органов, действующем с 1970 г.

Продолжительность занятий в рамках базовой подготовки составляет 8 недель. Продолжительность курсов повышения квалификации различна и зависит от изучаемых предметов.

Центральным органом, занимающимся вопросами подготовки кадров для военной разведки и контрразведки, является Разведывательное управление министерства обороны (РУМО) и входящее в его состав учебное заведение – Объединенный колледж военной разведки.

Административные функции, связанные с определением потребностей в специалистах того или иного профиля, набором слушателей, их трудоустройством по окончании учебы, выполняет Административный директорат РУМО.

Как и другие спецслужбы, РУМО подбирает для себя кадры из числа военнослужащих и гражданских лиц, имеющих соответствующее образование и практический опыт работы.

Все сотрудники управления подпадают под действие Программы предложения профессиональной службы, предусматривающей систематическую подготовку, повышение профессионального мастерства и продвижение по службе для решения задач, возлагаемых на РУМО.

От сотрудников, занимающихся сбором и анализом разведывательной информации, программа требует знания иностранных языков и умения работать со страноведческим материалом.

Сотрудники управления обязаны периодически проходить проверку на соответствие занимаемым должностям.

Вопросами обучения персонала военных спецслужб занимается Объединенный колледж военной разведки.

Колледж создан в январе 1963 г. в качестве учебного заведения, готовящего кадры специалистов для РУМО и органов разведки и контрразведки видов вооруженных сил. Его главной задачей является "содействие подготовке и успешной профессиональной деятельности военнослужащих и гражданских лиц, занятых в сфере разведки или планирующих сделать разведывательную деятельность своей основной специальностью".

В колледже действуют два 9-месячных очных отделения (факультета), где дают подготовку по программам для лиц с высшим образованием и не имеющих такового, а также двухгодичное отделение, где получают разведывательную подготовку резервисты вооруженных сил, имеющие высшее образование.

Слушатели с высшим образованием получают по окончании курсов ученую степень магистра наук в области стратегической разведки. В колледже есть также отделение подготовки сотрудников военных атташатов.

Кроме того, в колледже действуют свыше 45 различных курсов повышения квалификации с продолжительностью занятий от одного дня до 12 недель.

Ежегодно по программам колледжа проходят подготовку свыше 250 чел.

Помимо объединенного колледжа военной разведки вопросами профессиональной подготовки персонала американских военных спецслужб занимается Институт безопасности министерства обороны, который специализируется на организации краткосрочных курсов и семинаров для практических работников, занятых в сфере обеспечения безопасности объектов министерства обороны и видов вооруженных сил.

Характерной особенностью системы подготовки кадров американских спецслужб является усиливающееся в последние годы внимание к обучению их сотрудников иностранным языкам. Времена высокомерного отношения к проблеме владения иностранными языками ("английский – международный язык и его достаточно для решения всех вопросов") прошли. Знание иностранных языков, включая знание языков стран СНГ, признано важным условием достижения успехов в оперативной работе. Для руководства процессом языковой подготовки сотрудников ведомств, входящих в состав разведсообщества США, при директоре Центральной разведки функционирует упоминавшийся выше Комитет по изучению иностранных языков, которым определены задачи и основные направления деятельности по совершенствованию языковой подготовки на ближайшее будущее.

Важное место в системе подготовки кадров американских спецслужб занимают программы и мероприятия, связанные с повышением квалификации уже работающего персонала. По масштабам вовлеченных в данный процесс сил, средств и участников эта де-

тельность не уступает, а по числу обучающихся, видимо, и превосходит аналогичные параметры, относящиеся к базовой подготовке принимаемого на работу пополнения.

Сложившаяся в США практика работы с кадрами, в том числе с кадрами спецслужб, предполагает обязательное и неоднократное привлечение персонала к занятиям, направленным на повышение их профессионального мастерства. Сотрудникам спецслужб предоставляется возможность повышать квалификацию в рамках своей узкой специальности или приобретать новые знания и навыки в смежных областях. Для обозначения этого второго направления повышения квалификации в Америке ввели в употребление даже специальный термин – *“перекрестная подготовка”*.

Выдвигая на первый план интересы службы, руководство по мере возможности старается учитывать и желания конкретного работника, стремясь добиться совпадения интересов обеих сторон.

После терактов 11 сентября 2001 г. в рамках реформирования разведсообщества власти США приняли решение о необходимости совершенствования системы профессиональной подготовки кадров.

Так, в ЦРУ на основе подразделений, занимавшихся учебой и повышением квалификации сотрудников, специально был создан Университет ЦРУ (*Central Intelligence Agency University – CIAU*).

Ранее этот комплекс учебных заведений непосредственно входил в состав Управления кадров ЦРУ (*Office of Chief Human Resources Office*).

В частности, одна из структурных единиц CIAU – *“Школа анализа разведывательной информации Шермана Кента”* (*Sherman Kent School for Intelligence Analysis – SKSIA*) курируется аналитическим Директоратом разведывательной ин-

формации (*Directorate of Intelligence*) ЦРУ.

В университет вошли: 11 школ, колледжей и академий. Общее руководство ими осуществляет директор CIAU. Территориально большинство учебных заведений, входящих в структуру CIAU, расположены на объекте под условным названием *“Ферма”* в 10 милях от штаб-квартиры ЦРУ, неподалеку от города Вильямсбург (шт. Вирджиния) на территории военно-морской базы Кэмп-Пири (*Camp Peary Naval Reservation*).

CIAU располагает хорошей материально-технической базой, штатом опытных преподавателей и инструкторов, а также отработанными учебными методиками.

Считается, что *“Ферма”*, равно как и другие составляющие системы специального обучения и подготовки кадров для ЦРУ, способна справиться с поставленной Белым домом задачей по увеличению на 50% личного состава оперативных подразделений американской разведки в ближайшие несколько лет.

Во вновь созданном учебном заведении осуществляется преподавание не только специальных дисциплин, непосредственно связанных с получением и анализом информации, но и читывается материал по такой проблематике, как:

- тенденции в мировой экономике;
- международное банковское дело;
- международный рынок нефтепродуктов и другим приоритетным проблемам.

При необходимости получения знаний по дисциплинам, не входящим в программы учебных заведений университета, используются возможности для направления сотрудников ЦРУ для повышения квалификации на различные курсы ряда университетов Вашингтона (округ Колумбия) или в военные вузы такие, как *National War College* или *Army or Naval War College*.

Выводы

Анализ изложенной информации дает основание сделать следующие выводы: вопросам обучения и профессиональной подготовки кадров ведущие зарубежные государства и их спецслужбы придают важное значение и уделяют самое серьезное внимание, обоснованно считая, что наличие хорошо подготовленных кадров является обязательным условием успешной работы спецслужб.

Осознание властными структурами важности качественной подготовки кадров и всемерное – материальное и морально-психологическое содействие этому направлению деятельности можно считать отличительной и характерной особенностью современной теории и практики работы с кадрами спецслужб в странах Запада.

Если обратиться к опыту США, то здесь можно особо выделить следующие два момента:

во-первых, это те значительные усилия, которые прилагаются спецслужбами и государством в целом по созданию контингента потенциальных кандидатов на работу в спецслужбах. Бесспорно, на эти цели затрачиваются довольно значительные силы, средства и время. Но зато создается резерв соответствующим образом ориентированных и даже прошедших первичную подготовку кандидатов, из которых можно черпать пополнение, необходимое для поддержания на должном уровне штатной численности спецслужб. При этом в результате изучения и проверки кандидатов существенно снижается вероятность попадания в их ряды случайных людей;

Второй момент – это нацеленность системы подготовки на максимально широкое и прочное привитие обучающимся тех профессиональных знаний,

умений и навыков, которые необходимы им в практической работе.

Сравнительный анализ систем обучения и подготовки в российских правоохранительных органах и специальных служб стран Запада дает основание считать, что наша российская система по своим основным параметрам в принципе не отличается от известных зарубежных аналогов и не уступает им. И наша, и зарубежные системы структурно состоят из непосредственно профессиональной подготовки и воспитательной работы.

И там, и в российской системе программы обучения включают в себя четыре основных компонента: спецдисциплины, страноведение, языковую и военно-физическую подготовку.

Учебный процесс состоит из трех основных частей: лекции, семинары, практические занятия.

И там, и здесь имеется стремление в максимально возможной степени приближать учебный процесс к условиям реальной оперативной деятельности.

Из опыта подготовки кадров в США особого внимания в плане возможной реализации заслуживает деятельность по повышению квалификации работающего персонала.

Изменения в оперативной и политической обстановке в ряде зарубежных стран и мире в целом, появление новых моментов в деятельности иностранных спецслужб против России, новые установки в их работе следует активно учитывать при подготовке кадров российских правоохранительных органов, информацию на эти и другие касающиеся работы российских спецслужб темы следует регулярно и в систематизированном виде доводить до сведения руководителей и сотрудников

оперативных подразделений. Периодическое информирование-обучение полезно также и для работников информационного, оперативно-технического, кадрового и педагогического направлений работы.

Персонал всех направлений деятельности российских правоохранительных органов должен регулярно проходить через курсы повышения квалификации не реже одного раза в 5 лет. Поскольку речь не идет о получе-

нии базовой подготовки, курсы повышения квалификации не должны быть длительными по сроку: оптимальный вариант – это 3–4 недели с отрывом от производства. Принцип “покороче, но чаще”, которого придерживаются иностранные спецслужбы в организации работы по повышению квалификации своих кадров, представляется разумным и приемлемым для использования при подготовке кадров российских правоохранительных структур.

Примечания

¹ Паркинсон С.Н., Рустомджи М.К. Бизнес – это люди. М.: МИТР, 1995. С. 122, 167.

² Даллес А. Искусство разведки. М.: Международные отношения – МП “Уллис”, 1992. С. 80.

³ Compilation of Intelligence Laws and Related Laws and Executive Orders of Interest to the National Intelligence Community. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1995. P. 245, 270–277.

⁴ Career Trainee Summer Internship and Tuition Assistance Program for 1990 Graduates. Информационно-справочная брошюра ЦРУ. Central Intelligence Agency, 1988.

⁵ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. 02.12.96. С. “АМ”-2.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Традиции кремлевского посольского обычая XV–XVII вв. в современной протокольной практике

Игорь Семенов,

начальник Управления протокола
Президента РФ (1997–2002 гг.)

В последние годы интерес читающей публики к истории внешней политики России возрос настолько, что любые ее аспекты становятся объектом пристального и, главное, заинтересованного внимания. Деидеологизация истории позволила взглянуть на многие проблемы более широко, выйдя за рамки советского периода. Это относится и к истории дипломатического протокола России.

При внимательном изучении документов российских архивов, зарубежных источников, дневников и мемуаров иностранных дипломатов и военных, побывавших в Москве в XV–XVII вв., становится ясно, что многие основополагающие принципы современного дипломатического протокола зарождались именно в ту эпоху – в годы становления суверенного Московского государства.

Выяснить, что же сохранилось от посольского обычая эпохи Московского государства в современном дипломатическом протоколе России и других стран – вот задача, которую решает автор – кадровый дипломат, руководитель Управления протокола Президента РФ в 1997–2001 гг., Посол по особым поручениям МИД РФ в 2002–2003 гг. И.Н.Семенов.

Автор формулирует основные принципы современного протокола, применяемые практически всеми странами мира. Сплетение истории и современности позволяет читателю лучше разобраться в тонкостях дипломатической протокольной практике наших дней.

Этим предисловием наш журнал предваряет публикацию ряда статей, посвященных необычной теме – истории российской протокольной практики.

Редакция

На первый взгляд, казалось бы, что может сохраниться в современном мире от того образа жизни, тех обычаев, какие существовали в Московском государстве 500 лет назад. Но в этом и состоит интерес исследователя, задавшего себе этот вопрос и пытающегося найти на него ответ, листая пыльные страницы архивных документов, сохранившиеся записи Посольского и Разрядного приказов, читая мемуары и дневники иностранных дипломатов, купцов и военных, побывавших в Москве в XV–XVII вв. Сейчас, когда тема российской идентичности, богатейшая история нашей страны вызывает в российском обществе все больший интерес, исследование исторических начал и в столь специфической области, как дипломатический протокол, несомненно заслуживает самого пристального внимания.

Изучение темы традиций кремлевского посольского церемониала является попыткой найти истоки современной дипломатической практики, проследить генезис посольских обычаев на протяжении длительного периода российской истории и определить то общее, что связывает прошлое и настоящее дипломатического протокола.

Удивительно, но, чем больше читаешь материалов из российских и зарубежных источников, относящихся к прошлому нашего государства, тем больше находишь общего в подходах “протокольников” Московского княжества и современной России к приему иностранных гостей. Благодаря сохранившимся и дошедшим до нас довольно многочисленным мемуарам и дневникам побывавших в средневековой Москве иностранцев, а также отчетам московских посольств в другие страны – “статейным спискам”, материалов для сравнительного анализа предостаточно.

Воспоминания и отчеты дипломатов остаются, пожалуй, единственным источником, доносящим до нас дух времени, рисующим живую, повседневную жизнь боярской Москвы, сохранившим для нас слова, мысли и поступки наших предков – бояр, дьяков и подьячих кремлевского Посольского приказа и простых горожан. Именно они были создателями придворного посольского церемониала – образа современного дипломатического протокола.

Основные его элементы, закладывавшиеся во второй половине XV в. при Иване III, сложились в стройную систему протокольных норм “посольского обычая” в начале XVI в. при его сыне Василии III. Собираение разрозненных частей русских земель в единое государство, утверждение за Москвой роли преемника Византийской империи, образа твердыни православия, выход Московского государства на международную арену, женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора, все эти факторы вынуждали московских великих князей и их придворных в короткое время выработать такую внешнюю политику и соответственно такой посольский церемониал, который бы отвечал возросшему значению Руси и новому образу его великих князей.

Патриархальный домашний стиль общения с иностранными послами, существовавший еще во второй половине XV в. при Иване III, уже не годился. Статус русского государя, выросший в XV в. в глазах иностранцев многократно, не позволял следовать старым упрощенным схемам посольского церемониала. Требовались церемониальные нормы, соответствующие внешнеполитическим задачам московских государей. И, естественно, что боярский Кремль перенимал все самые достойные, отвечавшие его пониманию величия русского государя, нормы из церемониальной посольской практики, доступные в то время Москве.

На протяжении XV–XVII вв. придворный посольский церемониал, как часть кремлевских церемониалов, сложился в систему правил, обрядов, традиций, которые нигде не будучи прописаны, тем не менее соблюдались неукоснительно, до малейшего слова и жеста.

Посольский церемониал этого периода всегда оставался инструментом достижения конкретных внешнеполитических целей. Любой элемент придворного церемониала был продуман до мелочей, оставаясь, с одной стороны, строго зарегламентированным, а с другой – подвижным, “модульным”. В каждом конкретном случае при приеме представителя той или иной страны применялся свой набор определенных “модулей”. “Модульный” метод использования протокола остается актуальным и в настоящее время.

В посольском обычае Кремля прослеживаются основополагающие принципы, на которых строится вся современная протокольная практика. Как показывает сравнительный анализ при изучении российских и европейских средневековых посольских церемониалов, без всяких сомнений формирование общих краеугольных принципов в качестве основы дипломатического общения шло одновременно как в Европе, так и в Московском государстве. Причем их совершенствованию в немалой степени способствовал интенсивный дипломатический обмен, развернувшийся между Москвой и столицами европейских монархий со второй половины XV в., то есть со времени окончательного освобождения Руси от татаро-монгольского ига.

Немаловажная причина схожести московских и европейских подходов к посольским церемониалам кроется и в том влиянии, которое на их становление оказывал

богатый опыт, накопленный Византийской империей, являвшейся наследницей традиций Древнего Рима. Жесткая борьба придворных дипломатов разных стран за то, чтобы ни в коем случае не допустить умаления чести своего государя, неизбежно приводила к нахождению компромиссных решений, устраивавших обе стороны. Итогом многовековой полемики стали выработка и применение на практике ряда базисных протокольных норм, просуществовавших века и сохранившихся до наших дней.

Как 500 лет назад, так и теперь непреложным остается требование неукоснительного соблюдения церемониально-протокольных норм в международной практике межгосударственной дипломатии. Отступление от них или целенаправленное нарушение может нанести ущерб престижу другого государства, чести его руководителя, негативно отразиться на взаимных отношениях в целом^{1,2}.

Основополагающим принципом, на основе которого и выросли русский посольский обычай и зарубежный церемониал, является **принцип международной вежливости**.

Все средневековые и современные протокольные нормы межгосударственных отношений так или иначе исходят из этого принципа. Нормы международной вежливости регламентируют любые вопросы межгосударственных отношений¹.

Прежде всего, это – государственная символика (в средние века – титул монарха, сейчас – флаг, герб, гимн); отношение к официальным представителям государства (в средние века – к послам, посланникам, гонцам, сейчас – к официальным лицам страны любого уровня); реагирование на те или иные события в дружественном государстве (в средние века – кончина монарха или вступление на престол, в современности также и национальный празд-

ник, стихийное бедствие, катастрофа и др.); церемонии встреч и проводов представителей иностранных государств (в средние века – только посольств и отдельных дипломатов, в настоящее время – официальных делегаций); вручение верительных грамот (в средние века “верящих” грамот), дипломатических переговоров (“сидение у бояр в ответной полате”); заключение соглашений (“крестное целование dokonчальной грамоты” или, если это мирное соглашение, – “перемирной грамоты”, а также присяга на Евангелии); обмен подарками (в средние века – красочная и торжественная передача “поминок”, сейчас – упрощенная, но все же сохранившаяся традиция), торжественный обед у главы государства (“государев стол” в Кремле или на посольском подворье).

В древности иностранные дипломаты, въезжавшие в пределы Московского государства, сразу ощущали на себе внимание великокняжеского, а позднее царского двора. Навстречу им направлялся специальный чиновник – “пристав”, как правило, “дворянин, человек старый и роду честного”³. Пристав обязан был сопровождать иностранное посольство до Москвы и следить за тем, чтобы по пути от границы до столицы послам “безчестья никакого не было, чтоб им во всем было честно”⁴. Все члены посольства сразу брались на “государево содержание”, им выдавались “корм по розписи” и питье (мед, пиво, вино).

Примером такого заботливого внимания к иностранным дипломатам может служить, например, отношение Кремля к посольству персидского шаха в 1589–1590 гг., когда в Нижний Новгород, где была сделана остановка на пути из Астрахани в столицу, специально “меды красные про кизылбашских послов с Москвы посланы”⁴.

В понятие международной вежливости в те времена, также как и сейчас, в отношении приема послов входило предоставление принимающей стороной средств транспорта (подводы, лошади, “кореты”, сейчас – автомобили), а также мест для отдыха и ночлега.

Когда послы в чем-то ощущали нужду и хотели заплатить сами, то получали от

русских такой ответ, какой приводит в своих воспоминаниях императорский посол Сигизмунд Герберштейн, приезжавший в Москву в 1516–1517 гг. Ему посоветовали не тратить свои деньги, потому что, как сказали приставы, “мы обещаем содержать вас точно также, как вы содержали наших людей в ваших странах”⁵.

Кремлевский двор уже тогда понимал, что соблюдение определенных правил вежливости и гостеприимства в отношении приезжающего посольства является обязательным. Более того, форма приема иностранного посольства может превратиться в дипломатический инструмент, которым можно воспользоваться для демонстрации государю, приславшему посла, отношение к нему Кремля.

Такой же нормой вежливости, свято и неукоснительно соблюдавшейся боярской дипломатией в XV–XVII вв., были веками отработанный церемониал первой “встречной” аудиенции у великого князя.

Так, он сам должен был с непокрытой головой, и обязательно привстав с трона, поинтересоваться у посла о здоровье приславшего его монарха, после чего принимал “верящую” грамоту и допускал его к своей руке.

Обязательным было также требование, чтобы во время прощальной – “отпускной” аудиенции великий князь передал поклон монарху, направившему посла в Москву.

Такого же отношения Кремль требовал и от иностранных дворов. Нарушение этой нормы считалось оскорбительным и вызывающим. Любые нарушения церемониальных правил иностранным двором в отношении московского посла рассматривалось в Кремле, как попытка умалить достоинство русского государя. С послом монарха, допустившего такое обращение с московским посланником, Кремль расплачивался “той же монетой”.

Князь Мосальский, присланный в Москву польским королем в 1487 г., не спросил великого князя о его здоровье и не привез ему от короля подарков – за это и Михаилу Еропкину, посланному в 1488 г., не было наказано спросить польского короля Казимира о его здоровье и поднести ему подарки. Отпуская Еропкина, король не передал великому князю поклон. Тогда и Иван III, отпуская Мосальского, так же не передал поклона королю.

Такой же казус имел место и в отношениях Москвы с сыном австрийского императора Фридриха III королем Римским Максимилианом: в 1492 г. Иван III, отправляя к нему посла, не приказал передать ему поклона, так как его посол “не правил поклона” великому князю от короля. И, наоборот, в 1490 г., когда посол Траханиот, отправленный Иваном III к императору, донес, что тот оказал ему великую честь, выслав своих вельмож за пять верст навстречу, а на аудиенции император “сам встречал его, сступив со своего места ступени три, четыре, да руку подавал стоя”, а затем “посадил против себя на скамейке близко”, то и Иван III приехавшему послу Георгу фон Турну оказал такие же почести: выслал ему на встречу придворного Юрия Хозяка, стоя подал послу руку и посадил его “около себя близко на скамейке”. Равным образом великий князь Василий Иванович принимал в 1516–1517 гг. императорских послов Сигизмунда Герберштейна и графа Нугароля совершенно также, как ранее московского посла Племянникова принял в Инсбруке император.

И в XVII в. при Романовых продолжали строго следить за отношением к нашим представителям за границей и принимали меры, чтобы обращением с ними ни в чем не была умалена честь пославшего их государя. В 1613 г. австрийский император, принимая московских послов Степана Ушакова с дьяком Заборовским, при имени государя не встал, а лишь “маленько приклонился и шляпу сымал”, а отпуская их, “приказывал к государю челобитье сидя”. То, что Ушаков и Заборовский не возразили против этого, было им после возвращения в Москву поставлено в вину, а посланному к императору в следующем 1614 г. послу Ивану Фомину был дан подробный наказ,

что делать и что говорить, чтобы не допустить подобного умаления чести своего государя⁶.

Абсолютно такое же значение принципу вежливости придается в настоящее время.

Как писал признанный специалист в области дипломатического протокола Ф.Ф.Молочков: “Если известный афоризм Сервантеса – “ничто не дается нам так дешево и ничто не ценится так дорого, как вежливость” – имеет общечеловеческое значение, то для дипломата или другого лица, участвующего “в сфере международной”, вежливость – неременная норма дипломатического протокола”¹.

Соблюдение почтительности и уважения всего того, что символизирует и представляет государство, объединяемое в понятие принципа международной вежливости, было и остается основой отношения разных стран к приему иностранных делегаций. В современной протокольной практике это выражается, например, в ненавязывании гостю своих представлений и норм, внимательное отношение к его пожеланиям. При тщательном и кропотливом согласовании протокольных церемоний и в настоящее время определяются все нюансы, начиная от предоставления транспорта, питания, охраны и заканчивая порядком встречи и проводов, церемониями приема у главы государства, вручения верительных грамот, торжественных обедов и собственно переговоров.

Вторым краеугольным принципом, который зародился в средние века и остался в современной протокольной практике, является **территориальный принцип**. Он означает, что в основе дипломатического церемониала страны лежат национальные особенности, характерные только для данного государства. При наличии общепринятых и

непреложных элементов, как, например, вручение послом “верящих” грамот в руки монарха, территориальный принцип в средние века подразумевал использование в каждой стране своих собственных церемониальных норм, не похожих на зарубежные.

Во Франции, например, это приглашение посла на утренний королевский туалет⁷; в России – царский стол “подчивание”; в Китае – церемония “кэтоу”, предусматривавшая в ходе аудиенции у богдыхана поклоны, “пад на колена, головою до земли, трижды по трижды”⁸.

Иностранным дипломатам, судя по их воспоминаниям, в Москве крайне не нравились такие специфические нормы русского посольского обычая, как непременно снятие головного убора перед боярами и дьяками, представлявшими великого князя, обязательное повторение при каждом упоминании имени великого князя (позднее царя) и его полного титула.

В то же время, нельзя сказать, что московских послов радовала необходимость, находясь в Китае, исполнять церемонию “кэтоу”. Кстати эта норма средневекового китайского протокола как нельзя лучше демонстрирует плюсы и минусы территориального принципа. Естественно, что русские послы, приезжавшие в Китай, считали такую церемонию унижительной, прежде всего из-за того, что она могла затронуть честь государя. Известно, что китайцам огромных трудов стоило уговорить русских послов согласиться исполнить эту церемонию.

Так, посольство в Китай Николая Спафария (1675–1678 гг.) чуть не сорвалось из-за упорного нежелания посла падать на колени и кланяться богдыхану. А приезжавший до него посол Федор Байков вынужден был из-за этого вернуться в Москву, так и не выполнив поручение.

В современной протокольной практике территориальный принцип по-прежнему применяется и соблюдается всеми сторонами.

В Швеции, например, это обязательное требование, чтобы официальные гости во время визита размещались в королевском дворце; в США и Канаде – в личных резиденциях руководителей этих стран; в странах Юго-Восточной Азии – обычай надевать на гостей летние рубашки национальных расцветок и гирлянды из цветов; в Индии – снятие обуви при посещении могилы Махатмы Ганди; в Польше – возложение венков к трем могилам, павших во Второй мировой войне; в Северной Корее и Вьетнаме – посещение мавзолеев бывших лидеров этих стран; в Великобритании – предоставление гостю кареты для приезда на аудиенцию к королеве.

В любом случае в наши дни территориальный принцип в протоколе разных стран предусматривает применение норм, отдающих дань национальным традициям, а не прихотям того или иного чиновника. Именно поэтому, в отличие от периода XV–XVII вв., протокольные службы различных государств терпимо и благосклонно относятся к подобного рода пожеланиям принимающей стороны.

Следующим принципом, зародившимся в средние века и остающимся в практике наших дней, является важный принцип взаимности.

В XV–XVII вв. он позволял московскому дипломату требовать от двора иностранного монарха предоставление ровно такого же “набора” знаков внимания к послу и в его лице к государю, его направившему, какой был оказан ранее послу этого монарха в Москве, и наоборот. Нарушение принципов взаимности в любых церемониальных нюансах рассматривалось как демонстративный жест, свидетельствующий об изменении в ту или иную сторону отношения к послу лично, либо к государю, его направившему.

Наглядным примером, рисующим, как на практике выглядело использование прин-

ципа взаимности, может служить существовавший преимущественно в XV–XVI вв. обычай приглашать иноземного посла к царскому столу. Причем этот обычай существовал и при ряде европейских и азиатских дворов. Само приглашение к столу во дворце было “честью” для посла, а отсутствие такого приглашения – “безчестием”⁹.

Русские дипломаты, направленные в посольства ко дворам иноземных монархов, в обязательном порядке требовали (на основе взаимности, так как это было в московском обычае) приглашения их к столу монарха.

В Праге, например, им неоднократно вынуждены были объяснять, что “у римских цесарей изначала того в обычае не ведется, что послов звати ести”.

В Москве неприглашение к царскому столу было демонстрацией негативного отношения к послу или к его монарху. Зная это, литовский гонец, например, в 1584 г. “в хоромах заперся” и отказался даже видаться с русскими приставами “за то, што государь ево не звал ести”⁹.

Еще в большей степени московские послы требовали соблюдения взаимности во всех нюансах церемоний “встречной” и “отпускной” аудиенций.

Когда в 1567 г. направленный в Швецию московский посол И.М.Воронцов столкнулся с требованием шведов еще до аудиенции у короля начать переговоры с его советниками, он ответил, что “...прислал нас государь наш к королю, а не к советникам его”, “не бывав нам у короля, к советникам не хаживати”.

Когда же Воронцов добился приема у короля, шведы вновь попытались нарушить обязательный и принятый в посольском церемониале того периода обычай, согласно которому принимающий монарх лично должен был на первой аудиенции поинтересоваться здоровьем московского государя, а на последней – передать ему поклон. Первый королевский советник попытался, якобы от имени короля, поинтересоваться здоровьем московского государя, на что московский посол заявил: “Яз у короля того не слышу, чтоб он о государя нашего здоровье спрашивал”, добившись в ре-

зультате того, что хотел – “король учал про царево и великого князя здоровье сам спрашивати”¹⁰.

Гонец к императору Священной Римской империи К.Скобелцин в 1573–1574 гг. заявлял: “И то не ведетца, что мне, великого государя, царя и великого князя, гонцу, не видев цесаревых очей, доехать к государю своему”.

А в 1585 г. царь Федор Иоаннович в своей грамоте английской королеве Елизавете открыто возмущался тем, что русский гонец был на отпуске (то есть на последней аудиенции) не у самой королевы, а у канцлера: “И то, где слышно, что гонцов ко государем отпускати и поклон к нам, к великим государям, приказывати писарем, а не государю к государю приказывати”¹⁰.

Мы видим, как тщательно русские послы соблюдали принцип взаимности, ведь его нарушение означало бы нанесение оскорбления чести государю, да и влекло за собой возможную опалу допустившего такое посла. В Разрядных книгах сохранилось немало примеров, как за нарушение царских указаний послов били в Кремле батогами и отправляли в ссылку.

В то же время всякая принципиальность в вопросе о взаимности улетучивалась, как только этого требовали серьезные внешнеполитические задачи. После кончины царя Ивана Грозного и вступления в 1584 г. на престол слабого Федора, Москва делала все, чтобы продлить перемирие с поляками и не допустить начала новой войны.

С этой целью русскому послу Андрею Измайлову, посланному к королю Стефану Баторию, был дан наказ “вести себя умеренно, уступать относительно церемоний: к панам не ходить, грамоту отдать самому королю; но если будут упрямиться, станут непременно требовать, чтоб ему быть у панов, то ему к панам идти, только речей не говорить и грамоты верющей не давать”¹¹.

В современной протокольной практике принцип взаимности является од-

ним из самых используемых. Конечно, он употребляется в тесной увязке с территориальным принципом. Приезжающий гость может требовать на основе взаимности всего, но, только не нарушая национальных традиций (территориального принципа). Глава иностранной делегации или посол вправе рассчитывать на прием такого уровня, какой удаивались прежде представители принимающей страны в стране гостя. На основе взаимности решается и масса других вопросов (предоставление гостю транспорта, соответствующей резиденции, питания, охраны, количества мест за столом переговоров и приглашенных на торжественный обед и т.д.).

Стоит отметить, что и сейчас принцип взаимности часто используется той стороной, которая хочет добиться для себя больших уступок, чем предлагает другая сторона, считающая территориальный принцип важнее.

Одним из наиболее древних сохранившихся в протоколе до наших дней является **принцип прецедента**.

Московские бояре и посольские дьяки на протяжении веков очень внимательно отслеживали появление любых новых элементов в церемониалах зарубежных государств, относящихся к приему московских послов, фиксируя их в посольских отчетах ("статейных списках"). Одновременно в книгах Посольского и Разрядного приказов отмечались малейшие детали организации пребывания в Москве иностранных гостей. В последующем созданный когда-то прецедент рассматривался как норма, обязательная для дальнейшего использования в кремлевской посольской практике.

Именно на основе принципа прецедента в Московском государстве опре-

делялся церемониальный порядок приема иноземного посла.

Например, в 1683 г. при регентше малолетних царей Ивана и Петра царице Софье Посольский и Разрядный приказ, получив указ подготовиться к встрече "великих и полномочных послов свейского Карлуса короля", тщательно изучили архивные материалы.

Только проанализировав соответствующие прецеденты, созданные при встречах как шведских, так и польских, персидских, голландских послов за последние 10 лет, Кремль принял окончательное решение.

"И великие государи и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцы указали тех свейских послов встретить за Тверскими воротами в тех местах, где наперед сего встречали свейских же великих послов. А на выезде быть стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и диакон, и жильцом, и всяким приказным людем, и полковником с стрелецкими приказами во всем противу выезду, как был против свейских же великих послов Густава Оксенстерна с товарищи..."¹².

Вот еще один пример из истории посольского обычая XV–XVII вв.

В 1566 г. русские приставы при польском посольстве сообщили царю Ивану Грозному о том, что послы вместо того, чтобы выехать в Кремль на встречу с царем в назначенное время, отправились слушать "обедни у своих попов". Возмущенный царь "поговорил з бояры" и постановил, что "у прежних послов того в обычае не было" и "то они делают не попригожу, что государь долго ждет". Поэтому решили, что царю следует также отправиться в Благовещенский собор "слушать обедни", а послов, когда они придут во дворец, провести не самым почетным путем и поместить в одну из палат, где они и будут дожидаться приема у государя, пока "обедню отпоют"⁶.

Когда в 1570 г. ситуация повторилась и в назначенное для приема у царя время польский посол "учал молиться", бояре вспомнили о прецеденте четырехлетней

давности и “приговорили” преподавать тот же самый урок¹⁰.

Принцип прецедента используется в протокольной практике и в наши дни. В ходе переговоров о предстоящем визите руководителей своего государства дипломаты и работники протокольных служб нередко ссылаются на опыт предыдущих визитов. Когда одна сторона по каким-либо причинам отходит от церемониального опыта прошлых лет, другая, если это ей выгодно, тут же вспоминает принцип прецедента. Это касается, например, место проживания руководителя государства во время визита, количества сопровождающих лиц, участвующих в переговорах, мест их проведения и т.д. Отступление от прецедента вызывает определенную настороженность и законное требование пояснить причины этого. Каждая из сторон при этом соблюдает свои интересы, опасаясь, как и в старину, “ни в чем государеву честь не умалить”.

Не менее древним принципом, является **принцип (или правило) правой руки**, который означает, что место по правую руку хозяина почетнее места по левую руку. Естественно, что в средние века этот вопрос нередко становился предметом ожесточенных споров между представителями разных стран. Любопытно, как решался этот вопрос в Москве в XV–XVI вв..

По наблюдениям голштинского посла Адама Олеария, побывавшего дважды в Московском государстве в 30-х годах XVII столетия, “вообще же русские, если три или более человек идут или едут рядом, считают высшим местом то, на котором правая рука наружу и свободна, (то есть никого нет правее)”¹³.

Трудно согласиться с послом, по мнению которого это чуть ли не исключительно русский обычай.

Во все времена и в разных странах сидеть по правой руке хозяина считалось более почетным. Этот обычай родился во времена непрекращающихся войн, когда наличие меча у мужчины было гарантией его безопасности.

Оставлять правую руку свободной означало возможность быстро и без помех выхватить меч и вступить в бой. Сажать же по правую руку по той же причине, можно было только человека, которому хозяин полностью доверяет и который не помешает, в случае необходимости, вытащить из ножен меч¹⁴.

Во время торжественных встреч иностранных послов близ Москвы и их сопровождения в Кремль велись бесконечные споры с русскими приставами о том, кому ехать по правую руку.

Ни одна, ни другая сторона не уступали.

Посольские дьяки нашли гениально простое решение – высылали двух сопровождающих, которые ехали и по правую, и по левую стороны послов.

Когда гость ехал в санях или в карете, то, как правило, с правой руки от него сидел все же русский пристав.

Что касается рассадки за “государевым столом”, то в XV–XVII вв. этот принцип применялся неукоснительно: как и при организации приемов в наши дни, почетнее (“честнее”) являлись места, находившиеся ближе к царю и те, что расположены по его правую руку. Было одно важное отличие – государь никогда не сидел за общим столом. Между столом великого князя, находившимся ближе других, и столами гостей “с той и с другой стороны оставлено было столько расстояния, сколько пространства мог бы он захватить, если бы протянул руки”⁵.

В настоящее время правило правой руки строго соблюдается протокольными службами всех стран мира. Его нарушение в деловом или бытовом этикете может означать только одно – желание продемонстрировать соответствующее отношение хозяина к гостю.

Как показало изучение московского посольского обычая XV–XVII вв., в меньшей степени тогда были задействованы еще два принципа, применяемые в современной протокольной практике. Речь идет о **принципах очередности и единообразия**.

В соответствии с первым определяется порядок визитов глав государств и других официальных представителей в зарубежные страны. Нарушение этого принципа допускается в редких случаях, вызванных какими-либо серьезными обстоятельствами, например, осложнением международной обстановки в целом или в одном из регионов, а также необходимостью в срочном порядке обсудить проблемы в двусторонних отношениях.

Порядок визитов посольств разных стран друг к другу в XV–XVII вв. определялся, как правило, необходимостью проведения переговоров о мире или перемирии, о военном союзе или взаимопомощи. Посольства направлялись также для информирования дружественных государств о кончине монарха и о вступлении на престол нового государя.

Известен пример направления Москвой в 1613 г. целой серии посольств в крупнейшие европейские державы с сообщением об окончании Смуты и воцарении в Кремле первого из династии Романовых – царя Михаила Федоровича.

Обычной международной практикой в тот период было отправление вместе с окончившим свою миссию посольством другой страны собственных послов, которые везли с собой ответы на переданные монархом другой страны предложения. Конечно, этот порядок не был связан только с посольским обычаем, а вызывался и необходимостью облегчить тяготы поездки для своего посольства.

Если сейчас принцип единообразия понимается, в том смысле, что одинаковый набор протокольных норм должен применяться для руководителей и официальных представителей одного

ранга любой страны, то в средние века как в Москве, так и в других государствах существовал несколько иной подход. С одной стороны, использовался похожий на нынешний порядок применения строго определенных церемониальных мероприятий в отношении дипломатов разного ранга: послов, посланников, гонцов (из католических государств во главе посольств направлялись также нунции и интернунции). Для представителей разных государств предусматривался в целом одинаковый порядок пребывания в Московском государстве. Это относилось и к уровню встречающих и сопровождающих посольство кремлевских служителей, и к его размещению и обеспечению, и к церемониалам встреч, проводов, аудиенций и переговоров.

С другой стороны, в посольском обычае XV–XVII вв. существовала четкая градация государств, из которых приезжали посольства, по степени их значения для внешней политики Москвы. Такая же градация применялась и в отношении посольств, присылавшихся из этих стран.

Так, на первом месте по уровню приема в Москве стояли послы императора Священной Римской империи, затем Польши, Англии, Швеции, Дании, Нидерландов и так далее, заканчивая послами “ногайскими” и “калмыцкими”²³.

Вот как об этих различиях в уровне приема послов разных стран в Москве писал в 1666 г. подъячий Посольского приказа Григорий Котошихин (по указу царя Алексея Михайловича за ошибку в грамоте в написании царского титула битый батогами и бежавший затем в Польшу и Швецию): “А как бывають на Москве цесаря Римского послы, также Полского, и Аглинского, и Датцкого королей, и Турские, и Пер-

ситские: и им бывает приниманье и честь во всем против того ж, что и Свейским послом; только Цесарским послом и Полским и Аглинским бывает перед Свейскими послами прибавка в естве и в питье, да рынд* бывает по шесть человек; а посланником и гонцом всех тех вышеписанных государств ... бывает против того, как писано выше сего во всем”³.

Элементы такого подхода можно встретить и в современной практике. Если готовится визит главы крупного, дружественного государства или если главы государств связаны взаимной симпатией, то в применяемый набор единообразных церемоний обязательно добавляются нюансы, отличающие этот визит от обычных визитов подобного уровня.

Таким образом изучение истории формирования русского посольского обычая XV–XVII вв. не носит сугубо научный характер. Сравнительный анализ помогает понять истоки многих составляющих современной протокольной практики. Более того, знание истории такой специфической области, как дипломатический церемониал, может помочь в создании самобытного российского протокола наших дней, обогатить его многими ценными элементами.

Примечания

- ¹ *Молочков Ф.Ф.* Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М.: Международные отношения, 1979. С. 6–7, 14.
- ² *Лядов П.Ф.* История русского протокола. М.: Международные отношения, 2004. С. 98, 98–99.
- ³ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884. С. 66–78.
- ⁴ *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1506–1612 гг. М.: Наука, 1976. С. 125.
- ⁵ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 198, 204.
- ⁶ Московский Кремль в старину и теперь. Сост. *Бартенев С.П.* Кн. 2. М.: Изд. Министерства Императорского Двора, 1916. С. 135, 343.
- ⁷ Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева). Л.: Наука, 1972. С. 80.
- ⁸ *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.). М.: Гл. редакция восточной литературы, 1967. С. 332.
- ⁹ *Юзефович Л.А.* Из истории посольского обычая конца XV – начала XVII вв. (Столовый церемониал московского двора). Исторические записки. М.: Наука, 1977. С. 331.
- ¹⁰ *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. М.: Наука, 1984. С. 100, 101, 107.
- ¹¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Фолио, 2001. Кн. 4. Т. 7. С. 267.
- ¹² *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа 17 века. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 206.
- ¹³ *Адам Олеарий.* Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. С. 45.
- ¹⁴ *Семенов И.* У истоков кремлевского протокола. М., Интербук, 2005. С. 16.

* Рынды – охранники из кремлевских придворных, стоявшие у царского трона с оружием при торжественных мероприятиях, в том числе встречах послов.

Глобализация с человеческим лицом

Анатолий Хазанов

доктор исторических наук,

Вячеслав Ушаков,

доктор политических наук,

Константин Марков

Имя Томаса Фридмана хорошо известно на Западе. Являясь лауреатом Пулитцеровской премии, он регулярно пишет для *The New Times* статьи на горячие темы будь то международный терроризм или проблемы экономики США. Его репортажи практически каждую неделю перепечатывают ведущие газеты Америки и стран ЕС.

Популярность рассуждений Фридмана обусловливается широким распространением в американской политической мысли мондиалистских теорий. Согласно им, на современном этапе эволюции международного сообщества существует две тенденции:

во-первых, намечается объединение цивилизационных потенциалов во благо всех народов Земли;

во-вторых, происходит строительство униформного мира по западным лекалам.

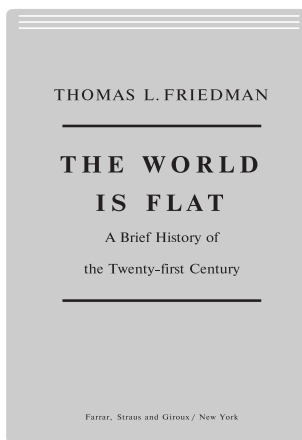
В рассматриваемой нами монографии "*The World is Flat*" Фридман пишет не только о рецепте успеха, обеспечивающем "третьему миру" процветание, но и даёт анализ самого феномена глобализации. В соответствии с установками мондиализма, исследователь приходит к выводу о том, что она содержит в себе позитивные моменты.

Оптимистические умозаключения Фридмана можно свести к нескольким постулатам. Нынешний всплеск исламского экстремизма нельзя считать ведущим фактором, формирующим картину мира. Наоборот, главной силой, воздействующей на глобальную политику и экономику, по-прежнему остаются средства накопления и передачи информации. Они превращают нашу планету в один большой рынок и унифицируют цивилизации.

Фридман приводит факты, свидетельствующие о наступлении эпохи глобального однообразия. В частности, он пишет о мегаполисах Индии, которые как две капли воды похожи на города США благодаря небоскрёбам, рекламным щитам и площадкам для гольфа.

Претендуя на всестороннее раскрытие темы, аналитик обращается к истории. Он рассуждает о том, что унификация мира является завершающим этапом многовекового процесса объединения человечества в единое целое:

— На первой стадии (с 1492 по 1800 гг.) ведущая роль в данном процессе принадлежала колониальным империям. Они захватывали "заморские земли" и модернизировали их.

– На второй стадии (с 1800 по 2000 гг.) ключевым фактором унификации мира стала деятельность компаний, направленная на поиск рабочей силы и рынков сбыта. К концу XX века “продвинутый” житель Востока свободно приобщался к науке или осуществлял деловые контакты с партнёрами, находящимися за тысячи миль. Таким образом, если первоначально носителями идей глобализации выступали европейцы и американцы, то теперь она поддерживается частью населения Азии и Африки.

В качестве доказательства своей правоты Фридман ссылается на мнение “туземных” бизнесменов.

Например, он цитирует речь Раджеша Рао, главы индийской компании, специализирующейся на разработке компьютерных игр.

В беседе с автором г-н Рао заявил, что благодаря глобальной экономической интеграции и новым технологиям Индия с её внушительным интеллектуальным потенциалом получила шанс превратиться в великую державу.

Фридман детально рассматривает 10 факторов, которые, по его мнению, предопределили переход человечества к третьей стадии глобализации.

В качестве *первого фактора* исследователь называет падение Берлинской стены в 1989 г., ознаменовавшее крах мировой социалистической системы. Он обусловил “наше восприятие мира как единого сообщества”. Лидеры Китая и Индии окончательно поняли, что если они будут придерживаться исключительно централизованной экономики, то их страны в своём развитии зайдут в тупик.

Раскрывая суть *второго и третьего фактора*, Фридман вновь возвращается к теме влияния компьютера и Интернета на жизнь современного общества.

Под *четвёртым фактором* Фридман подразумевает недавнее появление общедоступных электронных источников информации.

Например, справочника *Wikipedia*, стихийно составляемый пользователями Интернета. Сведения, помещаемые в этом справочнике, они могут дополнять и редактировать по своему усмотрению. В 2004 г. *Wikipedia* включала в себя 850 тыс. разнообразных статей на 51 языке.

Пятый фактор означает появление в “третьем мире” стран, население которых, подобно Западу, способно развивать промышленность, связанную с применением новейших технологий, в частности Индии.

Ей удалось создать большую прослойку учёных, инженеров и врачей. В 1951 г. по инициативе Джавахарлала Неру в стране появилось 7 государственных политехнических университетов и множество частных колледжей. За 50 лет, прошедшие с того времени, сотни тысяч индийцев получили в их стенах качественное образование. Принимая во внимание то обстоятельство, что ныне в Индии проживает более 1 млрд. чел., можно понять, почему массовое стремление к знаниям породило в индийском обществе феноменальный культ наук.

“...Наличие превосходных технических институтов является главной причиной высокого интеллектуального потенциала индийцев. Вы не можете посредством взятки поступить в местный вуз. Студентом становится только тот, кто проходит сложные вступительные экзамены. Правительство совершенно не вмешивается в составление учебных программ, ориентированных на потребности рынка... Доказано, что тяжелее поступить в индийский колледж, нежели в Гарвардский университет”.

Шестой фактор, обусловленный предыдущим, означает перенос интеллектуальной работы из государств Запада в “третий мир”. Раскрывая его суть, Фридман опять говорит об Индии.

Накануне 2000 г. в США возникла необходимость регулировки часов компьютера типа Y2K. "Эта регулировка представляла для американского программиста крайне кропотливую и утомительную работу. Какая страна могла бы взяться за неё? Ответ очень прост: конечно же, Индия!".

Привлечение американскими компаниями индийских компьютерщиков ознаменовало собой новую форму сотрудничества между развитыми и развивающимися странами.

"Теперь любой вид обслуживания современной техники мог быть поручен нетребовательным и изобретательным специалистам, проживающим в Азии. Используя волоконно-оптическую связь с США, индийцы энергично взялись за изменение компьютерной программы и успешно осуществили его".

Аналитик пишет, что новая форма сотрудничества крайне выгодна для "третьего мира", поскольку обеспечивает высокий заработок местным профессионалам, способствует вестернизации "туземного населения" и, тем самым, делает их родину подлинно независимой.

По мнению Фридмана, с точки зрения крупномасштабного переноса наукоёмкого производства на Восток Китай является самым перспективным партнёром США.

Взлёт экономики "Поднебесной" привёл к тому, что число китайских высококвалифицированных инженеров ежегодно возрастает на 350 тыс. чел. Исследователь придаёт большое значение тому факту, что американские корпорации, открывая свои заводы в Пекине или Шанхае, стимулируют экспорт США. Почти 90% продукции, производимой на этих заводах, реализуется вне Соединённых Штатов.

Седьмой фактор Фридман связывает с появлением глобальной торговой сети, которая охватила практически весь земной шар. Для того чтобы читатели поняли суть воздействия этого

фактора, аналитик обращается к истории транснациональной корпорации *Wal-Mart*.

Владея в 60-х годах XX в. несколькими универмагами в Арканзасе, она решила пренебречь посредниками и обратиться непосредственно к производителям необходимых товаров, а также сосредоточить всё внимание на оптимизации процесса закупки.

Подобная стратегия оказалась на редкость удачной.

В 2004 г. *Wal-Mart* обладала 3000 отделений в США и 1000 дочерних фирм за рубежом. Крупнейшие производители оргтехники, такие как *HP*, ежегодно продают через сеть супермаркетов корпорации до 400 тыс. принтеров и компьютеров.

Ныне положение её в международном торговом бизнесе можно сравнить с ролью Китая в мировой экономике. Она может разорить любого производителя товаров народного потребления, чем и пользуется время от времени.

Восьмой фактор заключается в том, что транснациональные корпорации в качестве своих постоянных клиентов имеют маленькие компании, разбросанные по всему миру. Фридман обращает внимание читателей на то, что вторые без помощи первых не в состоянии обеспечить себя материально-технической базой, а первые с этой целью открывают свои филиалы в разных уголках Земли.

"Рассмотрим пример. Если у вас есть компьютер производства *Toshiba*, и он сломался, вы звоните в местное представительство компании и на основании предоставленной гарантии требуете ремонта. Представительство предложит вам отвезти компьютер в свою ремонтную мастерскую, которая, как правило, располагается не где-нибудь, а у вас под боком – в Луисвилле".

Девятый фактор подразумевает появление средств нахождения необходимой информации в Интернете, например, поисковой системы *Google*.

Важно то, подчёркивает аналитик, что данная система очень скоро даст возможность пользователям “всемирной паутины” искать информацию на любом языке.

Наконец, под десятым фактором Фридман имеет в виду широкое распространение по всему миру мобильной телефонной связи, облегчающей установление деловых связей, скажем, между Бангалором и Бангором.

Находясь под влиянием мондиалистских установок, Фридман подробно рассматривает позитивные изменения, которые, по его мнению, произойдут с человечеством в результате глобализации. Прежде всего, исследователь указывает на то, что аналитики не должны “ворчать по поводу наступившего цивилизационного однообразия”. Компенсацией за него станет грандиозный промышленный подъём, не имеющий аналогов в прошлом.

Фридман пишет, что новый виток НТР приведёт к тому, что отпадёт необходимость в визах для деловых поездок за рубеж. Исчезновение этой необходимости хорошо заметно в нынешних виртуальных контактах американских компаний и индийских программистов.

В качестве другого примера можно назвать деятельность авиастроительной корпорации *Boeing*. Она, используя волоконно-оптическую связь, только в 2005 г. привлекла к работе 800 российских специалистов.

Таким образом, радостно констатирует аналитик, осуществляется заветная мечта деловых людей: исчезают государственные границы, мешающие их активности.

В связи с вышесказанным исследователь цитирует небезызвестного Билла Гейтса.

В беседе с автором богатейший человек планеты заявил: “Тридцать лет назад, если бы у вас был выбор родиться гением

на окраине Бомбея или заурядным человеком в Америке, вы бы выбрали Америку, поскольку возможность достичь там благосостояния даже при отсутствии способностей, более вероятна. Но поскольку теперь множество людей по всей Земле успешно включаются в международный бизнес, значение личных качеств неизмеримо возросло. Теперь я бы предпочёл быть гением из Бомбея, нежели обычным американцем”.

Фридман указывает, что с завершением третьей стадии глобализации в мире не останется никаких препятствий для занятия интеллектуальным трудом, а зарплата всех квалифицированных рабочих постепенно станет одинаково высокой. Это произойдёт благодаря свободному переезду людей туда, где их таланты окажутся востребованы. Китайские профессионалы, мигрируя в США, будут успешно конкурировать с американцами. В свою очередь компании Китая, имея дело с открытой экономикой и заинтересованные в привлечении максимального числа способных специалистов, будут вынуждены увеличивать уровень оплаты их услуг.

Фридман делает особый упор на то, что в условиях окончательного превращения Земли в единый рынок исчезнет возможность возникновения войн. Поскольку все страны мира будут находиться в тесных торгово-экономических связях друг с другом, вооружённые конфликты, разрывающие эти связи, станут чрезвычайно губительными. Исследователь пишет, что значимость данных связей, как фактора, предотвращающего столкновения государств, в последнее время демонстрируется часто. Например, американские компании оказали в 2002 г. давление на Индию с тем, чтобы она прекратила политику конфронтации в отношении Пакистана.

Несмотря на свой оптимизм, автор всё-таки не мог обойти стороной те

моменты, которые замедляют процессы глобализации.

Во-первых, он рассуждает о принципиальной неспособности самой влиятельной державы, США, превратиться в “мозговой трест” человечества, который определял бы промышленное развитие мира. Только незначительное число коренной американской молодёжи решают посвятить свою жизнь науке. Многие преподаватели университетов бросают работу, не пользующуюся уважением общества. Урезаются ассигнования на фундаментальные научные исследования.

В связи с констатацией подобных фактов Фридман приводит следующее высказывание известного в США бизнесмена Трайси Куна: “Наука является универсальным языком всех технологий. Она стимулирует их развитие и улучшает качество повседневной жизни. Если наши дети не усвоят этот язык, они окажутся неспособными выдержать возросшую конкуренцию. Мы также не сможем организовать производство чего-либо”.

Более важная проблема, по мнению Фридмана, заключается в том, что большинство населения Земли категорически не приемлет саму идею глобализации. Рассматривая это явление, автор рассуждает о народах, проживающих в пограничных зонах между странами, которые уже охватили новые глобальные процессы, и теми регионами, которые “застряли” в доиндустриальной эпохе. Население подобных зон воочию наблюдает за достижениями глобализации, однако само не может воспользоваться ими. К пограничным зонам исследователь, прежде всего, относит Латинскую Америку и Ближний Восток.

В числе факторов, тормозящих вхождение названных регионов в “продвинутой” мир, автор называет неспособность их правящих элит проводить

политику, адекватную процессам глобализации.

В частности, он пишет, что мексиканское правительство Висенте Фокса не уделяет должного внимания государственным программам по изучению английского языка, а также отличается коррумпированностью и склонностью к популизму. Именно эти факторы мешают развитию в Мексике современных рыночных отношений и, соответственно, её интеграции в глобальную экономику.

Фридман испытывает огорчение перед культурной отсталостью мусульманского мира. По его мнению, ислам принципиально не способен к *глокализации*, то есть к усвоению инородных духовных ценностей. Арабская молодёжь негативно относится к Западу только потому, что “неверные” живут лучше “людей Бога”. Исходя из этой установки, она воспринимает себя авангардом человечества и призывает к уничтожению “кяфилов”. Автор много рассуждает о том, что комплекс неполноценности, испытываемый мусульманами, является катализатором для радикализации их сознания.

С учётом вышесказанного, идейная направленность книги Фридмана становится очевидной: **автор выступает против всего, что препятствует активности транснациональных корпораций.**

Причину же его ликования, связанного с унификацией мира и постепенным уничтожением государственных границ, хорошо объяснил Томас Джефферсон. “Торговцы не имеют Отечества, – писал этот политический деятель в 1814 г. – Страна, в которой они только проживают, не играет для них такой роли как страна, из которой можно извлечь прибыль.

Рассуждения Фридмана становятся малоубедительными, когда он доказывает, что глобализация отвечает

интересам всего человечества. В частности, его мысль о невозможности крупномасштабных войн в условиях глобального рынка выглядит наивной. Автор игнорирует тот факт, что государство, собираясь начать войну, часто просчитывает её издержки с потрясающей небрежностью.

Так Саддам Хусейн вряд ли предполагал, чем обернется для Ирака оккупация Кувейта в 1990 г.

“Прогрессивная” форма сотрудничества между постиндустриальными и развивающимися странами, о которой с восторгом говорит Фридман, является очередным способом использования дешевой рабочей силы “третьего мира”. Участие индийцев в модернизации компьютера Y2K следует рассматривать как свидетельство зависимости Индии от США. Индийские программисты, не имея возможности применить способности на своей родине, вынуждены браться за низкооплачиваемую работу, которую сами американцы уже не желают выполнять. Таким образом, развитие индийского общества во многом будет обусловлено его доступом к “объедкам западного стола”. Заметим, что данный фактор также влияет и на развитие интеллектуального потенциала России. (Аналогичны рассуждения Фридмана о найме компанией *Boeing* российских авиаинженеров).

Аналитик нисколько не сомневается в том, что упомянутая форма сотрудничества, в конце концов, превратит Индию и другие развивающиеся страны в подобие Запада.

Однако такого превращения никогда не произойдет.

Существует три причины, исключаящие создание развитых капиталистических государств в “третьем мире”:

– собственно Запад с его подавляющей конкуренцией, которая блокирует

рост промышленности в Азии и Африке;

– отсутствие у развивающихся стран сырьевых приделков и резервуаров дешёвого труда;

– распространение в “третьем мире” правового сознания, мешающее местным бизнесменам эксплуатировать соплеменников по 15 час. в сутки, как это делалось в Европе в эпоху первоначального накопления капитала.

Рассуждая о рождающейся индийской сверхдержаве, автор не пишет, что миллионы индийцев по-прежнему живут в вопиющей бедности. Он ничего не говорит о том, что разрыв в уровнях доходов населения развивающихся стран и граждан постиндустриальных государств постоянно увеличивается. Ныне большая часть человечества, действительно, выглядит однообразной – однообразной в своей нищете.

Склонность Фридмана объяснять отсталость “третьего мира” изъянами его культуры является типичной для мондиалистов. Выводы аналитика противоречат историческим фактам.

Тот же мусульманский мир, о котором он отзывается с пренебрежением, на протяжении VIII–XII вв. демонстрировал потрясающие способности в сфере науки и искусства.

Нынешний застой на Ближнем Востоке стал результатом не столько исламского догматизма, сколько интенсивной экспансии Запада. В последнее время она проявляется в виде бескомпромиссной борьбы США с теми странами региона, которые не желают унификации и приобщения к глобальному рынку, как того требуют стратегия Вашингтона и интересы транснациональных корпораций.

Friedman Thomas L. The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 2005. 488 p.

